

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

- Владимир Бутенко**
Терская клятва. Роман..... 13
- Олег Солдатов**
Одиссея Степана
Мазякина. Рассказ 113
- Сергей Сутулов-Катеренич**
Ангел-Хранитель города S ... 141

ПОЭЗИЯ

- Валентина Дмитриченко**
Стихотворения 3
- Александр Куприн**
Стихотворения 93
- Николай Ананьченко**
Стихотворения 125
- Валерия Махенько**
Стихотворения 133
- Владимир Яковлев**
Стихотворения 183

Литературное
Ставрополье
№ 3 (2020)

КРАЕВЕДЕНИЕ

- Легенды Ставропольской
культуры
- Алексей Кругов**
Олег Парфенов
Вы не дали погибнуть истории
Града Креста 99

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Евгений Шишкин**
Русский язык: время угроз 195

© Правительство
Ставропольского края

Главный редактор
Владимир Бутенко

ББК 84(2=411.2)6

УДК 821.161.1

Л64

Редакционная коллегия:

**И. Аксенов, Н. Блохин, Е. Гончарова, А. Куприн,
Е. Полумискова, С. Скрипаль, О. Страшкова,
Т. Третьякова-Суханова**

**Л64 Литературное Ставрополье. Альманах. —
Ставрополь, 2020 г. — № 3**

Адрес редакции:

355006, г. Ставрополь, пр. К. Маркса, 78.

Тел.: (8652) 26-31-50.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Дизайн и верстка: С.А. Крапоткина.

Корректор: Ю.В. Ляшенко.

Сдано в набор 31.08.2020. Подписано в печать 11.09.2020.

Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура «Georgia». Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 8,26.

Заказ № 211. Тираж 979 экз.

Отпечатано в типографии ООО «АЛЕКС ПРИНТ»:

394007, г. Воронеж, Ленинский проспект, д. 94, корпус 5, к. 52.

Тел. 8 (4732) 90-45-17.

ISBN 978-5-6041360-5-8

Канитель

Палый лист на землю стелется.
Птицы выстроились в клин.
Снова сад мой канителится
Тонкой нитью паутин.
Присмирив, лежат под окнами
Беспокойные ветра.
Всё опутано волокнами
Платины и серебра.
Скоро, скоро всё изменится,
Солнце круг свой завершит...
Вон и ковш Большой Медведицы
Опрокинутый лежит.
То не дождь ночами крапает -
Даже мне и то видать,
Как с ковша на землю капает
Неземная благодать.
Кто-то ходит за калиточкой...
Ох, боюсь я, милый мой,
Что порвется эта ниточка
Между мною и тобой.

Которой больше нет

Я думала, что ты мечта,
А ты – вчерашний снег.
А ты – такая пустота,
Что не постичь вовек!
Я думала: ты – океан,
Открывший тайны мне,
А ты – губительный метан,
Таящийся на дне.

Я думала, что ангел ты,
А ты всего лишь свет
Той ослепительной звезды,
Которой больше нет!

На чашечку чая

Губы тайно ласкают имя,
Взгляды встретились невзначай...
Пахнет травами луговыми
Остывающий в чашках чай.
Легкой дымкой над ними вьется,
Закипает в моей крови...
Сердце гулко о ребра бьется
От невысказанной любви,
От желаемой и случайной –
Встречи – солнечной, как напев.
На столе отдувался чайник
От волнения покраснев.
Обреченно дрожали руки,
Как шиповника лепестки...
Как сладки были эти муки!
Как же были они горьки!

Душе не спалось

Ночная звезда
В полумрак камыша скатилась.
Каким-то таинственным
Светом душа светилась.
Душе не спалось
И томилась она ночами,
И свет от нее
Расходился во тьме лучами.

Как будто случилось
Двух солнц или звезд слиянье,
Что даже при свете
Заметно ее сиянье.
Как будто среди ночи
Светило назад вернулось.
А это всего лишь
С любовью душа столкнулась.

Обрушится небо

Обрушится небо,
Качнув тишину за стеклом,
И в синие сумерки
Тут же окрасится вечер.
И кипенно-белым,
Пушистым лебяжьим крылом
Мне бережно день уходящий
Окутает плечи.
И как бы там ни было –
В сердце затеплятся вновь,
И воспламятся –
И в груди моей вспыхнув,
Как порох:
И вера моя, и надежда моя
На любовь – того,
Кто по-прежнему мне
Нескончаемо дорог!

Шаги

Ночь морозная – тихая-тихая
С бело-лунным сияньем в окне.
Слышно даже, как ходики тикают
В самом дальнем углу на стене.

Мама ходит, скрипя половицами,
На усталость свою не смотря.
А года облетают страницами
Отощавшего календаря.
Сколько прожито здесь,
Сколько пройдено,
Как родные зовут берега!..
Я с последним визитом на родину,
Но не знаю об этом пока..
Вижу небо, объятое пламенем,
Сток соломы на стылой меже..
И шаги осторожные мамины
До сих пор не стихают в душе.

Ледниковый период

В доме моем ледниковый период.
Стены от ветра идут ходуном.
Словно кобыла – нечесаной гривой
Стылая вишня трясет под окном.
Бьются синицы о стекла террасы,
Просят по старой привычке еду..
Ты мне еще не приснился ни разу
В этом скупом на подарки году.
Было непросто, но я не сломилась.
В радость была мне опека твоя.
Ты мне не снился, а я тебе снилась.
Знаю об этом доподлинно я!
Спросишь – откуда мне это известно?
Сложно сказать... но упрямо твержу:
Знаю! А если тебе интересно –
Можешь приехать – я всё расскажу!

Что ни слово – то ты

Я бросаю на лист за строкою строку
И слова подбираю, как в вазу цветы.
Ничего я поделать с собой не могу:
Что ни строчка – то ты, что ни слово – то ты.
Что мне делать и как мне с бедой моей быть?
И кому мне о счастье моем рассказать?
Я тебя никогда не устану любить
И стихи о тебе не устану писать!
Начерчу твое имя на белом снегу,
И смирюсь с непутевой моею судьбой...
Ничего я поделать с собой не могу!
Не могу ничего я поделать с собой!

Затворница

Что в прихожей, что в горнице –
Гробовая стоит тишина.
Добровольной затворницей
Я живу в этом доме одна.
Всё с любовью обставлено,
Никогда никакой суеты.
Флора в доме и фауна:
Кот ученый да в плошках цветы.
Окна в крупную клеточку,
Пара горлиц на черной трубе,
Да хозяйка – поэточка,
Что слагает стихи о тебе...
Мне – безропотной страннице
Неизвестно, что будет потом,
И кому он достанется –
Этот, всеми покинутый, дом.

Еще мой сад

Еще мой сад к морозам не готов,
Еще спит настурций пьяных алость.
Плетутся розы, а до холодов
Совсем немного времени осталось.
И я одна по саду хлопочу
Дни напролет, в любую непогоду,
И я, как сад, сдаваться не хочу
Ни холодам, ни времени в угоду.
Сгребаю лист, гоняю воронье,
Дышу смолистым терпким духом сосен.
И только лишь отсутствие твое
Привносит нотку грусти в эту осень.

Подумать о душе

Мой дом стоит вдали от шума городского
На самом из крутых, быть может, вираже.
Я здесь совсем одна, а это ли не повод
Остановиться и подумать о душе.
Одна. И оттого лежит на сердце камень,
Хоть я жива – судьбе и всем смертям назло..
Какой такой бедой, какими сквозняками
У дома моего отобрано тепло?
Давно ли жили в нем любовь, мечты и лето?
А нынче – только я и вся наперечет.
Таращит он во тьму глазищи кабинета
И бабочек ночных всю ночь к себе влечет.
По силам ли теперь одной такое бремя?
Как пугало стою уныло на меже..
Подумать о душе, пока ещё есть время.
Подумать о душе. Подумать о душе.

За эти бессонные ночи

За эти бессонные ночи,
За алую эту зарю –
Неровным дыханием строчек –
Спасибо – тебе говорю.
За взгляд твой, исполненный страсти,
За жаркие эти уста,
За горькие слезы, за счастье
Встречаться с тобой иногда.
Спасибо за раннее утро
С шальным ликованием грачей...
Какой просветленной и мудрой
Я вышла из этих ночей!

Холодный март

Хвастает удалью март молодой
Жаждет, стервец, герастратовой славы.
Бочки наполнены талой водой,
Снегом завалены рвы и канавы.
Вербы в цвету. Приосанился вяз.
Вид у весны неопрятный и жалкий.
Жгучей тоской фиолетовых глаз
Из под сугробов взирают фиалки.
Злится, дерзит напоследок зима.
Держится – надо признаться – не плохо...
Я понимаю... Ведь я и сама
Бьюсь за свое до последнего вздоха.

Хвала тебе и честь

Всего один звонок...
Звонок – такая малость.
Но ты не позвонишь
И я тебя пойму.
Так больно сделать мне
Еще не удавалось -
Хвала тебе и честь –
Пока что никому.
Галантно пригласить
Меня на чашку чая,
Помочь надеть пальто
И подарить цветы...
Так изощренно мстить,
В упор не замечая, –
Хвала тебе и честь –
Умеешь только ты!

Как птицы поют за плесами,
Как солнечно на душе!
Форзиции куст нечесаный
От почек тяжел уже.
Излука реки туманится,
И сладко щемит в груди.
Весна босоногой странницей,
Я знаю – уже в пути.
Придет и раскроет форточки,
И вздыбит на речке лед,
А после – скворцом на жердочке
До вечера пропоет.

Майское

Я читаю сонеты вслух
Соловью, что в сиренях
Мается...
Ух, как горло дерет петух,
Заглушить соловья старается!
Изо всех петушиных сил,
В три попытки ревниво
Вложенных,
Хриплым голосом голосил,
Прогоняя гостей непрошенных.
Всё живое тянулось ввысь:
И вьюнки, и вьюрки, и вороны.
И сонеты мои рвались
Из души на четыре стороны.

Закипают белые сирени

Рассекают утки небо клином.
Словно улей копошится мир.
Переспелым звоном соловьиным
До краев наполнился эфир.
Накрывая садик легкой тенью,
Поборов сумятицу и мрак,
Закипают белые сирени,
Плещут через изгородь в овраг.
Аромат левкоя тонкий-тонкий
С ветерком улавливаю я.
И кружатся в воздухе поденки
Под шальную песню соловья.

ТЕРСКАЯ КЛЯТВА¹

Роман

Часть третья

1

27-го ноября войска левого крыла Северной группы атаковали оборонительные позиции неприятеля в Северной Осетии, а спустя три дня 44-я армия, 4-й и 5-й гвардейские казачьи кавалерийские корпуса предприняли наступление на северном берегу Терека, выполняя задачу Ставки по разгрому Моздокской группировки врага.

Ивенский, размышляя о превратностях судьбы, не раз убеждался в том, что многое в ней непредсказуемо. Вызванный в штаб корпуса, где шло формирование Конной армии, он столкнулся с товарищем по военному училищу, Володей Бабичевым. Как оказалось, тот недавно выписался из госпиталя и был определен командиром пол-

ВЛАДИМИР
БУТЕНКО

Проза

¹ Окончание. Начало романа в «ЛС» № 1, № 2 2020.

ка в дивизию донских казаков. Расспросив Ивенского о службе и узнав, что после расследования «особиста» тот восстановлен в звании и прибыл за назначением, предложил воевать вместе. Пообещал поддержку комдива Горшкова. На удачу, уже следующим днем было объявлено о создании 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса, и рапорт Ивенского, потомственного терского казака, с просьбой зачислить к донцам был удовлетворен. Он был назначен командиром сабельного эскадрона.

Первые дни службы, знакомство с личным составом совпали с подготовкой к дальнейшему переходу: пополнением вооружения и заменой обмундирования, ремонтом лошадей, обеспечением боеприпасами и тягловыми запряжками, заготовкой фуража и сена, а главное – воды, которой заполнили всевозможные емкости.

Корпус генерала Селиванова, получив приказ, походным порядком двинулся к исходным рубежам предстоящего наступления. От горизонта до горизонта волнами разливались буруны. Ступать человеку трудно, ноги проваливаются, оставляя в песке глубокие следы. Еще тяжелей лошадям в артиллерийских запряжках и бричках с боеприпасами. Выбиваясь из сил, они начинают скакать по-заячьи. Караваны верблюдов, навьюченных бочками и зарядными ящиками, бороздят степь более привычно и выносливо. Вот только погонячам управлять ими непросто: то норовят взбрыкнуть и рвануть в сторону, то останавливаются как вкопанные, то начинают реветь на всю округу.

Идти колонной невозможно. Чтобы не барахтаться в растолченном песке, казаки передвигаются

развернутым строем, поэскадронно. По нетронутому, уплотненному насту ступать легче. Сабельники, жалея лошадей, ведут их в поводу. Каких только пород нет в эскадроне! И бесстрашные дончаки, и диковатые кабардинцы, и крупные метисы, родственные рыцарским тракенам, и низкорослые калмыцкие маштаки, и арабские полукровки, диковатые и светлогривые, и ахалтекинцы, пленяющие своей статью. У комэска Ивенского – Чара, вороная донская кобыла. Довольно рослая, с белым «чулком» на передней левой ноге, спокойная и по-женски изящная, с умными глазами. И казацкое чутье не подвело капитана, лошадь и впрямь оказалась понятливой, сильной и быстрой.

Ветер поднимает мельчайший бурый песок, и облачка его окутывают маршевые колонны. Песок скрипит на зубах, порошит и жжет глаза, забивается в рот. Песок мешает говорить, есть, дышать. Лошади без конца отфыркиваются, чихают, на толстых ресницах их глаз – желтая кайма. Песком завешано небо, и кажется, что огромная туча соединяет его с землей. Но вот открываются взгляду в предзимней степи прыгающие шары перекаати-поле. Казаки ловят и уминают их в повозках, чтобы была подстилка. Остановки через каждые два часа, поскольку лошади больше не выдерживают. И снова – на пределе сил к селениям, занятым фашистами. Однако и здесь, в степной глухомани, они напоминают о себе! Несколько раз за день налетают штурмовики, обстреливают и бомбят. И остаются в безлюдном краю одинокие казачьи могилы...

Запасы воды в 11-ой дивизии были исчерпаны неподалеку от хутора Тарского. По дороге не раз встречались у ногайских сел, вблизи становищ и

кошар колодцы, но все они оказались заваленными. И бой за Тарский, прежде всего, был боем за его колодцы!

Эскадрону, уставшему за многодневный переход, предстояло провести разведку и в случае успеха начинать штурм хутора. Перед вечером Ивенский сосредоточил казаков в ложине. Там в ожидании боя лично проверил запас патронов и гранат, вместе с замполитом Петраковым побеседовал с бойцами. Выглядели они неважно, отощавшие, заросшие, немые. Но настроение было отчаянно боевое. Видно, надоело сидеть на безводном пайке...

Атака началась в три дня. С восточной окраины в пешей развернутой цепи казаки ринулись на врага. Но залпы пушек, минометный и оружейный огонь заставили залечь, а после отойти назад. За ходом боя вместе с командиром полка наблюдал полковник Горшков. Комдив по телефону связался с артиллеристами, и те подтвердили, что успели выявить огневые точки противника. Задача эскадрона Ивенского была выполнена.

Ночью к Тарскому подтянулся весь полк. На этот раз атаке предшествовала мощная артподготовка. Дивизионная и полковая артиллерия смешала с землей огневые позиции гитлеровцев. С трех сторон ворвались казаки в хутор. За полчаса боя он был очищен от солдат Фельми. Немногие оставшиеся в живых отступили в близлежащий хутор Дыдымкин, превращенный немцами в опорный пункт. В эту суматошную ночь у колодцев толпились казаки, впервые за многие дни они вдоволь напились воды и напоили своих лошадей.

Но уже ранним утром более десяти немецких танков, поддержанных десантом автоматчиков,

предприняли натиск на Тарский. Удерживать его, когда еще отдельные соединения корпуса были на марше, не стали. И Бабичев отвел полк на первоначальные рубежи. Через день Тарский был снова занят казаками, на сей раз окончательно. А через неделю селивановцы овладели и хуторком Кизил, где также имелись колодцы. Проблема с водоснабжением разрешилась. Это позволило донцам занять прочную оборону и удерживать позиции, несмотря на ожесточенные танковые атаки противника.

Первые бои помогли Ивенскому ближе узнать бойцов и командиров. Потерь было немного. Ему запомнилось, что в штурме Кизила смело и слаженно действовал второй взвод. Обходя на следующий день окопы, он заметил, как правильно, на нужную глубину они отрыты казаками старшего сержанта Груднева. Этот красивый несуетный земляк отличался мужественной простотой. Сближало их и то, что недавно зачислены в полк. Ивенский чувствовал себя совершенно по-иному среди потомков ратников, людей основательных и обладающих несгибаемой силой воли. Не было в их среде мелочности, нитья. Война высвечивала подлинный характер каждого казака...

Повезло на этот раз Ивенскому и с замполитом. Петраков служил в казачьей дивизии с августа, когда оборонялась она на Туапсинском направлении. Тяжелейшие бои не прекращались там ни на день. И фронтовая спайка придавала эскадрону ту особую организованность и слаженность, которую невозможно выработать в учениях. Политрук был ровесником Александра, но человеком городским, из династии токарей. Ивенский сразу подметил в нем способность сходиться с людьми. Эта черта харак-

тера помогала замполиту чувствовать настроение бойцов, вызывать их на откровенность и всячески помогать. Ко всему, благодушный на первый взгляд ставропольский партиец был чертовски смел, и не отсиживался в кустах, когда эскадрон шел в атаку.

Ивенский и его заместитель по политической части жили в одном блиндаже. Хотя и старались саперы, вырыли яму в человеческий рост, накрыли досками и тюками сена, укрепили стенки брезентом, но сырость закладывала дыхание, и долго находиться в нем не хотелось. Поэтому вернувшись из штаба полка, где обсуждался план операции по овладению хутором Дыдымкин, они наскоро перекусили американской тушенкой, которую в полку называли «вторым фронтом», выпили разбавленного спирта и поднялись наверх.

На редкость теплыми для начала декабря стояли ночи. После снежной бури и морозов, как нередко бывает на Тереке, загостились оттепель. В мягком тихом воздухе приятно пахло табаком и талой свежестью, от коновязи тянуло духом лошадей. Пётраков в несколько затяжек выкурил «беломорину», поджег от чинарика вторую папиросу.

– Крепкий орешек этот хутор, – в раздумье сказал замполит. – После того как отошли кубанцы справа, а стрелковая дивизия – слева, мы фактически остались перед немцами в одиночестве. Корпус клином выдвинут вперед. И каждый день в боях теряет людей. А 4-й корпус Кириченко откатился на прежние позиции.

– Я еще с начала войны, понял, что нигде нет таких разных людей, как в армии. Все в форме, будь ты рядовой или офицер, все дают присягу Родине. Но на фронте, когда смерть смотрит в упор, слетает

фальшь. Никто не хочет умирать. Все не без греха, Геннадий Николаич, и подвержены страху. Но одни надеются на себя и убеждены, что лучше погибнуть, чем принять позор. У нас, в станице, к этому приучают с детства. Я с пяти лет знал о деде и прадеде, о том, где и с кем они воевали, в каком были звании и какие у них награды...

– Многое зависит от воспитания в семье, – заметил Петраков.

– Да, от поколения к поколению переходит клятва, самое святое для казака. И предать ее – значит обесчестить отца, свой род, казачество. Как же я, спасая шкуру, могу сорвать с плеч погоны и поднять руки вверх?

– Это не только у казаков. Ты посмотри на наших сильных и чистых душой ребят! Да и новобранцы с каждым днем набираются смелости. За оборону Хадзыженских сопок, где жертв не сосчитать, и за поход по бурунной степи памятник можно ставить. Но для них это – в прошлом, где-то позади. Живут в сегодняшнем и завтрашнем дне, веря в победу. Какая-то особая порода людей.

– Так вот. Одни полагаются на себя, а трусы и умники за их счет выживают. Постоянно избегают опасности, берегутся. Вот и делай выводы о тех, кто оголил наши фланги. Я не сужу. Не имею на это право. Командование фронтом даст оценку. Но... Несправедливо, Гена, по отношению к нашим казакам. Мало того, что отражают танковые атаки, находятся под бомбежками, – не меньше тяготит зимняя погода и полевые условия. Воюют впроголодь. Окопы осыпаются, и приходится копать их заново. Да и похожи эти укрытия на лисьи норы. А сколько мы потеряли коноводов у колодцев? Они постоянно

под минометными обстрелами... Нечеловеческие условия!

– Да, тяжеловато, – вздохнул замполит и опять поджег папиросу. – Ты совершенно прав.

– Иной раз поражаюсь: что мы за люди такие? Есть предел силам и выносливости русского воина? Наверно, есть. Только об этом никто сейчас не вспоминает. Мы воюем за себя и за жизнь родных людей. Уже полгода ничего не знаю о семье. Тревога душу грызет. Жена и доченька в блокадном Ленинграде. Фактически тоже на военном положении. Но четко сознаю, чем больше мы уничтожим здесь фрицев, тем легче станет нашим войскам на севере и быстрее будет снята блокада. Все взаимосвязано. Ненависть к врагу – необходимое для солдата чувство. Но на нем, как на одном крыле, далеко не улетишь. Главное – жизнелюбие. Не знаю, как тебе, а мне страшно не хватает тишины, занавесок на окнах, домашнего тепла...

– Думал, ты из стали, – улыбнулся Петраков и положил руку на плечо командира. – Я тоже, Саня, скупаю по своим. Мне, правда, легче. Пишем друг другу письма. Знаешь, настоящих людей значительно больше. Пройдут десятилетия. Не останется ни одного свидетеля этой великой народной битвы. И многое досужие исследователи переврут. Как сейчас по-разному толкуют события Отечественной войны 1812-го года. Так принято в исторической науке. Спекуляция фактами – в порядке вещей. Рассказывал мне об этом приятель, доцент пединститута. Пережитые нами бои, всяческие невзгоды, смерти, подвиги солдат и офицеров с десятилетиями померкнут, как истершиеся старинные монеты. Будут потомками преданы суду генералы и офице-

ры за ошибки и неудачные операции, позабудутся имена погибших. Время безжалостно! А истина проста: на нас свалилась эта неподъемная для иных поколений война. Танки горят, а советский воин не горит. Земля спекается, а его душа только тверже и смелей. Из особой негнибаемой стали, Александр Матвеевич, красноармейцы. Одним фронтовым братством спаяны.

– А сколько солдатских могил? Рядом! Сегодня ты в окопе, а завтра... Мужество спасает, вера в победу. И любовь помогает. «До тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага». Только вдуматься... Не могу привыкнуть к гибели бойцов. Седею буквально по дням. Для меня они не просто подчиненные в форме, а люди. Я отдаю им приказы...

– Однако, сам же сказал, что они – разные. Не только герои, но и хитрецы, сачки и лизоблюды. Вот и командуем ими, воспитываем, объединяем в одну силу. Как считаешь, товарищ командир, не перегнул палку штаб дивизии? Успеет наш эскадрон за полтора часа сделать крюк? Лишних двадцать километров – не пустяк.

– Я приказал, чтобы не жалели фуража. Многое зависит от выносливости лошадей. Тоже думал об этом. Пожалуй, перенесу выдвижение на полчаса раньше. Замысел операции в неожиданном ударе по хутору с тыла. Лишь бы не нарваться на разведгруппу с бронемашинами или на танки...

2

Профессор Калитаев объявил об уходе утром, когда Лука Фомич находился на реке, расставляя там свои мудреные щучьи снасти. Эта новость опечалила детей, сидевших за столом, а больше всех

– Ефросинью. Траурный платок, туго повязанный на голове, ее непривычно старил, оттеняя бледное лицо и опухшие веки. Бокастый чугунок возвышался посередине. Но она лишь смотрела в рассеянности, как домочадцы по очереди доставали из него картошку «в мундирах». На этот раз сдобрить ее было нечем – подсолнечное масло закончилось. И в охотку шли соленые огурцы да капуста.

Первыми встали из-за стола, перешептываясь, Иван и Алик. И отпросились к приятелю на дальний конец хутора поиграть на балалайке. Дина, быстрая и легкая в движениях, принялась убирать со стола и мыть посуду, а Ефросинья и осунувшийся, задумчивый профессор засиделись.

– Вот что я хочу вам заявить, богом данная Ефросинья! – начал профессор с присущим ему пафосом. – Нет слов, чтобы выразить благодарность за великодушный приют и хлеб-соль, которыми одарили меня, скитальца и малополезного человека. Однако, как сказал мудрый царь: «Всё проходит». Пора, батенька, и честь знать! За три месяца разленился, привык к вам... – взволнованный голос старика дрогнул. – Дело мое нехитрое! Чемодан не собирать. Всё уложится в рюкзак. Сушеных абрикос и орехов на дорогу хватит. Посох выстругал из кизила. Он легкий и надежен. Как поется в песне, одна дорога страннику верна!

– Я вас не отпущу. Зачем так рисковать? Каратели озверели. Вчера забрали у нас корову...

– Поэтому вам будет еще трудней. Нет, решено... Есть у Есенина такая строка: «Да. Теперь решено. Без возврата я покинул родимый дом...» Слышали о нем?

– Слышала. Но не читала.

– Он ныне под запретом. А я с ним даже водочку пил! Писанный русский красавец. Не жил, а «терял свою жизнь без оглядки». И в тридцать лет не стало... Удивительно, откуда берутся на Руси гении: поэты, ученые, воины. Воистину избранники Господни! Да... Есенин. Мне ближе всего стихотворение, – печальное, соответствующее возрасту, – про цветы. А начинается оно так:

*Цветы мне говорят: – прощай,
Головками склоняясь ниже,
Что я навеки не увижу
Ее лицо и отчий край.*

*Любимая, ну что ж! Ну что ж!
Я видел их и видел землю,
И эту гробовую дрожь
Как ласку новую приемлю...*

Ефросинья ощущала, как простые и обычные слова, соединенные неведомой музыкой, вдруг обрели завораживающую силу и, войдя в душу, озарили ее трепетным светом, словно бы свечи... «Какую же надо иметь силу духа, чтобы написать так беспощадно к себе, не тая боль, – взволнованно подумала Ефросинья. – Так и дедушка не побоялся смерти...» Опомнившись, глядя на умолкнувшего профессора, сказала строже, требовательней:

– Оставайтесь. В хуторе опять немецкий штаб. Танки. И канонада слышна.

– Нет, прелестная леди. Я так решил. Сегодня же! В Пятигорске и Кисловодске остались знакомые. Надеюсь разыскать. От меня проку нет. Совесть-матушка заела. И... на старости лет... влюбился в вас,

Флора, как мальчишка. Разумеется, платонически. Это о чем свидетельствует? О том, что «любви все возрасты покорны».

Ефросинья впервые за последние дни улыбнулась.

– Кстати, прекрасная дама, в России это божественное чувство выражается скудно. Одним словом. А у него множество оттенков! У древних греков было восемь типов любви! Людус – легкая, фривольная. Филия – это мое чувство к вам, – ощущение нежности и дружбы. Агапэ – любовь самоотверженная, сродни библейской. Эрос олицетворяет страсть и удовольствие. Сторге – это любовь родственников, членов семьи...

– А зачем это? – отмахнулась Ефросинья. – Когда любишь, неважно. Любишь – и всё. Зачем голову морочить?

Калитаев поправил очки, поднялся и растерянно посмотрел на Ефросинью.

– Пожалуй, я много говорю. Институтская привычка. Вы меня простите, что назвал Флорой. Это в шутку. Но, согласитесь, что может быть чудесней и величественней, чем богиня Природы, увитая венками!

– В нашем хуторе есть бабука с таким именем, – припомнила Ефросинья.

– Увы, женские имена в России во множестве заимствованы. А в Китае девочкам дают имена по названию цветов. Одно из популярных – Лань, что значит «орхидея». В Персии чтят имя Лале, – «тюльпан». Символом рыцарства считалась живокость. А розы с миртом, посланные возлюбленной, означали предложение ей руки и сердца. Букет маргариток, переданный рыцарю в ответ, сулил согласие. А если они были сплетены в венок, то избранница

просила повременить... – Калитаев развел руками. – Жаль, что на Руси отношение к женщине весьма практическое. Греки и римляне воспевали ее красоту и грацию. А у нас в былинах – поляницы, могучие богатырши. Добрыня Никитич из таких могучих баб выбрал себе супругу. Едет по полю, видит след коня и думает: дай-ка сражусь с басурманином. Увидев этого врага, разогнал буланушку, стукнулись мечами! Тут-то и опозорился Добрыня. Оказалась в доспехах женщина, Мария Микулешна. И, как в былине сказано, брала его белой рученькой и в карман прятала...

Во дворе послышался залиvistый лай Мачты. Стукнула входная дверь, и в натопленную горницу, впустив морозный пар, вошла в лисьей шубке, румяна и черноброва, с ироничным прищуром Наталья. Поправляя цветастую шаль, поздоровалась и огорошила Ефросинью вопросом:

– Ты знаешь, где твои воспитанники гуляют?

– К Бавыкиным пошли.

Подруга покачала головой.

– Значит, обманули. Возле школьного забора концерт устроили. Черненький на балалайке брэнчит, а другой песню Утесова поет да приплясывает.

– Не может быть! – не поверила Ефросинья.

– Сама видела. Шла к Вальке, свернула к тебе.

У Ефросиньи кровь бросилась в лицо. Она наскоро натащила валенки, надела фуфайку и метнулась из дому. Подруга еле поспевала за ней. Под ногами поскрипывал смерзшийся снег. Чувство опасности, что идут прямо к немецкому штабу, выветрилось из сознания. Обида и недоумение охватили душу Ефросиньи, она не понимала, что заставило мальчишек соврать и пойти на этот мерзкий поступок.

На всей площади двумя рядами стояли танки и бронемашины, выкрашенные в белый цвет. Вдоль них похаживали солдаты в мышастых шинелях и кепи, покрытых платками. Мальчишки развлекали этих охранников и двух офицеров, куривших на крыльце, Вид у «артистов» был забубенным! На голове Ивана, точно у гриба, пласталась широкая шляпа профессора. Фуфайка также была несуразно велика. Он пел на блатной манер, растягивая слова и пританцовывая, держа руки в карманах брюк и поглядывая на Алика, который лупил покрасневшими пальцами по струнам. В плюшевой женской куртке и старой заячьей шапчонке, пожалованной хозяином, выглядел балалаечник уморительно.

На крыльцо дружно вышли еще один офицер и рослый мужчина в нарядном костюме с женщиной, на которой искрилась норковая шуба. Под солнцем отливали подкрашенные хной, высоко взбитые рыжеватые волосы. Красотка что-то сказала сопровождающему ее немцу, и тот засмеялся, криком позвал заросшего густой щетиной солдата.

– Пускай допоют, – предупредила Наталья. – Обожди!

И на последнем куплете к «музыкантам» подбежал посланный офицером солдат-гонец и поставил у ног Алика банку тушенки. Тут же женщина, опершись на руку гражданского человека, сошла с ним на землю. Пружинистой походкой, как бы демонстрируя стройные ноги, плеча зеленой гофрированной юбкой, она направилась к мальчишкам. И Наталья вновь остановила рванувшуюся вперед подругу.

– Мальчишки! Вы чудненько выступали! – сладко-голосо произнесла эта броская и разбитная дамочка. – Как актриса оперетты рада за вас, но... смени-

те репертуар. Пойте песни хорошие, мелодичные. Умоляю вас! Зачем эта уголовщина! «Товарищ, товарищ! Товарищ малохольный...» Это же пошло! Ладненько?

– А мы, барышня, дети бездомные. Ни папани, ни родной мамочки, – завел Иван нудным тоном попрошайки. – Помогите, чем можете. Не обидьте сирот!

– Я бы рада. Но сама нахожусь в гостях. Мы с Валли, артистом нашего Пятигорского театра приехали по приглашению танкистов с шефским концертом. Это я попросила герра Штильке наградить вас тушенкой. Вы умнички!

Актриса послала воздушный поцелуй и той же привлекающей мужские глаза походкой вернулась к офицерам. Очевидно, желание пококетничать перед ними и побудило ее совершить это дефиле. Ефросинья, подойдя к мальчишкам сзади, спросила нарочито весело:

– Ну, орлы милые, отработали? Может, пора домой?

Услышав голос Ефросиньи, они застыли, и по напряженным их спинам можно было догадаться, что захвачены врасплох. Первым Алик, с опущенными глазами, а за ним Иван прошли мимо и припустили по улице. Банка тушенки осталась на утоптанном снегу. Наталья подняла ее. Немцы внимательно наблюдали за хуторянками. С крыльца что-то призывно крикнули. Ефросинья и Наталья, не оглядываясь, прибавили шагу. Страх, что их могут догнать, не отпускал до нижней улицы. В хутор докатилась молва, что в последнее время, когда фронт придвинулся, «немецкие казаки» и фрицы стали бесчинствовать, мародерствуя и насилюя женщин.

– Чуть под монастырь не подвели твои нахлебники, – попеняла Наталья и тут же неожиданно вступилась за них, когда дошли до конца проулка. – Сильно не ругай! Я тоже сначала обозлилась. А разобратся: заработали себе на ужин. Ничего в этом нет зазорного.

– Как нет? Ублажать фрицев и побираться? Ты что?

– Не так. А знакомят фашистов с народной культурой, – шутливо возразила Наталья. – Что с пацанов возьмешь? Озорство. А развлекают гадов такие крали, как эта опереточная потаскуха. Стараются всеми способами...

– Позорище! – завелась Ефросинья. – Никогда от них не ожидала. Разве так должны поступать пионеры? Корчить из себя клоунов. Превратиться в рабов...

Наталья посмотрела по сторонам, оглянувшись и вполголоса сообщила:

– Скоро наши муки, Фрося, кончатся. Немцев под Сталинградом окружили. Целую армию! И тут уже недалеко, возле Ага-Батыра и Дыдымкина бои завязались. Красноармейцы наступают! Скажи об этом Фомичу и соседям. Мне ночью листовку подбросили. Значит, и партизаны где-то недалеко.

– Господи, скорей бы... – вымученно произнесла Ефросинья. – Наверно, там и Борис мой...

– Запросто... Может, пойдешь со мной к Валюшке? Поиграем до вечера в лото, лясы поточим.

Ефросинья отрицательно мотнула головой, погружаясь в неотвязные грустные раздумья. Расставаясь на углу проулка, неунывающая подруга решительно сунула ей в руку холодную банку тушенки.

3

Проводы Калитаева спасли мальчишек от нахлобучки. Под горячую руку Ефросинье не было удержу – могла сказать, что угодно, да и пощечину отвесить. Еще до ее прихода провинившиеся начали резать листья самосада, желая угодить Луке Фомичу и ища у него заступничества. Заглянула Ефросинья на веранду, – понурые, со смиренным видом стучат ножами. Значит, совесть на месте. И решила: пусть помучатся, осознают свое отвратительное поведение, а после состоится разговор...

Профессор в широких суконных штанах Луки Фомича, в теплой зимней бекеше и кашне, туго охватившем шею, был готов в путь. Напоследок грелся в натопленной хате. Обрадованный возвращением хозяйки, он рассказал, что обнаружив свою пропажу на голове Ивана, хотел подарить ее сорванцу. Но тот отказался. И решил оставить ее на память Луке Фомичу. Ефросинья протянула ему, точно желая скорей избавиться, тушенку.

– Пригодится. Или переждете?

Выразительное лицо Калитаева было непроницаемо задумчивым. Большие роговые очки делали его отстраненным человеком из неведомого мира.

– Ефросинья! Надеюсь, вы не откажете старику в маленькой любезности, – заговорил он взволнованным голосом. – Примите от меня подарок. Старинный перстенок. Думал, по наследству перейдет. А семейная жизнь, как вы знаете, у меня не сложилась. Детьми так и не обзавелся.

Он вынул из кожаного футляра для очков золотой перстень. Синей искрой блеснул на нем аметист. Поднеся к лицу дорогое украшение, Олег Ани-

симович пристально взгляделся, точно стараясь его запомнить. Затем протянул Ефросинье.

– Примерьте.

Изящный, с тонкой вязью перстень подошел на безымянный палец. Несказанно обрадованный этим совпадением, старик не сдержался, мягко взял руку Ефросиньи и поцеловал в запястье. Она от смущения залилась краской.

– Вам нравится? – благодушно спросил Олег Анисимович.

– Очень. Как небо сияет...

– Вот и носите! Ваш дед служил при императорском дворе. А это украшение носила моя родственница, фрейлина. Женщинам он приносил только счастье. Даст бог, и вас не оставят ангелы...

У Ефросиньи посветлели глаза от ощущения искренней теплоты и щедрости этого человека. Она быстро подошла и поцеловала старика в щеку, и он, просяив, счастливо заулыбался, и его лицо приняло какое-то детское выражение. Ефросинья вдруг догадалась, чем ему помочь.

– И у меня к вам просьба. Передайте письмо моей маме. Она живет в станице Горячеводской, это часть Пятигорска. У нее сейчас мой сыночек.

– Конечно, милая Фрося! Укажите адрес – и я буду рад с ней познакомиться.

Наконец уставший и недовольный, притащился с реки хозяин. Оттепель почему-то отпугнула щук. А тут еще удар – новость о близком расставании с профессором. Сначала Лука Фомич принял это как неудачный розыгрыш, затем обиделся и наконец рассердился. Увещевал, убеждал неразумного бродягу, что играет с огнем, что фрицы стали теперь не такими, как осенью, – гораздо злей и беспощадней.

Да и погода может закрутить, завьюжить в один час. Но прежде покладистый и уступчивый, на этот раз Олег Анисимович превратился в кремень, никакие доводы не принял. Согласился лишь махнуть чихиря «на посошок».

Ефросинья и свекор проводили ленинградца до околицы. Смеркалось. Отдаленные залпы докатывались с северной стороны. А сзади, от хуторской площади, слышался тяжелый гул прогреваемых моторов. Который день танки стояли в Пьяном кургане, и объяснить это можно было только отсутствием горючего, как выведаль досужий Иван.

На прощанье Ефросинья трижды поцеловала путника, возбужденного и энергичного, точно отправляющегося на прогулку. Лука Фомич размашисто перекрестил приятеля и, не сдержав волнения, с досадой махнул рукой и первым поковылял к дому. А Ефросинья стояла, пока профессор поднимался на бугор. Наверно, такими бывают и святые...

После ужина Ефросинья потребовала от мальчишек, чтобы объяснили свой поступок. Оба прятали глаза, оба отмалчивались. Свое негодование и презрение «изменникам Родины» высказала Дина. Она объявила, что больше никогда не будет с ними разговаривать, потому что нарушили пионерскую присягу. Тут бы вмешаться Луке Фомичу, но он, тоскуя в одиночестве, чарку за чаркой пил вино, и мысленно был, наверно, в пути с питерцем, никогда не кичившимся ученостью...

А на следующий день Иван исчез.

Пошел будто бы он на Терек проверить щучьи самолеты и – не вернулся. Ефросинья, тая вчерашнюю обиду, не торопилась с поисками. Но спустя

час, заподозрив обман, вышла в сад, пахнувший отпотевшей корой яблонь и смородины.

Сверху распахнулось побережье. Скованная река искрилась снежной глазурью. Только на стрежне еще чернели струистые промывы. Ивана поблизости не оказалось. Выходит, опять соврал! Это не на шутку разозлило Ефросинью. Пора и меры принимать. Мелькнула, впрочем, надежда, что он мог выйти через улицу и уже – дома. По такой погоде не загуляешь. Ветер налегал сильней, потянуло морозом. Она прошла вдоль берега и убедилась, что ослушника нет.

Но в горнице встретили ее растерянные и жалобные глаза Дины. Ефросинья почуяла неладное. Едва она сняла фуфайку, как девочка протянула обрывок газеты, крупно исписанный простым карандашом.

– Это от Ивана, – выговорила она с дрожью в голосе. – В мою тетрадку подложил.

Ефросинья опустила взгляд:

«Тетья Фрося! Я не мог сказать. Дядя Алексей, ваш брат, приказал мне молчать и дал задание. Я сосчитал, сколько у фрицев танков и солдат. И бензин у них кончился. Я знаю, где искать партизан. Не обижайтесь! Простите меня, пожалуйста! А когда наши вернутся, чтоб вас не ругали, скажите, что Вахонин сбежал на фронт. Я хочу воевать. Или ходить в разведку. Смерть фашистам!»

– А мы ругали его... И не догадывались, какой это герой! – покаянно прошептала «донна», прижимаясь к безмолвно стоящей хозяйке.

Ефросинья, обескураженная и сбитая с толку, села за стол, рукой поправила отросшие, вьющиеся на кончиках волосы. На нее неотрывно смотрела

девочка. В эту минуту в свете снежного дня была Ефросинья удивительно хороша, кожа лица приняла легкий фарфоровый оттенок, отчего огромные глаза потемнели, стали выразительней. Дина, следя за выражением ее лица, сочувствующе молчала.

– Где Алик? – тревожно спросила Ефросинья.

– С дедушкой на чердаке кукурузу перебирает. Я его спрашивала. И даже ему Ваня ничего не сказал.

– Как я не догадалась вечером... Видела, что писал перед свечкой на веранде. Артист!

Она вскочила, прошлась по комнате.

– Надо вернуть. Иди, позови дедушку и Алика.

– Вы не волнуйтесь, тетя Фрося, – осмелела Дина. – Он хитрый и ловкий. Вахонин найдет партизан! А искать его не надо. Он на лошади ускакал. Вместе с каким-то стариком, тоже партизаном. Он вас любит, тетя Фрося! Просто не хотел огорчать. Честное слово! Эта же тайна была... Военная...

– Откуда тебе известно?

– Ваня написал и мне, – не без гордости произнесла девочка и, улыбнувшись, взволнованно добавила. – Лично мне... Но я не могу его вам показать. Таких хороших слов я от Ванюши не ожидала...

4

Немцы захватили Луку Фомича на базу. Трое рослых эсэсовцев в теплых суконных шинелях, в касках, из-под которых пестрели женские платки, вошли через калитку, а следом, срывая с петель ворота и раскалывая их в щепки, въехала бронемашина. Она заняла половину двора, наполнив его едкими выхлопными газами. Наставив на хозяина автомат, один из них, брюхатый, крикнул:

– Курка! Млеко! Яйки!

Лука Фомич, неприязненно хмурясь, заторопился к крыльцу. Вот уж, действительно, входит беда через отворенные ворота. Очкастый фриц первым поднялся по ступеням, не обращая внимания на хозяина, и призывно махнул сослуживцам. Лука Фомич, с колотящимся сердцем, вошел в дверь. На веранде его догнали водитель и тот пузан. Увидев Ефросинью, немцы оживленно загоготали и заулыбались. Самый веселый из них, худой верзила, вплотную подошел, хотел взять за руку, но она отступила, враждебно глядя исподлобья.

– Карош, баба! Лубит баба...

– Курка! Яйки! – заученно потребовал фриц в очках, выглядевший старше прочих, и, подойдя к плите, громыхнул крышкой кастрюли с кукурузной кашей. Обращаясь к Ефросинье, что-то буркнул и показал на стол. Солдаты сбросили шинели на кровать, сняли каски и платки. Столпились у печи, грея руки. Теперь они не показались Луке Фомичу такими страшными, и он подумал: даст бог – обойдется.

Но лысый, с глубокими глазницами фриц и брюхатый прошли в зал, где на стульях сидели Алик и Дина. Лица подростков были насторожены, подрагивающие на коленях ладони выдавали волнение. Толстяк приподнял указательным пальцем подбородок девочки, процедил несколько слов. К нему подошел приятель, цепко взяв Дину за руку, зыркнул на подростка:

– Weg!²

И не успел Алик понять, чего требует немец, как тот сбил его кулаком на пол. Дина вскрикнула от страха, и тут же лысый зажал ей рот ладонью, а его

² Прочь! (нем.)

дружок подхватил двумя руками и понес к убранной кровати. Ефросинья, услышав суматоху и шум в зале, разъяренной волчицей метнулась туда, крича озлобленно и яро, без усилий вспоминая в этот момент нужные слова:

– Fassen Sie das Mädchen an! Sie haben auch Kinder und Frauen... Fürchet Gott!³

С неженской силой она отталкивала лысого, цапала руки толстяка, терпя их удары, издавая при этом дикие, рычащие звуки. Сумасшедшее сопротивление казачки удивило и негаданно осадило насильников, от которых разило спиртом. Такого ожесточения и бесстрашия бабы они прежде не встречали. И драка с ней только испортила настроение...

– Пан командир! Мы – казаки. А дед снохи вступал в вашу немецкую армию! – срывающимся голосом выкрикивал Лука Фомич, обращаясь к носатому немцу. – Берите, что хотите. Только не позорьте невестку и девчонку малую! Христом-богом прошу!

Тот с уважением повторил слово «Kassaken» и что-то раздраженно произнес. С голым черепом фриц и пузан нехотя вышли из зала. Между ними произошла перепалка. Двое других немцев, сидевших в комнате, принялись стаскивать сапоги.

Лука Фомич, бледный, как покойник, шмыгнул в зал. В одночасье пропало ощущение, что он в родном доме. Иная страшная сила хозяйничала теперь здесь! Ефросинья, у которой под глазом горел синяк, вытирала накидкой окровавленное лицо Алика, его распухший нос. Дина, дрожа, стояла в узком простенке за шифоньером. Пряталась, бедняжка...

³ Не трогайте девочку! У вас тоже есть дети и жены... Побойтесь бога! (нем.)

– Батя, – горячно зашептала Ефросинья. – Уводите детей. На остров. Возьмите ведро картошки, тыкву, орехи, соль. Через Терек люди переходят за зимником⁴. Где полыньи, оставьте лестницу. Я сбегу к вам...

– Да тебя же одну... – голос Луки Фомича оборвался от волнения.

– Идите!

Ефросинья вывела детей из зала, была рядом, пока они и свекор одевались. На крыльце дала последние наставления. Вернувшись в горницу, увидела на столе большую флягу в серой материи. В такой Михаэль держал свой коньяк. Немцы развели носки и портянки возле печи, и в этом зловонном смраде ей пришлось накрывать на стол. Весь дом наполнился им вперемешку с кислым квасным духом невымытых тел. Ефросинья ничего не жалела. Угощала кашей, солеными огурцами, мочеными яблоками и арбузом, принесла кувшин вина. Солдаты постоянно оставались в поле ее зрения, и она замечала, что тоже следили за ней. Садясь за стол, очкастый подозрительно спросил:

– Woher kennst du Deutsch?

– Ich habe ihn in der Schule unterrichtet⁵, – сдержанно ответила Ефросинья.

Видимо, переняв жест у кого-то из русских, он вскинул большой палец вверх и снисходительно пояснил:

– Die Grenadiere kontrollieren sich nach dem Kampf nicht. Viele von uns sind gestorben... Du hast mich verstanden?

⁴ Зимника (южн. каз.) – ягоды, собираемые зимой.

⁵ – Откуда ты знаешь немецкий язык?

– Изучала в школе. (нем.)

– Ja⁶.

Худой верзила разлил коньяк по стопкам, приглянувшимся ему в старинной горке. Учел он и молодую грудастую хозяйку. Требовательно махнул ей рукой.

– Setz dich. Trink mit uns. Du hast heldenhaft für deine Tochter gekämpft.

– Keine Angst!⁷ – ободрил брюхатый.

Ефросинья со спокойным лицом взяла стопку, к ней протянулись руки. Пять длинных мужских ладоней, закопченных порохом, с нечистыми ногтями. Видно, приходилось фрицам тяжело, если позабыли о своей хваленой аккуратности.

– Trinken wir eine Nacht mit einer schönen Frau!⁸ – томясь, провозгласил весельчак.

Ефросинья кожей ощущала поминутно тяжелеющую ситуацию. Ей стало трудно дышать. Она выцедила до дна коньяк, отвратительный, отдающий грибком и дубовой корой. В груди запекло. Взяв с тарелки колечко огурца, она почувствовала, как лысый обхватил ее за талию. Ефросинья шагнула назад и насторожилась. Весельчак погрозил приятелю пальцем. Остальные осклабились. Выпили по второму разу. Застолье загомонило. Пока гренадеры наполняли посудины, она накинула на плечи пуховый платок и, обращаясь к очкарику, по-русски сказала:

– Яйки!

⁶ – Гренадеры не контролируют себя после боя. Многие из наших погибли... Ты понимаешь меня?

– Да. (нем.)

⁷ – Садись. Выпей с нами. Ты героически дралась за свою дочку.

– Не бойся! (нем.)

⁸ – Выпьем за ночь с красивой женщиной! (нем.)

– Pass auf Sie auf, Jürgen.⁹ – в рассеянности проговорил он.

Толстяк с готовностью поднялся. Ефросинья сделала рукой останавливающий жест.

– Ich bin schnell wieder da. Ich mochte Cognac.

– Nein!¹⁰

Ефросинья выскользнула на веранду, пока Юрген обувался. В один миг надела фуфайку и, схватив с полки амбарный замок с торчащим ключом, сунула его в глубокий карман. Немец размашисто вывалился на веранду. И с ходу обнял ее, дохнув перегаром. Ефросинья пружинистым толчком вырвалась, сбежала по ступеням. Немец бросился за ней. Лихорадочно мелькали мысли, она искала выход. И по какому-то наитью остановилась у омшаника, отдернула разбухшую дверь и ринулась в темноту. Справа от двери высилась пирамида ульев. В верхнем, чтобы не ржавели, свекор хранил гвозди и топоры. Она спряталась в угол. Чутко затаилась. Немец что-то сказал, заглядывая внутрь строения, но Ефросинья точно перестала понимать немецкий язык. Юрген повысил голос, стал угрожающе кричать. Проем двери, светлеющий против заснеженного плетня, был хорошо виден Ефросинье. И когда фриц, пригнувшись, вошел, изо всех сил надавила двумя руками на тяжелый лежак. Улей подался не сразу, тихо пополз, накренился и рухнул с грохотом. Небывалый ужас охватил Ефросинью в сомкнувшейся вдруг тишине. Минуту она не шевелилась, боясь, что немец вста-

⁹ – Проследи за ней, Юрген. (нем.)

¹⁰ – Я быстро. Мне понравился коньяк.

– Нет! (нем.)

нет и убьет. Но фриц не двигался, ничком лежа под расколовшимся лежаком. Она переступила через распростертые ноги и выбралась во двор. Дрожь колотила ее. Но мысли обрели ясность. На промокших ногах были вязаные чупяки. И она вновь заскочила в омшаник, стащила со стонущего немца сапоги и надела их поверх ноговиц. В доме, перекрикивая друг друга, фрицы о чем-то спорили. Нужно было убежать. Но, как будто искушая судьбу, Ефросинья поднялась на крыльцо и плохо повинующимися пальцами навесила на входную дверь замок. Во дворе резко пахло бензиновой гарью. С досадой подумала, что не знает, как слить из бака горючее. Такими чудовищами и танками был полон весь хутор...

Во весь дух мчалась Ефросинья к Тереку. Жгла душу тревога: где домашние? Успели перебраться? Нет ли в сторожке других жильцов? Сломя голову сбежала по спуску на шершавый, смутно проступающий в темноте лед. Небо к полуночи разбогатело звездами, мороз поджал, и лед под ногами ничуть не пружинил. На середине реки, где плешиной проступила незамерзающая полынья, она разглядела лестницу и радостно вздохнула: значит, перешли! Ступая по планкам, слыша, как позванивают струи, Ефросинья преодолела опасную промоину. Поднимая за узкий край лестницу, вдруг ощутила боль в плечевых суставах. Видно, повредила, когда ступала улей. С трудом доволокла она лестницу до берега.

Пробираться по ночному лесу было нелегко, но еще таившийся в ней взрывчатый страх и легкий хмель придали сил. Тропа то сужалась на поворотах, то петляла туда-сюда. Мысли сбивались, всё

произошло столь неожиданно, что осознать было невозможно. В один час стали бездомными. И как долго скрываться в убогом лесном убежище – не угадаешь...

Тишь дремала в чащобе. Вековые грабы, дубы богатырским строем стояли по обе стороны, окруженные мелким подседом. Яблочко пахло нахоложенным снегом и тонким духом древесной коры. Ефросинья ощутила, сколь мала она среди этих поднебесных великанов. И подумав вдруг, что бы могло случиться, если б не смогла сбежать, с отворачиванием содрогнулась и подумала, что лучше принять смерть...

Ее встретили дети и свекор, как будто расстались век назад. В сторожке горела свеча, которую Лука Фомич не забыл прихватить. Пока ждали хозяйку, Дина веточками жимолости подмела пол. С осени остались здесь дубовые чурки, и Лука Фомич растопил печь. В домишке еще чувствовался чад, но морозный воздух дал тягу, – и чурки трещали, бросали по деревянному потолку огненные блики.

Взвездя курок одностволки, Лука Фомич устроился на лавке возле двери. По другую сторону комнаты на топчане поместились Ефросинья с Диной. А мужественный Алик залез на печную лежанку. Постелью стала ему солдатская шинель, оставшаяся здесь от красноармейцев.

Долго обсуждали, как будут жить. Погода ломалась. За окошком разгулялась метель. И Лука Фомич с облегчением подумал, что следы их надежно заветает поземка, и теперь, если кинутся немцы искать, не страшны овчарки.

Слабое тепло наконец устоялось в сторожке. Детей сморил сон. А взрослые лежали с открытыми глазами, прислушиваясь к всхлипам ветра. Всё в обездоленном мире стало зыбко и неведомо. Лука Фомич размышлял, как долго задержатся немцы в хуторе. От этого зависело их дальнейшее существование. А Ефросинья терпела боль, сковавшую плечи. Вот как далось спасение! И еще неприкаянно, горестно томилась душа, лишенная любимого дома...

Чуть свет началась бомбежка.

Ефросинья, разбуженная взрывами, вслед за свекром выскочила из избышки на поляну. Пресека, ведущая к хутору, открывала часть верхней улицы, и над ней клубились в сумеречном небе рукава черного дыма, прерывисто мигали отсветы пожарищ. Гул самолетов, стихнув, вновь стал усиливаться. И шум, похожий на рокот приближающегося дождя, быстро перейдя в пронзительный вой, опустился на землю. Череда взрывов колыхнула землю здесь, в двух верстах от дома. А что творилось там? Оторопь охватила Ефросинью. Хутор, по всему, погибал. В нем что-то громыхало, гудело, лязгало. Затяжная бомбардировка надломила дух даже Луки Фомича, у которого под ногами лихорадило земную твердь.

– А мы сокрушались, что хату немцы заняли... – с неизъяснимой болью в голосе твердил он. – Вот когда не только дома, а всего Пьяного кургана, должно, не стало. Вот она, война треклятая, что творит! И ничего не сделаешь. Принимай, как есть... Казакам не пристало тужить. Абы живыми остались. Только б выбили врага с нашей земли. А дома-терема построим, дело знакомое.

5

Из доклада начштаба Закавказского фронта об итогах действий войск Северной группы с 27.11 по 8.12. 42 г.

«Ход операции:

– 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус в первые дни имел успех и достиг рубежа – Нижний Джелал, Бейсей, Каясулу, Березкин – и овладел Новкус-Артезианом, Ямагои, Морозовским, Сунженским. Начиная с 2.12. столкнувшись с частями противника, усиленными танками, стал отходить назад и к исходу 5.12. оторвавшись от противника, отошел и занял оборону на рубеже Каясулу – оз. Щетели выс. 110, Кирпич-Аул, Али-Кую, где находится в настоящее время.

– 5-й гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус – с первых дней стал успешно наступать и к исходу 6.12. вышел на рубеж – Дзадзиев, выс. 136, пески 1,5 км юго-восточнее Ага-Батырь, Ново-Стодеревский, – но затем также перешел к обороне.

Генерал-лейтенант Антонов»

Неискушенному в армейских делах человеку не просто понять, что скрывается за сухими фразами штабного документа. А по сути, в нем говорится не только о ходе наступательной операции по разгрому Моздокской группировки врага, а делается акцент на ее выполнении.

Покровительство в Ставке Верховного Главнокомандования позволило генералу Кириченко выйти сухим из воды. Фактически, его корпус участвовал в операции всего два дня и, встретив упорное сопротивление немцев, покинул занятые

позиции, отступал трое суток, пока не оторвался и не занял оборону в ногайской степи. Действия Кириченко, в самый напряженный момент самовольно оголившего правый фланг 5-го Донского корпуса, что грозило тому уничтожением, можно смело назвать дисциплинарным проступком. Однако, командира кубанцев не привлекли к ответственности, а по-прежнему, всё снимали кинохроникеры, специально приставленные к «великому кавалеристу». Почему – разгадка очевидна. Еще 22-го августа после боя под Куцевской «Красная Звезда» разразилась статья, в которой призывала красноармейцев сражаться так, как «казаки под командованием генерала Кириченко». Героя поставили в пример всей Красной Армии, а его дивизии заслуженно получили звание «гвардейские». Тот великий бой точно завесой прикрыл последующие действия комкора. И потому, немислимо было через три месяца после создания мифа вдруг опровергнуть, разрушить его, придав анафеме «непобедимого» генерала.

А что же Донской корпус? Именно в те дни, когда дивизии Кириченко пятились на восток, кавалеристы Селиванова в полуокруженье продолжали двигаться вперед, на юго-запад, ведя кровопролитные бои с превосходящими силами врага.

Генерал Селиванов в донесениях не использовал обиженно обличительного тона командира кубанцев, сообщал в штаб Северной группы войск с мужественной сдержанностью русского офицера:

«Противник в течение всего дня бомбит боевые порядки частей, контратакует танками, пехотой, обстреливает сильным артиллерийским и минометным огнем.

Сосед справа (Кириченко) отскочил назад и перешел к обороне на фронте Каясулу, Березкин, Аликую. Сосед слева оставил Кречетов и Мельников. Перед частями корпуса по-прежнему действует до одного полка мотопехоты, части 33-го кавалерийского полка (Юнгшульца), 506-й мотостроительный батальон, и около 40 танков 3-й танковой дивизии. Прошу оказать мне помощь путем придачи трех полков артиллерии, одной танково-броневой роты и одного авиаполка. Я почти не имею артсредств и совершенно – танков, а противник начинает предпринимать энергичные меры по разгрому корпуса. Селиванов».

Впоследствии выяснилось, что противостоящие войска немцев были еще многочисленней. Именно сюда перебросили танковый батальон из корпуса Фельми, единолично командовавшего отражением советских войск на Тереке.

Гранитной скалой встали донские казаки среди бурунной степи! Весь декабрь перекипали бои на передовой, растянувшейся изломистой линией вблизи Ага-Батыра. Немцы ежедневно, проводя артподготовку, атаковали танками и мотопехотой. Иной раз им удавалось пробиться к окопам красноармейцев. Но яростный отпор стрелков, разящие выстрелы канониров, броневойщиков и минометных расчетов, самопожертвование бойцов, бросавшихся со связками гранат под танки, – великое геройство казаков Селиванова день за днем истощало силы элитного соединения вермахта, заставляло отступать в укрепрайон.

Декабрьская окопная война, политая великой кровью, наполовину выбила эскадрон Ивенского. Да и сам Александр получил пулевое ранение в пле-

чо. От медсанбата он, не задумываясь, отказался. Оставить эскадрон не мог. Его заместитель, лейтенант Алабухов, был поборником дисциплины и надежным человеком, но в оперативных вопросах разбирался туговато. К тому же, из четырех командиров сабельных взводов в прежней должности оставался только старший сержант Груднев, представленный им к присвоению звания старшины за исключительную храбрость. Борис называл свой взвод терским, поскольку в большинстве состоял из земляков. Как следовало ожидать, дрались терцы отчаянно, с холодной головой, как их предки. Появление в бурунах темнокожих вояк у казаков вызвало крайнее удивление. Что ни бой упорно тащились арабы позади танков, несмотря на кинжальный огонь пулеметов и град шрапнели. Похоже, немецкие командиры берегли их в последнюю очередь.

Ивенского с головой захватили фронтовые будни. Кавалерийская служба оказалась специфической и гораздо сложнее, чем в пехоте. Там личный состав да материальная часть, а в эскадроне, помимо этого, конный состав и сопутствующих проблем – невпроворот. И все имело значение: от подков и ухналей, подогнанной сбруи и седел до состояния поголовья лошадей и корма. Обходя позиции эскадрона, Ивенский проверял, как содержатся кони, а свою гривастую любимицу Чару неизменно баловал сухариками. Она узнавала его издали и, поворачивая голову, наставляла маленькие острые уши. Улыбаясь, он угощал ее и поглаживал атласную шею. И будто исцеляющее тепло исходило от кобылицы, в знак благодарности норвящей лизнуть руку. До ранения он каждый день, если была

возможность, делал на ней проезды. И неизменно оставался доволен своей лошадкой, ее понятливостью и способностью легко менять аллюр.

Была на исходе третья неделя противостояния у Ага-Батыра. Селиванов и Фельми, опытные командиры, сознавали, сколь необходимо было удержать занимаемые рубежи. Отступление одного из них повлекло бы цепную реакцию, грозящую катастрофой на всем Моздокском направлении. Особенно опасен был возможный прорыв казаков на запад, в тыл 1-й танковой армии. Он позволил бы Советам ввести в образовавшуюся брешь крупные соединения и рассеять плацдарм, занимаемый группой армий «А». Именно поэтому ее командующий фон Клейст не жалел для Африканского корпуса ни танков, ни солдат.

Первым ва-банк пошел Фельми. Его тщательно подготовленный план заключался в подавляющем ударе танков в центре обороны противника, где было меньше артиллерии, чем на флангах, далее – прорыв в тыл казаков лихого кавалерийского полка Юнгшульца и поэтапный, по сегментам, разгром дивизий Селиванова.

Вражеский штурм начался в ночь на католическое Рождество. Сотни вспышек снарядов и мин озарили оглохшую от канонады заснеженную степь. Букетами взлетали в небо и зависали осветительные ракеты, создавая иллюзию наступившей зари! Более полусотни танков, с нарастающим гулом приближались к позициям 12-й дивизии Стрепухова. Они были слева от полосы обороны эскадрона Ивенского, и он с командного пункта, оборудованного на вершине буруна, видел всю панораму начинающегося сражения. Не иначе немцы собрали

все танки, которые оставались на ходу, и плотным клином решили протаранить казачьи редуты. Судя по беспрерывным вспышкам автоматов, за бронетехникой следовал батальон мотопехотинцев. И не успел бой разгореться вдали, как Ивенскому позвонил командир полка и приказал изготавиться. И действительно, несколько минут спустя начался артобстрел его позиций. От фугасных снарядов рушились окопы, корежило пушки и минометы. Санинструктор Рябцев, расторопный и бесстрашный парень, не покидал передовую. Замполит и Алабухов там же своим присутствием и советами поддерживали бойцов, и отзванивались, сообщая ему обстановку. В очередной раз, схватив телефонную трубку, Ивенский вновь услышал голос командира полка.

– У соседа справа началась рукопашная, – подчеркивая каждое слово, предупредил Бабичев. – Учти, в любую минуту могут полезть на нас. Сильный артогонь?

– Так точно.

– Докладывай через каждые четверть часа. По приказу комдива передал один расчет 76-и миллиметровых орудий соседу. Надеемся на себя. Бутылки с зажигательной смесью вам еще подбросят. В случае чего, добавлю бронебойщиков.

Эскадрон не вступал в бой до самого полудня. Но вот из текучей дымовой завесы выползли и придвинулись к полосе обороны три танка, с ходу громыхнув пушками. За ними – ряды гренадеров. Шагали они торопливо, как-то валко, вероятно, во власти страха. И первыми обстреляли казаков из автоматов. Но как только последовал ответ минометчиков, – над землей вспыхнули белые облачка

шрапнели, – поредевшие ряды «африканцев» залегли и стали отползать. Танки дали задний ход, и атака захлебнулась.

Между тем на позиции 12-й дивизии натиск вражеской бронетехники не ослабевал. Сражение, небывалое доселе по размаху и ожесточенности, временно затихло лишь с наступлением темноты. На оперативном совещании поздним вечером Селиванов выслушал доклады командиров дивизий, разобрал их действия и поставил жесткую задачу: не только удерживать позиции, но и предпринимать стремительные контратаки, нанося врагу урон в живой силе. Минутой молчания помянули погибших товарищей. Потери в этот день были особенно тяжелы. Смертью храбрых пали десятки казаков, среди них командиры 45-го и 47-го полков – Лысенко и Ипполитов. По данным разведки, немцам предписано прорвать оборону казаков любой ценой.

6

Метель не унималась всю ночь, шорохливо бросая снег, смешанный с песком, на плащ-палатку, прикрывающую вход в блиндаж. Сон сломил Ивенского прямо за столом, и он забылся, положив голову на полевую сумку. Видение было тревожным: он искал кого-то, звал на помощь и метался на сумрачном берегу. Потом началась гроза, и по небу замелькали молнии, и одну из них он схватил рукой и ощутил страшный удар...

Задрезбезжал телефон. Ивенский очнулся и машинально поднял трубку, – линия разомкнулась, раздавались прерывистые гудки. Часы показывали начало пятого, значит, поспал целых полтора часа. Во рту держалась табачная горечь, но по привычке

он отщелкнул крышку портсигара, закурил. Петраков, как ушел с вечера к Алабухову, так до сих пор и не вернулся. Видимо, желая дать возможность отдохнуть командиру, заночевал в землянке старшего лейтенанта. Эта простая забота заместителя тронула, и подумалось, как зависит человек от тучки, от случайностей.

Он напахнул на плечи бурку, выбрался наружу. Вьюжные порывы были сильны, пробрало холодом. Погромохивало вдалеке, а за передовой зависали и падучими звездами таяли искрящиеся немецкие ракеты. «Сколько разных народов воевало в этой терской степи: хазары, всадники Тамерлана и Чингисхана, казаки и кабардинцы. А нам пришлось сражаться с потомками тевтонцев. Человеческая история – непрерывная цепь войн. Но такой, всепланетарной, никогда еще не бывало. Вооруженные до зубов фашисты вознамерились покорить Землю. Захватили Европу и ведут войну в Африке. Только Красная Армия у них на пути! Почему эта участь выпала именно нам? Сражаться одним корпусом, в зимних бурунах. Откуда у красноармейцев берутся силы?! – взволнованно вязались мысли, пока он осматривал, прислушиваясь, позиции, растянутые фронтом на северо-запад. – Ни наступать, ни отступать. Ничего нет трудней, чем изо дня в день держать оборону в окопах».

Ивенский велел ординарцу приготовить чай и пригласить командный состав на ориентировку. Он разложил на тумбе карту, скользнул глазами по передней линии окопов, по второй полосе обороны, прикинул, насколько удачно расположены минометные точки и расчеты бронбойщиков, тылы. Всё это он помнил до мелочей, но мысленно про-

игрывал начало боя, атаки противника с флангов. Эскадрон занимал сравнительно выгодное положение нежели соседний на стыке с другой дивизией. Однако рельеф местности имел изъяны, рядом громоздились высокие буруны, что позволяло немцам атаковать из-за укрытия. Решение возникло неожиданно (он ругнулся, что не додумался раньше): выдвинуть сейчас же, ночью, чтобы успели окопаться, двух разведчиков на каждый из флангов для корректировки огня бронейбойщиков.

Командир разведотделения, сообразительный и горячий сержант Сиротин, выслушав приказ, тотчас отправился на передовую. За ним явился санитар-инструктор Рябцев и доложил, что ночью умерли двое казаков, а еще четверо тяжелораненых не транспортабельны. Всего убыль за прошлый день – одиннадцать человек. Итого, сосчитал Ивенский, боевой состав эскадрона составляет шестьдесят два человека. Горстка, менее половины штатного расписания. Впрочем, он и не помнил, когда роты, которыми командовал, были полностью укомплектованы. А сейчас силы были ослаблены, как никогда, хотя полоса обороны оставалась прежней, и с каждым днем нагрузка на бойцов непомерно возрастает.

В начале летучки Ивенский приказал взводным бережней расходовать боеприпасы, открывать огонь по врагу с ближней дистанции. И быть готовым к встречным вылазкам, не спонтанным, а подготовленным и расчетливым. Также потребовал строже следить за дисциплиной. Это крайне было необходимо. И наконец, ободрил подчиненных тем, что их дивизии приданы танки.

Обсудив с Алабуховым, замполитом и старшиной возникшие в роте проблемы, Ивенский начал

с ними обход. Казаки взвода Груднева завтракали, приятно пахло пшенной кашей, приправленной смальцем, о котелки вразнобой позвякивали ложки. Стоявший в охранении молоденький боец, увидев ротное начальство, вытянулся в струнку, но капитан остановился и коротко махнул рукой, дескать, «вольно». Здесь, на передовой, был различим гул вражеских машин и танкеток. Гарью несло из степи. Противников разделяли всего три километра. Ивенский, поднеся к глазам бинокль, стал осматривать горизонт, невольно слыша разговор красноармейцев.

– У нас, в Сибири, колючий ветер называют – хиус, – басовито звучал размеренный голос. – Мороз больше сорока не страшен, когда тихо. Но ежели хиус – беда. Пробирает до костей. Да я закаленный, смалу с тятькой на зимней охоте.

– Мы на Дону северный ветер окрестили бахмачом, – отозвался хрипловатый тенор. – У вас, сибиряков, леса. Есть защита. А у нас такая же, как здесь, бескрайная степь. Душу наскрозь продувает...

– Вот-вот. Нет края лучше Сибири! – горделиво заговорил первый. – В тайге кедроч. Краса. И в сугробе, если припечет, не худо на время спрятаться.

– Какую погоду война пошлет, та и наша, – подхватил, по всему, немолодой казак, произнося слова неторопливо и веско. – Две войны мне, донскому казаку, пришлось отломать, а эта – третья. Где, думаю, было всего страшней? Взять мировую. В конном строю ходили в боях на мадьяров, на астрицких гусар. И в первом же – от переживанья речи лишился. Как сазан, хватаю ртом воздух, а сказать не могу. Вахмистр видит такое дело, подзывает и – в скулу! Я подскакиваю, и давай его по матушке. Односумы

стоят, оскоряются... Много страху набрался! Опять же в Гражданскую. Считай, на братьев руку подымал, – донец крикнул, ругнулся и заговорил громче. – А теперича не страшно! А почему? Понятно, за что помираю. Раньше жизнь расколота шла: господа и казаки, кто – бедней, кто – зажиточней. Невзлюбил я энту капитализму пуще сатаны! Воевали за царя и державу, а жили на авось, как вывезет. Каждый сам для себя. Взяли власть большевики и сплотили люд в единую семью, узлом все мы связаны, хошь не хошь. Конечно, не всем такое по нутру. Есть среди нашего брата ненасытные, падкие на богатство. Но большинство приняли. Потому веру имеем в справедливость, и примаем здесь смерть, промерзаем до костей, чтоб спасти свои хаты и семьи. Потому, что от рабства отвыкли, а в душе надежда прижилась. Что такое есть народ? Народ – это когда все друг за друга воюют. А не за царя и буржуев, будь они прокляты...

– Дядька Михей, ты лучше политрука, – одобрительно заметил тенор. – Завлекательно закрутил...

– Слыхал? – негромко и улыбочиво спросил Петраков, наклонившись к командиру. – Сравнение не в мою пользу. А я им недавно про Теркина читал. Веселил.

– Здоровая конкуренция, – пошутил Ивенский. – Видна твоя работа. Если человек осознает, что делает, он начинает уважать себя.

Ивенский поравнялся с окопом. Бойцы, увидев командование, разом поднялись. Он оглядел заросшие щетиной, докрасна растертые снегом знакомые лица, хотя не помнил всех фамилий. Наугад обратился к немолодому кряжистому казаку с проседью в окладистой бородке.

– Вы – Михай?

– Так точно. Гвардии ефрейтор Михай Куликов.

– Мудро говоришь, – с теплотой в голосе сказал Ивенский. – Никто не дал отпор гитлеровцам, кроме Красной Армии. А мы даем, и корпус наш подсыпает им перцу. Такой войны не было в истории. И таких великих бойцов, как вы, понятно, не было и больше не будет. Потерпите, братцы казаки. Мы победим. Когда – не знаю, но обязательно победим!

К Ивенскому подошел, слегка прихрамывая, и козырнул командир взвода. На войне характер человека проявляется в мелочах. Груднев был в вычищенном полушубке и опрятной барашковой шапке. Даже в этот день, когда ожидалась жестокая бойня, выглядел он бодрым и подтянутым. Выслушав доклад о состоянии взвода, Ивенский напутствовал:

– Смотри, терский казак, не подведи! – но, сделав шаг, приостановился и обеспокоенно спросил. – А что с ногой?

– Старая болячка, товарищ гвардии капитан. Пройдет!

Командир дружественно протянул ладонь, и Борис ответил сильным рукопожатием, навсегда запомнил его взгляд, – испытующе пристальный, вдумчивый, – взгляд близкого и понимающего человека...

7

Ивенского тяготило ощущение, что время ускорилося, не позволяя сделать самое необходимое. Он проверил линию боевого охранения и передовую по фронту, убедился, что у минометчиков полный боекомплект, а у бронейщиков – запасные позиции. До рассвета успел обойти второй эшелон обороны,

где к нему присоединились Алабухов и замполит. Ровно в восемь часов, когда уже находился на НП, донесли о появлении немецкой бронетехники. Ивенский прильнул к стереотрубе. К позициям полка двигался таранный клин «Панцеров». Устрашающе мигая фарами, они на ходу разворачивались в строй. Головной правил на позиции эскадрона! Ивенский насчитал двадцать три танка, сопровождаемых десантниками, и сбился, не уследив за их перемещениями. Надсадный гул моторов сливался с лязгом и скрежетом гусениц. Тревожно думалось: сможет ли полковая батарея противостоять стаду железных монстров? Силы не равны. Наверняка останавливать их придется казакам со своим стрелковым оружием, гранатами и зажигательными бутылками.

Ожил телефон, связывающий с командиром полка.

– У аппарата Ивенский.

– Видишь, капитан, сколько гостей? Начало боя – залп «полковушек»!¹¹ Не волнуйся, Маша, я – Дубровский, – если б не дрожь в голосе командира, то можно было подумать, что Бабичев спокоен и весел.

– Есть. Обеспечим горячую встречу!

– Только сам в пекло не лезь. Знаю я тебя, черта, по училищу. Веди баталию с умом!

– Постараюсь, товарищ гвардии майор, – ответил Ивенский, опуская трубку с сигналами отбоя. Белые громадины с черными крестами, ворочая гусеницами и бросая из выхлопных труб искры, точно баржи – с волны на волну – переваливались по бурунам. Он послал заместителя к бронебойщикам, а

¹¹ Полковушка – армейское название 76–и миллиметрового орудия.

Петракова – на передовую, куда тот сам намеривался идти. И, оставшись один, всем естеством сросся с этой смертельной реальностью – kloчущей, рвущейся, огненной, – весь уйдя в бой...

Обстрел танков артиллерией начался с полукилометра. И тотчас «Панцеры» ударили по обнаружившим себя пушкам. Грохот и визг снарядов, беспрерывные раскаты залпов вздернули Ивенского. От толовых ядовитых газов и завесы кочующего дыма заложило дыхание. Бугристая местность выравнилась текучим маревом. Несколько раз над головой с визгом пронесли осколки. Потом, разрываясь над землей белыми клубочками, накрыла позиции казаков шрапнель. Танкисты били беглым огнем, затрудняя действия полковых артиллеристов. А им и без того было тяжело ориентироваться из-за дымного сумрака, затянувшего степь.

Ивенский вел бой, не помня себя, точно бы став его оголенным нервом, – по телефону подсказывал и отдавал взводным команды, выслушивал короткие донесения посыльных, решал множество всевозможных проблем, возникающих в ходе сражения. Время от времени внимал замечаниям командира полка.

– Мажут твои бронейщики! – кричал в трубку Бабичев. – Руки от страха дрожат? Наведи порядок!

– Один танк подожгли, у другого перебита гусеница, – докладывал Ивенский. – Для ПТР пока далековато.

– Смотри, как бы близко не оказалось!

Ивенский промолчал, зная, что бойцы дерутся на пределе человеческих возможностей. А бронейщики собственным опытом научены, – огонь по башням бесполезен, только попадание в днище,

когда танк на гребне буруна, или в бензобак дает толк. Сто метров – оптимальный рубеж для выстрела. И в то же время Бабичеву не возразишь: рискованно стрелять по танку с дистанции, которую он преодолет за полминуты...

– Груднев! Готовьте гранаты и зажигательные бутылки, – хрипел надорванным голосом Ивенский. – Если перескочат окопы, бейте сзади. Вам это знакомо. Без суеты!

– Товарищ гвардии капитан, Голубенко второй танк подбил!

– Молодцы!

И настал самый опасный и непредсказуемый момент боя. Несмотря на урон, – восемь подбитых «Панцеров», – танковый смерч накатился на передовую. Под прикрытием бронемашин к ней бежали с песней гренадеры – расплывчатые тени в густой задымленности степи. Несмотря на мороз, фрицы были не в шинелях, а в одних серо-зеленых мундирах. Во второй день Рождества, похоже, в бой ринулись, изрядно набравшись шнапса. Их нестройный хор то усиливала, то забивала свистом метель. И каски, и френчи, казалось, были в мучнистом покрове. Мелкий снежок порошил беспрестанно.

Ивенский поднес к глазам бинокль. Три передних танка преодолели окопы и, чередуя залпы пушек с пулеметными очередями, продвигались ко второй линии обороны. Сухие щелчки противотанковых ружей не смолкали, но были бессильны поразить танки, шедшие в лобовую. Вдруг идущий в центре дернулся, по его башне скользнули огненные языки, гривой вздыбился черный дым, и танк клюнул дулом вниз. «Зажигательной смесью подожгли, – догадался Ивенский. – А что же пушкари?»

Он скользнул биноклем по позиции артиллерийского взвода. Уцелело только одно орудие, а другие были разбиты прямыми попаданиями...

Ивенский вновь сосредоточился на передовой. Он физически ощущал происходящее там, ненависть темнила мысли, лишая хладнокровия и толкая вперед, на помощь казакам. Он несколько раз пытался связаться с Грудневым, но командир взвода не отвечал. В дальней панораме виделось: два немецких танка крушили ходы сообщения и окопы, в них летели гранаты и зажигательные бутылки, цепь гренадеров, стреляющих из шмайссеров, сомкнулась со вставшими навстречу красноармейцами. И закипела по всей передней линии рукопашная – схватка насмерть. Мелькали руки с боевыми ножами, слышались отдельные выстрелы и взрывы противопехотных гранат, неясно различимые крики. Земля поминутно покрывалась телами....

8

«Я должен быть с ними!» – неотвязно пульсировало в голове, и этот неведомый порыв побудил его оставить командный пункт. Ивенский пробирался по траншее к позиции Груднева, слыша над головой высвисты пуль. Как назло в критический момент боя замолчали бронебойщики. И он свернул к их ячейке. Вблизи пластался дым, – значит, снаряд попал недавно. Противотанковое ружье, установленное на сошках, торчало вверх. Два окровавленных бойца, раскинув руки, лежали рядом. Он кинулся к ним – оба были мертвы. В подбрустверной нише виднелась связка РГД. Ивенский забрал ее и, пригнувшись, побежал по ходу сообщения. Навстречу – ординарец Матвеев.

– Товарищ гвардии капитан! Вас к телефону товарищ Бабичев! – отчеканил он, и тут же пулеметная очередь прошла землю в полуметре, вскидывая снежные султанки от разрыва пуль.

– Кричал он?

– Нет. Приказал – срочно связаться.

– Доложи ему, если опять позвонит, что я на передовой.

Оглушительный грохот на правом фланге заставил обоих упасть на землю. Белый яркий свет горящего фосфора озарил позиции. Костром пылал танк, подожженный зажигательной бутылкой. Ивенский вскочил, мысленно находясь там, где не прекращалась рукопашная. В пекле боя не иссякал у него прилив отчаянной решимости.

Большой окоп, где хранились боеприпасы, был переполнен ранеными. И первым увидел он Петракова, в испятнанном кровью полушубке. Выразительный, печальный взгляд санинструктора Рябцева поведал: безнадежен. Ивенский припал на колено, наклонился над замполитом. Но обескровленное и как бы заострившееся его лицо осталось безучастным.

Вблизи – суматошный разнородный шум, – вскрики, очереди и разрозненные выстрелы, возгласы по-немецки и ядреный мат, глухое уханье ударов. Груднев дрался в переднем ряду. Казаки оттеснили grenадеров и сражались уже метрах в пятидесяти от окопов. Смуглолицые, верткие эфиопы отчаянно сопротивлялись. Среди них тоже были рослые и сильные воины. Между тем затяжная атака немцев выдыхалась. А казакам отступить было некуда. Над степью взлетели три красные ракеты. И враг попятился! Первыми – танки. Grenадеры, от-

биваясь от преследующих казаков, побежали к бронемашинам.

Узнав, что у него на позиции командир эскадрона, Борис Груднев срочно явился к нему и, вскинув ладонь к шапке, прерывистым голосом доложил:

– Товарищ гвардии капитан, десант отбили. Разрешите атаковать в конном строю! У фрицев кончились патроны, – тяжело дыша, сообщил старший сержант. – А коней я приказал заседлать раньше.

– Что ж, было бы неплохо... А пулеметы на бронемашинах?

– Отсечем. Только предупредите наших минометчиков.

Ивенского небывало смелое предложение земляка зацепило. Времени на обдумывание не было. Неотступный азарт всё больше разбирал его. Отринув рассудочные сомнения, Ивенский неожиданно для самого себя согласился:

– Давай! Либо грудь в крестах, либо голова в кустах. Или мы не казаки? Десять минут на подготовку. А я свяжусь с Бабичевым. Разрешит – я с вами!

Командир полка столь дерзкой казачьей инициативы не ожидал. Ответил не сразу, взвешивая каждое слово:

– Оч-чень рискованно. Вчера в соседней дивизии немецкие кавалеристы напоролись на наши пулеметы. В любом случае, пусть ребята далеко не зарываются. Ты – командир. Даю право решать самому.

Ивенский направил посыльного к Грудневу и прикрепил к поясу ножны с шашкой. Вынул ее, проверил пальцем наточку. Коновод-трубач прискакал на Чаре. И, увидев свою любимицу, Ивенский, почему-то улыбнулся. Он слегка подтянул подпругу и вскинулся в седло. Краем левого фланга доскакал

до передней линии, где ждали его верхоконные. Лошади рвали поводья, полошились, чувствуя волнение всадников.

– Развернутым строем! Марш! – отрывисто командовал Ивенский.

Казаки помалу разогнались на мерзлом снежном насте. Гренадеры, удалившись от позиций противника, еле перебирали ногами, обессиленные после боя. Неведомо почему, – то ли боясь русских пушек или же по причине нехватки топлива, – бронемашины укатили без них напрямик в Ага-Батыр. Бесформенной толпой двигались эфиопы, когда наперерез устремилась казачья кавалерия.

С шашкой в вытянутой руке, хмелея от близости опасности, Борис горячил лошадь, держа в поле зрения казаков и Ивенского, который следовал сзади на полкорпуса. «Как деды-терцы, так и мы сейчас в бой летим, – подумал Борис в запале. – Ну, выручай, подружка-шашка!»

Отряд настиг гренадеров неподалеку от охранной линии. Шашечный вихрь выкосил ближние ряды убегающей толпы. Рубить людей оказалось страшней, чем казалось Борису. Но им овладела такая безумная ярость, что исчезло чувство опасности. Успевших удалиться арабов добивали из автоматов.

Ивенский, отмечая про себя, что положили не меньше полусотни немцев, дал команду: назад! Взвод круто осаживал коней, и в этот миг кто-то из арабов издали дал автоматную очередь. Ивенский погиб мгновенно. А Борис, истекая кровью, удерживался в седле, уводя бойцов к своим позициям, пока не обстреляли вдогон немецкие минометы, и, сраженный второй раз осколком, не потерял сознание. Его на скаку успели подхватить казаки...

9

Два дня кряду приходил Лука Фомич с Ефросиньей на низкий островной берег. И, таясь за лозняками, с тоской подолгу смотрели они на руины крайних хат, на сгоревшую изгородь своего подворья. Тяжелая застойная гарь держалась в холодном воздухе, хотя кружила поэмка, и временами срывался снег. Неуверенная перебивала оттепель, и по наслузу¹² у промоин слезилась желтая водица. В первый день еще слышалась в отдаленье немецкая речь и рокот дизельных моторов. Затем устоялась тупая, ничем не нарушаемая тишина, будто во всем хуторе ни души. Обоих мучила неизвестность: уцелел их дом или ничего от него не осталось?

На третьи сутки Лука Фомич не утерпел. Да и продукты истожились. Спозаранку, чтобы не привлечь случайных глаз, они вдвоем с Ефросиньей околесили край леса. Сноха помогла донести лестницу и пересунуть через неширокую полынью. Однако беспокоило Ефросинью, что течение стало быстрее, и под напором вода выплескивается на изъеденную кромку льда. Лука Фомич словно бы угадал ее мысли, проворчал:

– Должно, в Чечню тепло завернуло. Не вовремя...

Медленно ступая по лестнице, он выбрался на твердый лед. Ефросинья с трудом оттащила и спрятала «кладку» в прежнем месте. Как договорились, разведчик должен узнать, что к чему, и тотчас вернуться. Поэтому она решила не отходить далеко. Бродила среди ив и тополей. Нашла деревце боярышника, с уцелевшими сморщенными бурыми ягодами. Они приятно охладили во рту, отдавали

¹² Снег, налитанный водой. (южн. диал.)

сладковатой терпкостью. За беспокойными, вязкими мыслями тянулось время нудно, у нее стали мерзнуть ноги в широких немецких сапогах.

Минуло часа два. Ефросинья заволновалась и, стоя за лозняками, неотрывно глядела в сторону хутора. Коченеющие ступни всё ощутимей ныли. Желая согреться, она плясала по дорожке, пока не разорвал ветер облачную пелену, и не проблеснуло полуденное солнце. Недоброе предчувствие росло. Но мысленно сопротивляясь, она придумывала причины, объясняющие пропажу свекра.

Ефросинья ждала до ранних декабрьских сумерек. Задубелая, на негнущихся ногах с трудом доплелась до сторожки. По ее лицу и всему поникшему виду дети поняли, что случилось несчастье. Она жадно выпила из кружки родниковой воды, с трудом разделась и рухнула на лавку. Стащила сапоги, сняла вязаные носки и чулки. Наклонившись, стала по очереди растирать ноги. Дина бросилась ей помогать.

– Ух, ты... – вскрикнула Ефросинья. – Пальцы в зашпары зашли. Но ты дави на них, сильней разминай... Алик, набери из печи жару...

С мученическим лицом больше часа просидела Ефросинья на лавке, обхватив голыми ступнями бока разогретого угольями ведра. На счастье, ступни обрели чувствительность, и болезненная ломота ослабла. Не стесняясь детей, она натянула и закрепила резинками на бедрах шерстяные чулки, одернула длинную суконную юбку. К ней вернулось обычное уравновешенное состояние.

– Завтра мне придется идти в хутор, – точно размышляя вслух, произнесла Ефросинья. – Фомич не вернулся. Тянуть нельзя. Терек может разлиться.

Протопим на ночь печку, запеку вам тыкву. В случае чего, сварите картошку. Орехов еще много.

– Может, и мы с вами? – предложил Алик. – Одной вам опасно.

– Если бы знать, что ждет, – возразила Ефросинья. – Нет. Пока одна...

Утро выдалось хмурым, туманным. Порывисто дул промозглый ветер. Ефросинья с еще большей тревогой заметила, что промыв, разделяющий реку, увеличился. Понимая, что лед истончился, она постояла в замешательстве. И всё же, собравшись с силами, приволокла лестницу и перебросила мостиком через водоток. Всего-то и нужно было переступить по шести планкам, и легконогая Ефросинья была уже посередине, когда раздался треск обломившегося льда, и край лестницы позади нее лишился опоры. В последнее мгновение она удержалась на ногах, ощущая, что «кладка» погружается вглубь, и успела запрыгнуть на отпотевшую ледовую твердь. Стало страшно от того, что могло бы сейчас случиться, – она оглянулась: лестницу несло к той стороне, где перекипали струи. Перейти здесь Терек было уже невозможно. И придется обратную переправу искать в другом месте...

Она поднялась по луговине, отмежеванной инистым полеглым бурьяном. Свернула к обгоревшим стоякам огородного плетня. И то, что разом открылось взгляду, было так неожиданно и так потрясло Ефросинью, что она окаменела.

Там, где прежде светлели хаты, громоздились высоченные груды серых угластых камней, бурое крошево кирпича, самана, грачиным черным цветом выделялись испепеленные бревна и доски, трубы и остовы печей. Тяжелая вонь пожара витала над

изрытой, припорошенной землей. Среди уличного хаоса виднелся дом тетки Василисы, хотя половина черепичной крыши была раздроблена, да еще маячил их старый раскидистый кизил, росший у колодца. От предположения, что большинство хуторян погибло, Ефросинья содрогнулась, с упавшим сердцем подумала: «Неужели никого больше не осталось?»

Она точно в бреду остановилась на краю подворья, неузнаваемого, тесного от стоящей бронемашины. Со стороны дома ее привалила скособоченная железная крыша, а с улицы – чернел развороченный борт, под которым гармошкой растянулась перебитая гусеница. «Гадиной ты вползла в наш двор! – с ненавистью подумала Ефросинья. – И поэтому мы стали бездомными, но и ты больше не будешь служить фашистам!» Там, где раньше был уличный плетень, зияла огромная воронка. А на месте колодца высилась гора земли и мусора.

Ефросинья заплакала, ею овладело странное двойственное чувство: что на самом деле видит развалины своего жилища, и довлело сомненье, что зашла не туда, и вокруг чужое, незнакомое. Душа не принимала такого горя! Она жила заедино с милым казачьим приютом, срослась с ним – оплотом судьбы. В нем, согретом ее сердцем, была полновластной хозяйкой. И теперь воспринимала разбитую хату как живое существо и непостижимым образом ощущала ее боль, слитую со своей болью. В эту минуту она поняла, что прежняя налаженная жизнь необратимо оборвалась, и, словно ласточке, потерявшей гнездо, всё строить придется заново...

– Господи, да за что же нам такое! – причитала Ефросинья, обращая к небу замутненный слезами взгляд. – Куда идти? Где жить? Кто нам поможет?!

И точно бы в ответ в испачканной сажеей трубе, устремленной ввысь, протяжно загудело, и из рыхлой, неповоротливой тучи посеялась крупа вперемешку со снегом. Опять заплясал шалый ветер, и потемнело. Ефросинья, всхлипывая, концом полшалка промокнула глаза, поднялась. Переступила фундамент и... вошла в дом. Она обнаружила спинку кровати, закопченную боковину горки и осколки посуды. Из-под слоя штукатурки извлекла фотографию в рамке, где были запечатлены с Борисом, и засунула ее за пазуху. Угол зала сохранился на фундаменте, близ него торчал покоробленный медный карниз. Ефросинья, орудуя им, точно лопаткой, принялась откапывать вещи. Нашла чашки и обливную миску, серебряную чарку, ложки. На полуметровой глубине карниз стукнулся обо что-то твердое. Она стала отгребать ладонью и нащупала резной край ризы. Древняя икона оказалась почти неповрежденной. Ефросинья сдунула с нее пыль, припала губами к лику Богородицы...

Сложив найденное добро в объемную цебарку, Ефросинья решила на время оставить его у тетки Василисы. Терпеливо перебравшись через баррикаду, в которую превратился сарай, она подошла к покалеченному крыльцу соседки. За сучкастой вековой грушей неожиданно обнаружила могильный холмик. В изножье стоял связанный из палок крест. Ефросинья обмерла от страха и перекрестилась. Теряясь в догадках, постучала в дверь. Ей открыла настороженная хозяйка в черном платке, с осунувшимся скорбным челом.

– Ефросиньюшка! Доченька! – всплеснула руками старая казачка в шушуне и валенках. – Бог тебя

послал! Хоть утетишь бабу... У вас беда: ни крова теперь, ни двора. А у меня – тройне! Похоронила вчерась раба Божия Спиридона... Не выдержал болезный... От бомбежки голова разболелась, головокруенье исделалось. Должно, сильно испужался. Жалился, как чтой-то в затылке лопнуло. Два дня промаялся...

Ефросинья, войдя в холодную, нетопленную хату, сочувствующе слушала. А подспудно ее точила мысль, что смерть прогулялась по хутору, и неведомо: в последний ли раз?

– ...лежит покойник. А что я могу? Совсем отчаялась. Когда заходит утречком Фомич. Дуже горевал за дружком. А тогда позвал с того края, от речки, деда Портнова. Сбили на пару из огородки гроб. Под его любимой грушею и предали земле. И хорошо, что близочко. Хоть буду проводывать...

– А где свекор мой? Не сказал, куда собирался? – с замершим сердцем спросила Ефросинья.

– Должно, у Портновых до се пьянствует. Вспомни, как у твоей матери задержался... Фрося! Переселяйтесь, милушка, ко мне. Детишков я полюбила. И Фомича приглашала. Места на всех хватает. И с дырявой крышей весны дождемся. Не дело скитаться вам, вроде цыган... Помру я одна... Богом прошу, прямо сегодня приходите! Не способна даже печку растопить...

– А немцы?

– Вроде, удрали, проклятушие. Как налетели утром самолеты да расколошматили танки, так тогда и сгнули... Поселяйтесь, Фрося. Прокормимся, с голоду не помрем. У меня картошка в копанке зарыта, бураки. А весной за свою хату возьметесь. Фомич ишо при силе.

Ефросинья, не раздумывая, согласилась. Посетовала только, что опасно стало переходить Терек. Оттепель. Придется ждать мороза. Тетка Василиса возразила:

– А ежели дожди зарядят? Нет, милушка, чем скорей, тем верней.

На крыльце Ефросинью подтолкнул в спину ветер. Она медленно побрела по разбитому Пьяному кургану, по уродливому кладбищу знакомых до ставен и окошек белостенных домов. Их бесформенные развалины из помола камней и кирпича, хлам досок и расщепленных бревен, черепиц и листового железа, с двух сторон тянулись и зловеще суживались, кое-где смыкались, образуя валы. Тут и там зияли могильными ямами воронки. От непреодоляемого волнения Ефросинья стала путаться, где чье подворье. Тяготило душу, что навек погасли вековые семейные очаги. Сколько поколений терцев, сменяя друг друга, родилось и выросло здесь, служа родине и православию. Тысячи служилых, – казаков и солдат, – маршировали и рысили на скакунах по улицам, отправляясь на усмирение воинственных, падких на измены горцев. Мощным казачьим кордоном служил хутор, защищаясь от отрядов хищников. Великие воители за Отечество и жены их покоились на большом погосте, в полуверсте от хутора. По скату балки тянулся он в окруженье кустов сирени, кленов и акации. И вот теперь сами дома превращены бомбами в склепы, стали для хуторян вечным пристанищем...

Ефросинья не могла отрешиться от мысли, что бомбили Пьяный курган наши самолеты. Кто-то из военачальников отдал приказ, зная, что в хуторе могут быть жители. Не посчитался с жертвами,

руководствуясь сугубо военной целью. И она была достигнута. Десятка полтора бронированных чудовищ мертвели во дворах и на майдане, куда она дошла. Пристально оглядывая танки и самоходки, подавляющие своей железной несокрушимостью, у которых дула торчали книзу, башни повреждены, гусеницы перебиты, она представила и ужаснулась, какими опасными бывали они в боях, сколько полегло наших бойцов от их пушек и пулеметов.

Она спустилась к подворью Портновых, стоящему под береговым яром, на отшибе. Напротив него, за узорчатой белью развесистых верб и тополей в ледяной кольчуге тускло серебрился Терек. Ей вдруг подумалось, что немцы намеренно собрали столько сил в Пьяном кургане. Ведь ни разу до этого не бомбили его «наши», хотя и находились в хуторе немецкие части. А когда припекло на фронте, фрицы решили воспользоваться прикрытием жителей, казачьих душ, зная, что русские своих не убивают. А война не имеет незыблемых законов. Жизнь и смерть ходят неразлучно. И подобно тому, как посылают командиры солдат в бой на верную гибель, так и хуторяне, не подозревая об этом, стали заложниками сокрушительной бомбардировки...

Ефросинья, внимательно оглядев поворот реки, заметила, что промоины здесь не широки, и можно перейти на остров, если у деда Михаила найдется длинная лестница.

Прямо от калитки ей навстречу с радостным визгом бросилась Мачта. Рыжая, с красноватым отливом шерсть собачонки ярко выделялась на заснеженной дорожке. Она плясала у ног, тыкалась носиком в колени.

– Ай ты, моя маленькая! Ну, здравствуй, здравствуй, – ласково говорила Ефросинья, присев и глядя ее по вытянутой лисьей мордочке. – Нашлась...

На сердце отлегло. Свекор загостился у приятеля.

Ефросинья постучала в дверь и вошла в темный коридор, пахнувший мышами. Приоткрыла дверь и заглянула в тусклую неубранную горницу. Увидев ее, бабука Ульяна странно изменилась в лице, будто чего-то испугалась.

– Здорово дневали! Можно? – проговорила Ефросинья, гася улыбку под буравящим взглядом хозяйки. Впрочем, она издавна слыла в хуторе неприветливой и гостей не жаловала.

– Хорошим людям завсегда рады, – буркнула она и громче окликнула. – Титович! К тебе сноха Грудневых...

Ефросинья поняла, что Луки Фомича в хате нет, и как-то нехорошо сжалось сердце. Хозяин, скрипнув сеткой кровати в соседней комнатушке, с кряхтеньем встал на ноги. Почему-то помедлил и, шаркая чувяками, вышел к гостье, неся в руке рыжий лисий малахай. Ефросинья мгновенно узнала шапку свекра.

– Здорово дневала, Фрося, – мельком взглянул на нее мрачный вислоусый старик и почему-то опустил глаза. – Ты с острова? Никак уже прослышала?

– О чем? – непонимающе выдохнула Ефросинья, уловив в голосе дядьки Михаила скрытное волнение. – Свекор был у вас?

Хозяин подтянул суконные шаровары, заправленные в шерстяные носки, помял в руках малахай.

– Скажу тебе напрямик... А ты дюже не кричи, а то у меня самого сердце шалит, спотыкается... – с надрывом предостерег он, поднимая подслеповатые глаза и встречаясь с похолодевшим взглядом

Ефросиньи. – Нема больше нашего Луки Фомича... Утоп! Сам за смертью в Терек полез... Я его силой держал: проспись, а утро покажет. Нет! Утащил спяну лестницу, кинул на окраинцы. Да, видать, неудачно. Пошел я перед вечером за лестницей, а ее под лед концом затянуло. Гляжу: на льду собачка скулит да шапка валяется. И следов на той стороне нема. Туда-сюда кинулся, стал звать – не откликнулся. Такой кундермарш¹³. Задаром погиб, до того мне горько... Больше полсотни лет дружили. Вот как ему на роду написано: терского казака Терек забрал...

Ефросинья потерянно попятилась, прислонилась спиной к простенку. К ней бледной, как полотно, зачерпнув корчажкой воды в макитре, бросился дядька Михаил. Стал с ладони обрызгивать лицо, что-то говорить...

10

На 161-й день битвы за Кавказ, 1-го января 1943-го года Красная Армия начала освободительную операцию, захватившую всю линию фронта. Основной удар наносился на правом фланге силами 44-й армии с целью ликвидации Моздокской группировки врага. Одновременно 4-ому и 5-ому казачьим кавалерийским корпусам предстояло стремительными рейдами на Прохладный и Воронцово-Александровское разъединить войска «Особого корпуса «Ф» и 1-й танковой армии. Отвлекающим маневром было выдвижение на Нальчик 9-й и 37-й армий. С завершением разгрома врага под Моздоком планировался второй этап операции: общее наступление

¹³ Кундермарш (терск.) – неприятность, скандал.

войск Северной группы, которое способствовало бы уничтожению танковых дивизий Макензена.

Между тем 29-го декабря Гитлер отдал приказ о планомерном отводе своих войск от предгорий на рубежи рек Кума и Золка. С этих позиций, по замыслу немецкого генштаба, весной предстояло заново начать широкомасштабные действия по захвату Грозного, Орджоникидзе и Баку. Штаб 1-й танковой армии, находившийся в Пятигорске, разработал систему отхода. Ко всему, в полосе 3-й танковой дивизии при атаке 394-го полка были захвачены советские офицеры с картами и подробным планом предстоящего наступления. Фон Клейст, командующий группы армий «А», узнав об этом, тотчас доложил в Ставку фюрера.

Упреждая наступление Советов, в 0 часов 1-го января по скоплению их войск интенсивный огонь открыли 75-й артиллерийский полк и батарея реактивных минометов. До самого рассвета велись убийственные залпы. А с наступлением дня завязались яростные бои, – беспримерное жертвоприношение с двух сторон. Однако теперь соотношение в живой силе, танках и самолетах было в пользу Красной Армии. Ее танковые и механизированные соединения пробили брешь на стыке между 3-й танковой дивизией и боевой кавалерийской группой фон Юнгшульца и продолжили наступление в западном направлении.

Отступление немецких войск – 1-й танковой армии и 52-го армейского корпуса – в первую неделю января носило пунктуальный характер. Оккупанты не скупались в эти дни на людоедские злодеяния и казни. Уходя, разрушали все мало-мальски значимые хозяйственные объекты, заводы, элеваторы,

школы. Взрывали за собой мосты и железнодорожное полотно. Поджигали огнеметами городские здания и целые селения. Расстреливали военнопленных и активистов, выданных предателями. Так было в Моздоке, Степном, Курской, затем в Георгиевске и Минеральных Водах. С лица терской земли было стерто более полусотни поселков, аулов, хуторов. Вместе с немцами потянулись немногочисленные казачьи обозы и добровольческие сотни, воевавшие на стороне захватчиков.

Надо признать, немецкие части, несмотря на гололед, рыхлый снег и малопроезжую дорожную хлябь, выказывали резвость в передвижениях, сражались упорно. Они отходили пошагово, с одной заранее подготовленной линии обороны на другую: 3-го января достигли рубеж «Аугсбург», на следующий день – линии «Штутгарт», 5 -го – «Гейдельберг», а в день православного Рождества их ожидала зона «Потсдам», хорошо укрепленная полоса обороны на Куме и Золке. Именно на ней предполагалось остановить русских и держаться до весны будущего года.

Но мощь наступающих советских войск была столь велика, что этот укрепрайон немцев рухнул через два дня. Разящие удары танковых групп и штурмовой авиации, ураганные залпы дивизионов «Катюш», атаки стрелковых дивизий, рейды конников Селиванова и Кириченко – огневой натиск нашей армии опрокинул врага. Отлаженный механизм командования группы армий «А» был сломан. Дивизии Руоффа и горные егеря беспорядочно оттягивались к Краснодару и на Таманский полуостров, а 1-я танковая армия всё быстрее пятилась к Ростову. Огненный фронт с каждым днем

перемещался на север и запад. Погоня за отступающими частями вермахта продолжалась вплоть до Тихорецка. 24-го января Северная группа Закавказского фронта была преобразована в Северо-Кавказский фронт под командованием генерал-лейтенанта Масленникова. И хотя вся территория Кавказа была очищена от врага, включая Ставрополье и большую часть Кубани, всё же не удалось достичь конечной цели наступательной операции: окружить и загнать в «котел» группу армий фон Клейста. Фронт неудержимо приближался к Ростову. И теперь бросали в бой красноармейцев не только приказы, но жажда возмездия и непоколебимая вера в победу...

Не предугадать воину долгов или коротков его путь на войне. Борис Груднев дважды побывал на краю жизни, – у степной речушки и на склоне крымской горы, а в третий раз овеял его губительный холод в сабельной атаке, да опять не смог вынуть казачью душу – слишком любила она родную терскую землю, чтобы вот так вмиг расстаться с нею.

Больше суток пробыл он без сознания. Очнулся в дивизионном госпитале после операции. Много повидавшие фронтовые врачи подивились силам организма старшего сержанта Груднева, выжившего с двумя ранениями. Госпиталь был разбросан по домам небольшого поселка. Бориса и еще двух казаков, принятых отзывчивой семьей, навещал хирург, суровый молодой человек с темными кругами вокруг глаз, и медицинская сестра, худенькая грубоватая женщина, от которой постоянно пахло махоркой. Ухаживала за ними и подкармливала пирогами с тыквой, кукурузными лепешками хозяйка средних лет. Конечно, и Борис, и его одно-

полчане, мужчины хоть куда, не могли до конца побороть смущение от своей беспомощности. А как раскрепостишься, если горшки за тобой выносит не старушка-санитарка, а красивая женщина? Тут сами собой от стыда прибывают силы, и думаешь только о выздоровлении. К тому же, держалась Мадина с таким достоинством и обезоруживающей добротой, свойственной чистым и сильным духом женщинам, что ни у кого из бойцов даже не возникло двусмысленных помыслов. Бессонными ночами Борис невольно сравнивал ее с Ефросиньей, находя немало общего. Сколько неотложных хлопот легло на женские плечи, а какую неподъемно тяжелую и жизненно необходимую работу выполняют они, являя свою первородную сущность! Целовать бы им руки...

Он каждый день думал о доме. И поскольку за-гипсованная рука не двигалась, Борис попросил Мадину помочь и надиктовал письмо жене. И стал ждать ответа, понимая, что вряд ли по опустошенной войной степи оно скоро доберется в их терский хутор. Скучал он и по отцу и по сыну, удивляясь скоротечности времени. За прошедших полтора года, наверно, он подрос и внешне изменился. И осенью уже учился бы в третьем классе...

Затем перевели Бориса в армейский госпиталь, развернутый в Эссентуках. После тесноты хат апартаменты совнаркомовского санатория ослепили светом, поразили чистотой и строгим распорядком. Борис собственноручно написал отсюда второе письмо домой, а другое – теще Екатерине Федоровне, в Пятигорск. Дело шло на поправку. Уже сняли с предплечья гипс, рубцевалась сквозная рана.

11

Оттепельным мартовским днем он узнал от дежурной медсестры, что к нему приехали родственники и ожидают у пропускного пункта. Негаданная радость точно подняла над землей. Он торопливо захромал по коридору, оскользаясь на темном надраенном паркете. Сверху, с площадки маршевой лестницы Борис увидел в вестибюле свою дородную тещу и светлоголового Пашку, сидящих около дверей со сложенными на коленях руками. Меряя ступени, он с улыбкой окликнул:

– Здесь я, здесь!

Гости разом поднялись, пристально вглядываясь в него, как бы отчужденного непривычным одеянием – полосатой пижамой. Сынишка в ладной, подогнанной по росту фуфайке, двинулся неуверенно, затем рванул так, что замелькали пятки. С разбегу ткнулся головой отцу в живот. Борис, вдыхая запах детских волос, подхватил его. Родное, в конопушках лицо сияло, в расширенных карих материнских глазах не убывало счастливое удивление, точно ему не верилось, что на руках у отца.

– Вымахнул! Уже казак... – дрогнувшим голосом сказал Борис и, опуская сына на пол, добавил: – Скоро меня догонишь.

– Мне маманюшка два раза приснилась, а тебя ни разу не видел... А много ты немцев убил? – не пряча возбужденных глаз, тараторил сорванец. – Ты, папка, насовсем? Мы в хутор поедем?

– Пока не знаю, сынок. Служба...

Борис наконец обнял и поцеловал прослезившуюся тещу.

– Как вы пережили немцев, мама? Как Фрося? Что вы молчите?

– Да разволновалась...

Екатерина Федоровна, одетая в теплое, с соболиным воротником пальто, в белом пуховом платке выглядела боярыней. Любуясь зятем, обвыкаясь в казенном помещении, крепко отдающем хлоркой, она со вздохом вымолвила:

– Сколько ж ты намучился, болезный... Так похудел и лицом обрезался... Ну, лишь бы кости были, а мясо нарастет. Молодой! Как, говоришь, пережили? Сниму платок – не узнаешь. Ровно снегом присыпало... Давай сядем. Гостинца тебе привезли. Блинцов, какие уважаешь.

– Рассказывайте, мама. У нас всего полчаса, – поторопил Борис, сев между тещей и сыном, прильнувшим к нему. – Что-то Фрося мне не отвечает...

– А нам письмоце прислала, – успокоила Екатерина Федоровна. – Она теперича в станице Курской, при общежитии. Адрес на конверте указан. Дам почитать.

Еще не старая, видная собой казачка, помолчав, заговорила сурово, со слезами в голосе:

– Самое большое горе: убили моего папочку... За то, что зарубил немца у вас, в Пьяном кургане. Просил он не казнить Лешку нашего. Споймали его как партизана...

– Да что вы... Как жалко! Я с ним встречался. Отчаянный парень!

– Зарубил! А батюшку моего любимого пулями посекли...

Теща всхлипнула. Сидевший на пропускном пункте старшина откашлялся, с противным визгом по паркету отодвинул стул. Екатерина Федоровна оглянулась и продолжила тише:

– И могилоч не осталось... Он же, отец мой, на старости лет натворил делов... Подался на уговоры

станичного байгуша¹⁴ и еще одного безногого белогвардейца. С немцами пошел мстить комиссарам. Как я его только не отговаривала! А Господь всё равно отвел. Ни одного боя супротив вас не принял. А немчуру покарал...

Борис, катая на скулах желваки, слушал дальнейший рассказ тещи, изобилующий горестными подробностями. Подустав и утратив последовательность, она стала повторяться, говорить сбивчиво.

– Полгода под ворогом томились. Цены непомерно подскочили. Рынки, правда, работали. Устроилась я, было, в театр уборщицей. Вытерпела одну неделю. Оперетты для эсэсовцев показывали. А артистки их обслуживали, на машинах катались, хототали. Можно на это смотреть? У тебя, у лярвы, муж на фронте. А ты легкую жизнь себе нашла. И с кем?! – Екатерина Федоровна презрительно фыркнула и распустила узел платка. – Жили как могли. Что продам, что куплю. С внучком на пару бедовали. Одно время прихворнул, травами его выходила. А в декабре поселился у нас приятель свата, профессор из беженцев. Фрося за него в письме просила. В садоводстве хорошо разбирается. Помогает мне. Берут его в институт учить молодежь разным языкам... Да что, Боря, жалиться? Бабья дорога – от печи до порога. Спас Господь и тебя, и нас. Значится, молитвы дошли.

– Гражданка! Товарищ больной! – громыхнул от проходной старшина. – Время посещения ограничено. Осталось семь с половиной минут.

Борис неприязненно покосился на сытого, чистенького охранника. Тыловая крыса. Всегда зна-

¹⁴ Байгуш (тер. каз.) – пройдоха.

ет свои права и священно их блюдет. И в этот час он ощущал себя царьком, и ему было совершенно безразлично, кто встречается, и о чем говорят эти простолюдины.

Екатерина Федоровна достала из внутреннего кармана пальто сложенные вчетверо тетрадные листки. Почерк жены Борис узнал мгновенно. И с жадностью начал читать:

«Мои любимые мама и сыночек!

Наконец могу написать вам. Раньше не было ни времени, ни сил. С утра до ночи наша похоронная бригада в степи. В нее принудительно мобилизовали женщин из окрестных поселков и хуторов. Нас поселили в станице Курской, в казенном здании. Кормят утром и вечером, в степь дают пирожки с капустой или морковкой. Со мной дети: Дина и Алик. Оставить с больной соседкой не решилась. А Валя Акименко уехала со всей семьей в Моздок. Невероятно тяжело нам, взрослым. А детям? Кроме моих, здесь еще несколько подростков с матерями. Но эта ужасная работа совершенно не годится для них! У школьников души неокрепшие, не способны выносить такие моральные испытания. Они, точно затравленные кутята, не находят себе места, плохо кушают, бормочут и дрожат во сне. Но не сдаются, как настоящие герои! Едут с нами на подводах в буруны. И терпят. Роют могилы, засыпают их...

Мама, не передать ужаса, когда видишь поле, покрытое убитыми. Они лежат вразброс, в застывших позах. Большинство наших, но хватает и немцев. Среди них есть африканцы. Работаем мы, закрыв лица повязками и косынками, чтобы от трупного смрада не потерять сознание или одуреть. Таких примеров немало. Хороним солдатиков в окопах,

в траншеях. А с ровного места отвозим к братским могилам. В хуторе Сунженском – курган. Во время боев на его северной стороне хоронили казаков-предателей. А нам пришлось рыть могилы для красноармейцев на западном склоне, а для фрицев – на восточном. В это трудно поверить, но это – правда. Курган стал общим кладбищем. Приказано нам снимать с красноармейцев медальоны, но не всегда получается. Мы же бабы, а не лошади! Так навихляешь плечи и надорвешься, что хочется плакать...

А еще произошел на днях случай, от которого никак не могу успокоиться. Одна станичница, не знаю как зовут, приятная женщина из местных, нашла здесь своего мужа. Узнала среди погибших. Вот когда было страшней всего: завыла она, и мы всем полем подхватили. Колотило меня, как в лихорадке... Сама пишу, а думаю о Боре. Где он, мой родненький? Как он? Так скучаю, что слов нет.

Со мной здесь и подруга, Наталья. Закрутила любовь с дядькой из райисполкома, инвалидом без руки. Я поругалась с ней. Иначе, как буду смотреть в глаза ее мужу, когда вернется с фронта. Проговорился этот чиновник, что организованы такие бригады не только потому, чтоб быстрее похоронить. А хотят скрыть немыслимые наши потери. Чтобы никто не узнал о них. Здесь нас продержат до апреля. Останутся в бригаде одни станичницы. Думаю, придется им до лета хоронить...

А мы вернемся в хутор. Тетка Василиса ждет. А дальше будет видно. Может быть, переедем к тебе. Я ходила в милицию, показала расписку, что оставил офицер. А мне говорят: пускай воспитанники живут пока у вас. Надо делать куда-то запросы.

А как мой сыночек? Соскучилась – больше нет терпения. Скоро я приеду...».

– Время истекло!

Борис едва сдержался, чтобы не обругать охранника. Возвращая письмо Екатерине Федоровне, он с недоумением заметил:

– Про отца ничего не пишет.

– Напишет. Выздоровливай!.. Ну, мы поехали. Я слыхала, из госпиталей отпускают к родственникам. Вот бы ты отпросился, – наставительно сказала теща. – Хотя бы на сутки. С Паней вы и не поговорили. А он про тебя день и ночь спрашивает...

Борис заметил, как странно поник сынишка, точно стыдился или не решался чего-то сказать. Но не показал виду, а взял за руку и повел к дверям. Пашка вскинул голову и, пересиливая себя, вымолвил:

– Пап, а дедушка Лука утонул. В реке нашей...

Борис остановился, пронизанный ножевой болью. Он с трудом удерживал ручонку сына. Екатерина Федоровна, услышав слова, обеспокоенно повернулась.

– Эх, ты! Обещал мне молчать... – и уже повинной интонацией: – Не хотела, Боренька, расстраивать. Думала, окрепнешь, – тогда. Под Новый год утоп сват. Через Терек перебирался...

Борис, огрубев лицом, проводил родных к выходу. Потом снова опустился на скамью. Закрыв лицо ладонями. Так сидел он долго. Старшина с раздражением поглядывал на пациента, а затем стал украдкой просматривать немецкие открытки с обнаженными красотками. Повеселев, думая о свидании с медсестрой Ниной, встал размяться. Протопал мимо больного, тот не шелохнулся. Мурлыча под нос, распахнул наружную дверь, – и на

темный, почти черный паркет упал косяк солнечного света...

А через два дня Бориса снова вызвали на пропускной пункт, и молоденькая медсестра Таня впервые не стала строить ему глазки, а скупой сообщила: жена.

Борис, не помня себя, добежал до вестибюля. Ефросинья стояла в солдатской шинели, смотрела на него снизу. Красивая, родная и... не та уже, с которой расстался давним осенним днем. Новое, грустное было в обветренном лице, в больших потемневших глазах, в усталой и как будто скованной позе. Забывшись, он обнял ее, прижал, ощущая, как перехватило дыхание, и хмельная волна обдала всё тело. И она, сладушка, не стесняясь чужих взглядов, стала целовать ему лицо, губы, глаза, бормоча что-то нежное, сумасшедшее, горячее. Ошалевшие от счастья, они вышли во двор госпиталя, залитый солнцем.

– Как ты меня нашла? – удивленно спросил Борис.

– Твое письмо на почте передали. Прочитала – и вперед. Лошадь у мамы поставила, а к тебе – попуткой.

– Какую лошадь?

– Я из станицы Курской верхом прискакала.

– Сто тридцать километров? Одна? – пораженный смелостью жены уточнил Борис. – И не побоялась?

– И не подумала. Выпросила лошадку у бригадира. Отпустил на три дня... Да бог с ним! Родненький мой, рассказывай. Всё про себя рассказывай. Как чувствуешь?

– Лучше не бывает! Да и нечего особо рассказывать. Безрадостное дело. Воевал. Ранили... А ты?

Хотя нет... Многое наболело в душе. С тобой как бы и не расставался. Прижимала тоска – о тебе думал, легче становилось – хотелось радостью делиться. Всё время вспоминал. В бой, поверишь, шел, как будто ты издалека смотрела...

– И я так же... Ты – мой единственный на свете... Понимаешь? – шептала она, прижавшись к его лицу щекой. – Без тебя невозможно. Я это узнала, когда получила летом... Ладно, не буду ворошить... И про оккупацию не хочу... Только с тобой я счастлива. Понимаешь?.. А сейчас... Боюсь тебе не понравиться. От меня, наверно, лошадью пахнет? А другой одежды нет. Ту, в которой работаю, смогла заменить этой шинелью... Но война ведь кончится? И наша страна победит! И ты вернешься. И я дождусь тебя, дождусь!

Борис обратился к себе ее лицо. В распахнутых глазах Ефросиньи стоял такой ясный, ласковый и любящий свет, что он на виду у всего госпиталя подхватил ее на руки...

За неделю до военно-врачебной комиссии старшему сержанту Грудневу, согласно его заявлению, был предоставлен начальником госпиталя краткосрочный отпуск для оздоровления и поездки домой.

12

Размах весны был широк и светел. Дружная спайка апрельских дней выпестовала травостой на лугах и в балках, расшила степь вязью золотистых и алых лазориков, нарядила деревья в белопенную кипень цветения, – будто тысячи невест одновременно вышли на крутояры Терека. Долгожданно в лесах предгорья зазвенели трели, выщелки, запевки птиц, воскресенные извечным зовом продолжения жизни. А по небу вперегонки с дождевыми

облаками пролетали стаи журавлей и казарок, спеша в неведомые просторы, к своим гнездовьям. По ночам над буйно рвущимся к морю Терекком плыл туман, густо пеленая одинокие ивушки, тополя и дубки, сбжавшиеся к самой воде. И если верить старинным преданиям, в эту тайную пору деревья превращались в людей, – казаков и казачек, до первого луча водивших хороводы. Кто знает, может, так оно и есть. Для терца белый свет всегда сходился клином на родной земле-матушке...

От станицы до Пьяного кургана напрямую – двадцать два километра. А по дороге и того больше. Поэтому тронулась Ефросинья с детьми чуть свет, рассчитывая к ночи добраться до места. В таратайке с дощатыми бортиками поместились одежда, посуда, фляга с водой, топорик. Дина и Алик несли в вещмешках продукты, выданные по карточкам: тушенку, две буханки хлеба, несколько морковок и початков кукурузы. Часть заработанных денег потратила Ефросинья на смалец. Остальные – на детей. Купили на барахолке Алику поношенные, но еще довольно крепкие ботинки, а Дине – осенние туфли с пряжкой. И теперь они ступали со счастливым видом, изредка бросая взгляды на свои обновки, любуясь ими. И Ефросинья, надевшая красивое платье, выменянное на серебряное материнское кольцо, не подошедшее по размеру, тихо улыбалась, радуясь с детьми одной радостью.

Железные колеса тачки бесшумно катились по наезженному глянцевитому шляху. Он влекся среди заросших пыреем, овсюгом и щетинкой зерновой падалицы полей, нырял в буераки и суходолы, поворачивал и крутил петли, смыкаясь с жилами хуторских дорог. День сиял небесной синевой. Но

война всё еще таилась в окрестной степи. Ее пугающие приметы угадывались повсюду. То торчали на обочине остовы сожженных трехосных машин, то темнели на выжженных высотах разбитые пушки. Возле одной из них маячили два немецких танка. Видимо, жестокий и убийственный бой ярился на этом малом рубеже фронта. Напротив, у края дороги, виднелся на древке предупреждающий фанерный щиток: «Минное поле! Прохода нет!»

Воздух был напитан свежестью трав и первоцветов. Неумолчно трезвонили жаворонки. Ефросинья шла с непокрытой головой, жадно вбирая красоту и силу обновленной степи, ощущая себя иной, как будто повзрослевшей и набравшейся жизненных знаний за месяцы неволи. В душе не гасла надежда, что Борис вырвется из госпиталя и хоть на денек придет. Любимый радостно возникал в ее воображении: она видела родное лицо, искрящиеся весельем глаза, улыбку, ощущала сладостно влекущие сильные руки. Он, как девчонку, кружил ее в госпитале! Здесь, в терской степи, наслаждаясь запахами, поднебесной осиянной далью, ласковыми прикосновениями ветра и тем, как перебирает он пряди волос, Ефросинья впервые за много дней ощутила себя женщиной, беспредельной в своих желаниях и чувствах...

На дороге то и дело встречались подводы и арбы с тюками сена, табуны, стада коров и молодняка, обратно перегоняемые из Дагестана в далекие и близлежащие селенья. Проезжали попутные грузовики. Вслед им смотрели грустными взглядами, – если б не тачка, лихо бы домчались!

Поздним утром, недалеко от дороги сделали привал. В стоячей на дне овражка воде помыли руки и сели на поросшем ковылем скате обедать. Ефро-

синья отрезала каждому по ломтю хлеба, намазала смальцем. А запасливый Алик достал из вещмешка пучок жестких чесночных перьев, которые тайком сорвал в соседнем с общежитием огороде. Кусали их с треском, ощущая крепкий бодрящий дух.

– Тетя Фрося, мы в хуторе до осени будем? – не скрыв волнующих ее мыслей, спросила Дина, у которой за последнее время округлись плечи и обозначились на груди холмики, а в голосе появились уже не детские интонации. – У вас нет школы. А нам необходимо учиться.

– Обязательно! – согласилась Ефросинья. – Подождем, что сообщат из милиции.

– Мы так привыкли к вам, – протяжно вздохнула девочка. – Опять заберут нас в приемник. Начнется режим дня... Почему у одних детей – семьи, а таких, как мы, держат под охраной?

– А может, наших родителей освободят, – возразил, глянув на нее заблестевшими глазами Алик. – Или родственники найдут. Мне, например, в город хочется. Там есть кружки музыкальные.

– А я бы, тетя Фрося, только с вами жила. Мне надеяться не на кого.

– А я разве супротив, милая моя? – обезоруживающе улыбнулась Ефросинья. – Немцев пережили. А теперь дотянуть бы до лета. Тогда голод не страшен...

Разговор на этом прервался, и каждый снова вник в свои мечты и раздумья. Ефросинья понимала, что в любом случае, им обоим, старшекласникам, придется уезжать. И это печалило, потому что не могла просто так оторвать от себя детей, ставших очень близкими.

Прилив сил и бодрость постепенно в дороге избыли, и с каждым километром ошутимей овладева-

ла усталость. Степь, по мере приближения к родным местам, становилась волнистой, с выступами горной породы. Протяженные подьемы, или, как говорят терцы, увалы плавно ниспадали в долины, за которыми синел призрачный острогорбый караван гор.

Второй раз остановились на краю заброшенного сада, благоухающего цветущими яблонями. В ветвях, обметанных розовато-белым кружевом, гудел хор снующих пчел и шмелей. Залюбовавшись дивной красотой деревьев, Дина задумчиво обронила:

– Интересно, где Ваня... Может, вернется?

– Вспомнила от нечего делать! Зачем тебе Вахонин? – почему-то загорячился Алик. – Сам ушел. Ты о себе думай.

– Прошу мне не указывать! – отрезала Дина. – Не удивлюсь, если его наградят медалью. Он ничего не боится!

И Ефросинья поняла вдруг, почему спорила она с Иваном, – часу не могли обойтись друг без друга, – за этими неровными, почти воинственными отношениями, по всему, таилось неосознанное чувство первой влюбленности.

В оглобли тачки на смену хозяйке впрягся Алик. А Ефросинья понесла вещмешок. Девочка взяла ее за руку и, заглянув в глаза, попросила:

– Давайте «Катюшу» споем.

– Начинай!

Девочка завела напористо и звонко:

*Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий, на берег крутой.*

Ефросинья подтянула. Алик оглянулся и тоже запел, подстраиваясь под женские голоса. С песней шагать стало легче. А кругом зеленела теплая, родящая степь, где три месяца назад бились тысячи красноармейцев, чтобы снова вернулся сюда мир. В предвечернем просторе песня сливалась с головами жаворонков и чибисов. Извечный весенний покой, не нарушаемый залпами, властвовал окрест. Они шли и пели, и улыбались, чувствуя неразрывное родство с миром, в котором, вопреки страшной войне, оставались мечты, вера и любовь...

На закате, еле волочась, достигли поворота на Пьяный курган. Под кустом терна сидела неряшливая бабка с распущенными седыми волосами. Подойдя ближе, Ефросинья напряглась: Матрена-странница! В груди захолонуло. Знахарка, расстегнув матросский бушлат и вытянув ноги в хромовых сапогах, прикрытые юбкой, дремала. Видимо, приделась где-то на бывшем поле боя. С ужасом увидела Ефросинья на подоле бродяжки свернутого в кольцо ужа с оранжевыми пятнами на голове. Матрена уловила шаги, очнулась и окликнула:

– Милушка, дай мне хлебушка. Выбилась я из сил не можно. Покорми бабушку.

Алик недовольно насупился. Дина тоже выжидающе молчала. Ефросинья сбросила с плеч вещмешок, достала завернутую в полотенце початую буханку.

– Берите. Кушайте на здоровье.

Сморщенное, исчерканное складочками лицо старухи тронула улыбка. Она стала отламывать отрубной темный хлеб кусочками и жевать, так сильно двигая беззубой челюстью, что вислый нос смыкался с подбородком.

– Стой, доченька, – прошамкала Матрена-странница. – А денежку дашь?

Ефросинья достала из кармана полупальто мелочь и подала в согнутую ковшиком трясущуюся ладонь.

– Вернется твой муж с войны жив-здоров... – вдруг запричитала кликуша. – До четырех разов поранят, а больше отведет Господь... И родишь от него еще ребеночка...

Ефросинья, охваченная каким-то суеверным страхом, благодарно закивала:

– Спасибо, бабушка, на добром слове, – и, не оглядываясь, припустила по грунтовке вдогон ушедшим детям.

Под первыми ясными звездочками спустились они с хutorской горы. После двух месяцев отсутствия с приятным чувством обнаружила Ефросинья, что два подворья на окраине расчищены от завалов, – вероятно, вернулись хозяева. Пьяной курган оживал. И даст Бог, снова возродится, как не раз случалось в былые времена, когда нападали горцы и поджигали хаты...

Ночная тишина баюкала хutor. От Терека веяло мягкой прохладой. Зацвела в палисадах сирень. Открывая ворота, чтобы закатить таратайку во двор, Ефросинья задержалась. А Дина с Аликом первыми вошли в дом тетки Василисы. И тут же по деревянным ступенькам прострочил, вихрем слетел Павлуша.

– Мамочка, мама!

Сынок подбежал к ней, растерявшейся от такой неожиданной радости. Ефросинья присела, схватила его в охапку. Это было так невероятно, что не сразу подумала о том, как мог он очутиться в хutore. И, вставая на ноги, – увидела Бориса. Он, высокий

и стройный, стоял в двух шагах, и горящий маячок папиросы подрагивал в ладони. Точно небесный сполох озарил ей душу! Она восторженно закричала, распахнула руки...

Вдвоем ночевали они в старом сеннике. Здесь пахло прошлым летом, камышовой прелью, подвешенными к перекладине дубовыми вениками, которыми дед Спиридон хлестался в баньке. После страшных испытаний и утрат в эти часы недолгого счастья, они, точно бы прозревая, открывали для себя простые истины, – бесконечность любви и силу верности. И, шепча друг другу в ласковом забытьи, как скучали, как дорожили воспоминаниями, связывающими их, пребывали в своем особенном мире, понятном и известном только им двоим. Она не могла надышаться запахом его кожи, таким родным и желанным, насмотреться на смутно различимый в темноте профиль лица, – ненасытность истомившейся по ласкам женщины не покидала Ефросинью...

Она проснулась от ощущения, что на нее смотрят. И, открыв глаза, встретила влюбленный взгляд мужа. Ефросинья засмеялась и, натянув повыше тулуп, под которым спали, спросила:

– Утро или день? Может, нас разыскивают?

– Давно рассвело. А я не спал, – добродушно признался Борис. – Соловьев терских слушал. По всему берегу гремят...

Обнявшись, они брели по родному саду. Зеленел в курчавени травы береговой спуск, подернутый туманом. В белых накидках стояли серебристые ивы, вязаы и тополя. Терек курился. Темно-желтая его вода шла полной грудью по раздавленному руслу, бурлила на течении. Над рекой особенно ярко и раскатисто отдавались соловьиные трели. Чудесная разного-

лосица не смолкала. Порой казалось, что страстные эти птахи перекликаются, а через минуту возникало ощущение, что, наоборот, стараются заглушить друг друга, чтобы привлечь желанную соловыху.

– Тебя сколько раз ранили? – вдруг встревожившись, спросила Ефросинья.

– Четыре.

Ефросинья с облегчением вздохнула и, поддавшись молодому порывистому желанию, предложила подняться на гору. Она заранее знала, что Борис согласится, – это было его заветное место, откуда подолгу оглядывал он хутор и окрестность. Наверно, отзывалась кровь предков, с высоты наблюдавших за коварным заречным неприятелем.

Они взбежали по росистому скату на вершину, где когда-то располагался пикет. Слева из сизой пелены горизонта вырезывалось оранжевое солнце, крася земной мир в текучий фиолетовый цвет. В садах невестились цветущие деревья. Поверженные бомбами, траурно грудились руины казачьих жилищ и темнели воронки на улицах, и только кое-где виднелись черепичные крыши. Война навеки оставила тут дьявольскую печать. Многие жители погребены под завалами, и неведомо, кто и когда их расчистит. А те, кто уцелели после бомбежки, переселились или временно ютятся в других селениях.

Лицо Бориса было строгим и сосредоточенным. И Ефросинья догадалась, что муж, как и она сама, думает о будущем. Война в этот час была далеко, а родная земля – под ногами.

– Помнишь, клялись здесь? – напомнил Борис, обняв ее за плечи. – Если вернусь, построим такой дом, чтоб никакая бомба не разрушила. Хотя, сама решай... Может, к матери переберешься?

– Жизнь покажет, – не сразу ответила Ефросинья. – Куда иголка, туда и нитка.

Борис достал пачку, но в ней не оказалось папирос. Он сильно смял ее и отбросил. Не сдержавшись, осознав вдруг преданность и женское величие своей любимой, стал на колени и обхватил за талию. Ефросинья, улыбаясь, теребила его волнистые волосы. Чуть погодя, смущенно вымолвила:

– К нам кто-то едет. По-моему, дядька Савелий.

Борис поднялся. Действительно, всадником оказался бывший бригадир Малюгин. Он подрысил на неказистом гнедом мерине, очень постаревший и угрюмый. Седлом служила ему попонка, стремян вообще не было. Савелий Кузьмич пригляделся и, узнав хуторян, поздоровался, стал слабым голосом жаловаться, что раньше руководил людьми, а теперь – баранами, которых пасет на пару с дедом Портновым, о том, как мобилизовали его в партизанский отряд, и какого лиха пришлось хлебнуть. Под конец, разгоряченный воспоминаниями, вдруг поведал:

– В декабре приبلудился к нам мальчишка. Гляжу: гдей-то встречал. Расспросил. Из Пьяного кургана. Чей? Отвечает: Грудневых. Тут я и смекнул, что приемыш сбежал. Стал стыдить, мол, из-за тебя хозяйку в кутузку посадят. У нее подотчетная расписка!.. А вскорости... убили мальчика. Ехал на подводе с другими в разведку, – он вроде как побирался, а сам данные собирал, – и немецкие кавалеристы наскочили. Пацана, сволочуги, не пожалели!.. Так что, если потребуется, пойду в милицию свидетелем. Не ты виновата, а сам пострел утек...

Ефросинья, закусив губу, заплакала. Ошиблась, наивно подумав, что война где-то вдалеке, – даже здесь вогнала она в сердце свое разящее жало. Не-

мыслимо было поверить в то, что Вани больше нет, что оборвалась жизнь мальчика, который бы наверняка стал достойным и сильным человеком...

Борис не торопился с утешениями. Молчал рядом, катая на скулах желваки. На фронте он научился понимать боль других. Потом, ласково сказал:

– Мы через все беды пройдем. Мы – казаки, Фрося. Смотри, как Терек под солнцем блещет. Сады полыхают. Земля ждет, когда засеют ее зерном. Истоптали ее фашисты, да не покорили. Наша она навеки... Не плачь, ластушка моя. Как говорят: не боли, болячка, я – терская казачка.

А на следующее утро Ефросинья снова провожала мужа на фронт. Держалась, ни разу не заплакала, пока не подобрала его на царском тракте попутка. Любимый долго махал ей с кузова, и она в ответ размахивала двумя руками, всё острее переживая болезненный миг разрыва, – начало неведомого ожидания...

Одна возвращалась в хутор Ефросинья по вешней степи. Горькие и обильные слезы словно бы промыли ей глаза. Она вдруг увидела солнечное сияние и с пьянящей силой ощутила красоту неоглядного простора кругом и синеющих вдали гор. И несказанно в ее душе вспыхнула радость от того, что молода, полна надежд и будущих свершений, и любви – бескрайней – женской. И над головой ее заливались в выси звонкоголосые жаворонки, и духовито веяло высокими травами и цветами, рожденными землей и талой небесной водицей, и наверно, в этот час на нее, терскую казачку, смотрела с улыбкой Богородица...

Встанем рядом, мальчишки!

*Нынешним мальчишкам
из союзных нам стран
во Второй мировой войне*

Встанем рядом,
 французский мальчишка,
У могил, где погибшие спят,
Чтоб сердцами своими
 услышать
Слезы Гавра и наш Ленинград.

Встанем рядом,
 английский мальчишка,
Чтоб не грянул кровавый
 разлад,
И чтоб бомбы не рушили
 крыши,
Вспомним Ковентри
 и Сталинград.

Встанем рядом,
 из Штатов мальчишка,
Оглядев, чтобы Землю окрест,
Честь воздать миллионам
 погибших,
Вечно помнить Перл-Харбор
 и Брест.

**АЛЕКСАНДР
КУПРИН**

Поэзия

Фронтовики! И каждый крепче стали.
Но скрыть волнение всё же не могли –
На них смотрел, смотрел товарищ Сталин,
Чье имя в битвах гордо пронесли.

Нам не забыть победу в сорок пятом!
Нам не забыть страданий и потерь!
Всегда в Отчизну верили мы свято,
В Отчизну верим крепко и теперь!

Парад Победы – грозный знак московский,
Чтоб на Россию впредь
никто не нападал.
Командовал Парадом – Рокоссовский!
Парад Победы – Жуков принимал!

Счастливое имя мое

Детям войны

Я родился порой предвоенной
Вот на этой великой земле!
И родные с мечтой сокровенной
Дали имя заветное мне.

Только тучи фашистские, злые
Вдруг нависли страшнее свинца.
И в те первые дни роковые
Мы на фронт проводили отца.

Он отдал свою жизнь молодую
За свободное наше житье!
Вот за эту сторонку святую!
За счастливое имя мое!

Памяти друга

За всё говорю я «спасибо»
Тебе, нас покинувший друг.
Как будто бы рухнула глыба,
И пусто вдруг стало вокруг..

Далекие звезды сияют –
Душа твоя светлой была.
И люди тебя вспоминают
За добрые в жизни дела.

Печалью наполнена чаша.
Но с самого горького дня
Остался ты в памяти нашей,
Как вечная святость огня.

Каново

Село родное Каново
В ромашковом краю,
С тобой встречаю заново
Я молодость свою.

Открылась жизнь-кириллица
Со школьного двора,
А в ней и степь-кормилица,
И реченька Кура.

Мне солнце в ноги клонится,
Где мельница стоит.
За дальней за околицей
Мне Ямский лес шумит.

Пройду знакомой улицей,
И сердце запоет –
Мне девушка из юности
Вдруг руку подает.

Куда б пути-дороженьки
Меня не увели,
На свете нет дороже мне
Родительской земли.

Родной уголок

Я приехал в родной уголок
После долгих разлук и скитаний,
Где синее волны полынок,
И будил соловей песней ранней.

По заветным тропинкам пройдусь,
Без которых и жизни не чаю.
И как будто бы в юность вернусь,
Закадычных друзей повстречаю.

Ну-ка, друг, повернись, покажись.
Эх, немало нас жизнь покачала.
Только, братцы, на то она жизнь,-
Все пройдет и начнется сначала.

Мы приедем в родной уголок
После новых разлук и скитаний...
И повеет в лицо ветерок
Ароматом любви и свиданий.

Цветы у обочин

Помню летние сельские ночи,
Потаенные тропки в хлебах.
Там пылали цветы у обочин,
Словно твой поцелуй на губах.

И твои яснозвездные очи,
И пьянящие встречи со мной
Вспомнят нежно цветы у обочин,
Если ты вдруг пройдешь стороной.

Ах, вы летние теплые ночи,
Месяц в небе такой молодой!
И пылают цветы у обочин, –
Память жарких свиданий с тобой.

О прошлом вспоминая

О, сколько лет с поры той пронеслось ведь...
Как мы с тобою были влюблены.
Шумят, шумят созревшие колосья
О том, что были тоже зелены.

Мне хорошо, о прошлом вспоминая,
Идти, как прежде, рядышком с тобой.
Зовет, зовет дорожка полевая
Укрыться снова в роще золотой.

Пускай трещат сороки оголтело,
Молву вздымая как девятый вал,
Ну а кому, кому какое дело,
Что я тебя всю ночь целовал.

ЛЕГЕНДЫ СТАВРОПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ВЫ НЕ ДАЛИ ПОГИБНУТЬ ИСТОРИИ ГРАДА КРЕСТА

У каждого города есть свой летописец, свой Нестор. Для Ставрополя таким надежным и верным хранителем истории стал Герман Алексеевич Беликов – краевед, патриот, гражданин. И каждый из них – город и человек – благодарны друг другу за то, что судьба связала их. 86 лет дружбы – немалый срок.

Многое из того, что не может сквозь годы пронести человеческая память, хранят старые фотографии. Есть, правда, у них одна особенность – они хранят даже то, с чем тяжело смириться, что доставляет боль и ранит душу, невзирая на время. Перелистываешь страницы фотоальбома, и нахлынувшие воспоминания молодости, счастье первой любви и радость дружеских встреч перемешиваются с горечью утрат и жестокими ударами

**АЛЕКСЕЙ КРУГОВ
ОЛЕГ ПАРФЕНОВ**

Краеведение

судьбы. Семейный фотоальбом как фильм о твоей жизни. Но если беспокойная совесть по-прежнему восстает против лжи и несправедливости, по старым снимкам можно честно судить о пройденном тобою пути: как жил, кому помогал, что привнес в этот мир. Перед нами несколько массивных альбомов, вместивших судьбы не одного поколения и ставших отражением самой истории Ставрополя. Хранитель их – краевед и писатель Герман Беликов.

Самая старая фотография датирована 1913 годом, последним спокойным годом в России. Подданные большой и сильной империи строили планы, уверенно смотря в будущее. Эти уверенность и оптимизм читаются на лицах всех членов большой семьи Максима Никифоровича Беликова. Трое его сыновей стали каменщиками, построив не одно здание в губернском Ставрополе, только Алексей, отец Германа Беликова, прошел обучение у немецкого мастера, занимавшегося настенной росписью городских особняков.

Революция, а затем Гражданская развели братьев по разным лагерям. Трое встали под красные знамена, и лишь Алексей поступил в Добровольческую армию Деникина. Но, оказавшись в плену, тоже стал красным. Это и определило всю его дальнейшую судьбу.

В архивах Герман Алексеевич отыскал хорошо сохранившийся проект дедовского дома на Новом Форштадте за подписью архитектора М. Бржезицкого. Позднее, работая над историей старого города, собрал уникальный материал о ставропольских архитекторах вплоть до нового, постсоветского времени. Фотографии многих из тех людей, увы, не сохранились, но построенные ими дома, как памятники своим создателям, стоят до сих пор.

Вот ничем, на первый взгляд, не примечательный снимок: Герман Беликов, уже доцент пединститута, на фоне покосившейся белой мазаной хатки. Этот сарайчик во дворе бывшего шестиклассного начального училища, а затем седьмой школы по проспекту Сталина, стал первой «квартирой» молодой четы – Алексея Максимовича и Елизаветы Яковлевны. Здесь в голодном 1933-м родился Герман Беликов.

По соседству с фотографией – вырезка из «Орджоникидзевской правды» за 3 сентября 1940 года. С пожелтевшей газетной страницы в будущее с любопытством заглядывают первоклашки четвертой школы. Учитель Мария Михайловна Изумрудова, о чем гласит подпись к снимку, «выявляет числовые представления» детей. Среди них и Герман Беликов. Познаниями в арифметике, признается, в первом классе он не блеснул, но за примерное поведение получил в подарок «Волшебника Изумрудного города».

В четвертой школе учителем истории начинал работать Алексей Максимович Беликов – вот он на прогулке в окружении учеников. Все окрестности исходили пешком – на школу из транспортных средств была одна лошадь, и та только для доставки дров.

После Первой мировой войны Алексей Максимович вел краеведческий кружок, выпускал рукописный журнал «Наш край» у белых, а потом у красных служил писарем, поскольку имел идеальный почерк. Среди его юных воспитанников были Николай Будников и Владислав Чернов. Первый стал главным художником Ставропольского книжного издательства, второй – известным писателем.

Именно Алексей Максимович привил сыну любовь к краеведению. Ходили слухи, что отец якобы оставил Герману Беликову какую-то таинственную тетрадку, из которой тот потом черпал сведения о старом городе. Эта тетрадка тоже хранится в альбоме среди старых снимков, но ничего таинственного в ней нет – полсотни рукописных страниц самых общих сведений о крае, которые сегодня можно найти в любой книжке о Ставрополье.

Уникальная фотография – на фоне здания средней школы № 4 запечатлен ее директор Петр Григорьевич Токарев. «Закончился 1941 год, запомнившимся событием для нас, мальчишек и девчонок, стали проводы нашего директора на фронт, – рассказывает Герман Алексеевич. – Однажды во главе кавалерийской части, поравнявшейся со школой, мы увидели нашего любимого Петра Григорьевича. Он был в полушубке, перетянутый ремнями и увешанный оружием. Когда въехал на школьный двор, что тут началось! Всюду восторженные возгласы, улыбки, откуда-то появились живые цветы. Старшеклассники оттеснили нас, мелюзгу, и о чем-то говорили с директором. Наконец Петр Григорьевич развернул коня и рысью помчался за уходящей колонной...» Петр Токарев вернулся с войны, имея множество наград и незаживающие раны. Четвертая школа к тому времени лежала в руинах от попавшей в нее фугасной бомбы. Ученики и педагоги, кто уцелел, разошлись по училищам, заводам, фабрикам.

Радостью всех без исключения мальчишек был футбол. Без устали гоняли тряпичные мячи, иногда «настоящие» – чиненые-перечиненые покрышки и такие же клееные-переклеенные камеры. Своими

классными футболистами гордились больше, чем отличниками, не пропускали ни одной игры «Динамо», «Спартака» и «Трудовых резервов». Фотография 1947 года: игроки московского и ставропольского «Динамо». Боги!

«В образовании и спорте были настоящие личности, – размышляет Герман Алексеевич. – Подростки это чувствовали, сам воздух пропитан был духом соревновательности, и мы жадно впитывали его. В учебе я не отличался успехами, но имел больше двадцати спортивных разрядов.

Учителя задавали нам ориентиры, а мы любили и уважали наших наставников, верили им и шли за ними, как в бой. Да, все маршировали строем, время было такое. Но смело брали вершины в спорте, творчестве, науках».

В 1952-м Герман Беликов стал студентом Ставропольского пединститута. Начиналась совершенно новая жизнь. Любовь ему к географическому познанию края привил Владимир Георгиевич Гниловской. Мало кто знает, но с годами он всё больше обращался к истории, публикуясь в факультетских сборниках и в «Материалах по изучению Ставропольского края». Увидели свет его книги и статьи «Экскурсии по Ставрополью», «Два века» и «Ставрополь в старых планах».

Александр Кузьмич Серебряков, читавший курс геологии и землеведения, увлек Беликова страстью к путешествиям. Его студенты исколесили окрестности Ставрополя и Кавказских Минеральных Вод, Крым, всё Черноморское побережье, не раз бывали в Теберде и Домбае, тогда почти еще не знакомые туристам, штурмовали Клухорский перевал, на плотках сплавлялись по Кубани и Егорлыку...

Другого такого снимка ни в музеях, ни в частных коллекциях нет точно: географ Владимир Гниловской, геолог Александр Серебряков и гидролог Александр Щитов. Верховья Кубани. 1950 год. Все трое – имена в ставропольской науке. Студенты и преподаватели жили единой и дружной семьей. Гордились званием географа, защищали честь родного факультета везде и всюду, а гимном считали песню «Глобус» на слова Михаила Львовского.

Глобус крутится, вертится,
Словно шар голубой...

Что получил Герман Беликов от тех скитаний, восхождений, ночных костров, переправ через бурлящие реки в дождь и метели, ночевок в хижинах лесорубов? Новых друзей из разных уголков страны. Но главное – туристическая тропа вывела его на дорогу краеведения.

В 1956-м с дипломом учителя географии случайно узнал, что Виргиния Владимировна Савельева, преподаватель туризма и краеведения Дома пионеров, создает в городе детскую экскурсионную станцию. Этот шанс Беликов не упустил, с головой окунувшись в родную стихию. За семнадцать лет работы в Доме пионеров исколесил со своими кружковцами не только равнинное Ставрополье, но и весь Кавказ. Не случайно большую часть альбомов как раз и занимают походные, туристские и альпинистские фотоснимки.

Позднее эти незабываемые путешествия продолжались во время работы в Ставропольском пединституте, а их география только ширилась – Самарканд и Бухара с их шумными базарами и древними

кривыми улочками, горные перевалы Копетдага и Тянь-Шаня, пески Каракума и Кызылкума...

«Гордые, бунтарские, романтические шестидесятые! О том времени почему-то принято вспоминать в серых тонах: скромно одевались, за рубеж не выезжали, по телевизору одна программа... Но та жизнь на поверку была красочнее и интереснее, в ней всё кипело и бурлило! Мы ставили цели и добились их, а в людях больше всего ценились доброта и отзывчивость», – эти слова Беликова, пожалуй, могли бы стать девизом всего поколения 60-х.

Оттачивать перо Герман Беликов начал в публикациях небольших заметок по туризму. Раздобыл пишущую машинку «Москва», с энтузиазмом принялся набрасывать зарисовки о походах с юными краеведами. А в 1963-м небывалым по нынешним меркам 30-тысячным тиражом в свет вышла первая его книга «Мои друзья и зеленый рюкзак».

Следующая книга «Занимательное путешествие», идею которой подсказал необыкновенный выдумщик краеведческих дел Борис Голубев, вышла тиражом уже в 50 тысяч.

Один из снимков запечатлел рабочие будни читального зала краевого государственного архива. На первом плане Николай Судавцов и Герман Беликов, взявшийся за изучение дореволюционного Ставрополя, о котором много слышал от отца, мамы и тетюшек. Итогом долгих поисков и кропотливой работы стал двухтомник «Облик старого Ставрополя». За всю историю города такой полной и увлекательной книги о нем никто еще не писал. Одних фотографий более полутора тысяч! Двухтомник вместил в себя сведения о развитии города от уездного центра до губернской столицы, его военную,

административную, торговую, промышленную, духовную и культурную историю.

А для автора книга стала настоящим испытанием, потребовав от него невероятной концентрации не только творческих и душевных сил, но и физических – в самый разгар работы Герман Алексеевич перенес две сложнейшие хирургические операции. После пережитого за письменным столом мог проводить едва два-три часа в день. Но книга, как и планировалось, вышла в срок – к 230-летию Ставрополя, став для горожан лучшим подарком.

«Господь дал вам замечательный талант исследователя, – вдумчивого, кропотливого, серьезного, – в поздравительном адресе писал Герману Беликову его крестный отец митрополит Ставропольский и Бакинский Гедеон. – Вы не дали погибнуть истории града Креста. Именно ваш самоотверженный и целожизненный труд ученого-энтузиаста восстановил более чем двухвековую историю нашего прекрасного города: древние названия улиц и площадей, многочисленных храмов, историю их строительства и безжалостного уничтожения... Всё, что извлечено вами из пыльных спецхранов, стало общим драгоценным достоянием».

Позднее судьба сведет Беликова с пятигорским писателем Леонидом Николаевичем Польским, который станет для него главным авторитетом в историческом краеведении. Встреча их и впрямь не была случайной. На каждого свыше была возложена одна общая миссия – сохранение истории. Когда румынское оккупационное командование в 1942 году решило избавиться от складированных в Андреевском храме архивных дел Ставропольской губернии, Польский, не раздумывая, пошел просить

помощи у бургомистра. Так были спасены бесценные документы по истории Кавказа и казачества.

В начале 1990-х Герман Беликов увлекся историей Великой Отечественной. Несмотря на то, что повсеместно выходили еще труды «красных» профессоров, а самому ему дурман большевистской идеологии по-прежнему кружил голову, новая тема захватила. Чем больше изучал Беликов документы, тем больше открывал «неизвестный» Ставрополь. «Я буквально прозревал, видя ложь и фальсификацию советских изданий, искажающих историю города и края, когда преступления причисляли к подвигам, а палачей делали героями, – говорит Герман Алексеевич. – Это стало настоящим переломом в моей жизни. Но говорить правду было опасно». В 1998-м у Беликова вышла в свет книга «Оккупация. Ставрополь: август 1942 – январь 1943», ставшая первой и, на сегодняшний день, единственной по истории города, в которой нет разделения на «своих» и «врагов», на честных советских граждан и пособников оккупантам. Предложенная читателю картина оккупации города несет в себе новое осмысление его истории. Но что, может быть, самое важное – осмысление себя в этой истории. Оставаться в мире шаблонов и штампов, значит, довольствоваться самообманом. Автор, переживший оккупацию девятилетним подростком и потом много занимавшийся исследованием этого периода, не навязывает своего понимания прошлого. Задача состояла в том, чтобы помочь читателю оглянуться назад и постараться разглядеть себя в хаосе судеб и обстоятельств военного времени, пройти вместе с героями книги испытания, выпавшие на их долю, и спросить самого себя, а как бы ты поступил на их

месте. Труд вобрал в себя воспоминания десятков людей, с кем Герман Беликов встречался и переписывался на протяжении многих лет. Эти рассказы, как зеркало ушедшей эпохи, и сделали книгу такой, какая есть сама история – неоднозначной, противоречивой, не всегда располагающей ответами на сложные вопросы.

На одном из снимков автор книги и Анатолий Бурмистров, сын легендарного подводника, на порогах кинотеатра «Октябрь». Рядом большая, в человеческий рост, афиша «Презентация книги Германа Беликова «Оккупация Ставрополя». Зал набился битком. Никого на презентацию для массовой не загоняли. Без курьеза, правда, не обошлось. Товарищ в штатском сурово предупредил организаторов, что «книга неоднозначная и с похвалами торопиться не стоит». «Оккупация Ставрополя» переиздавалась еще дважды.

В борьбу за историческую правду Беликов ввязался не с бухты-барахты. Копать вглубь вынудила многослойная, почти несмыслимая фальшь, в которую плотно укатали жизнь целых поколений. Так, потребность объективно разобраться в действительности, вывести из тени множественные перипетии нашего бытия вылилась в рукопись о преступлениях большевиков против собственного народа.

Автор исследовал период большевистского террора в Ставрополе через общую ситуацию в стране, начиная с 1917 и заканчивая 1953 годом, когда были предприняты первые попытки либерализации советского общества. Именно на этот период пришелся пик большевистского ига, отголоски которого мы испытываем на себе до сих пор. Проявляется это слишком во многом. В отсутствии чест-

ных выборов, в продажном правосудии, в ложном коллективизме, когда никто ни за что не отвечает, в безудержной коррупции, дефиците нравственности, человечности, духовности, в засилье непрофессионалов, нереализованности людей ищущих, в насаждении психологии покорных, безмолвных рабов, в отсутствии желания трудиться на благо родины... Собрать материал и писать правду о ставропольской голгофе было делом невероятно сложным и небезопасным. Потребовались годы, прежде чем на страницах местных газет и журналов появились осторожные публикации о, казалось бы, навсегда канувших в вечность событиях борьбы за «счастливое завтра». С одной стороны, благодарность читателей авторам и редакции, а с другой – ненависть и отборная брань... при гробовом молчании ученых мужей. Магическая власть «красного пояса» оказалась сильнее стремления следовать закону исторической правды.

Только жизнь не остановить. То, что тщательно скрывалось от поколений, рано или поздно должно было выйти на поверхность. И оно выходило, пусть в малых дозах, пусть в усеченном виде – не с целью обличения прошлого, а в желании возбудить умы, заставить задуматься, возможно, даже покаяться. Беликов осмелился пересмотреть историю Ставрополя – поступок и по нынешним временам требующий большого гражданского и человеческого мужества. Рисковал многим – работой, душевным уютом, здоровьем.

Встал вопрос об издании. За помощью Беликов обратился к Александру Исаевичу Солженицыну. Ответ последовал обнадеживающий, началась работа по редактированию, но в августе 2008-го при-

шло известие о смерти Солженицына. Казалось, надеяться больше не на что. Но тут случилось чудо – нашелся человек, который под издание книги взял кредит.

Так, в 2009 году увидел свет труд, поражающий своей убийственной правдой – «Безумие во имя утопии, или Ставропольская голгофа». Труд, основанный на бесстрастных документах и свидетельствах очевидцев, наполненных болью, слезами и отчаянием земляков, мятущихся в поисках истины и справедливости, ошибавшихся, оступавшихся, но себе не изменивших. Книга вместила в себя около шестисот документальных источников – воспоминаний, архивных документов, газетных статей, исследований советских и современных историков, эмигрантскую прозу. Это огромная доказательная база и есть тот багаж, который делает данный труд неуязвимым в своей объективности и беспристрастности. В этом его сила и одно из главных достоинств.

Когда вышло «Безумие во имя утопии или Ставропольская голгофа», в адрес автора посыпались обвинения и неприкрытые угрозы. Может показаться смешным, но по городу Беликов ходил с отверткой в кармане – на тот случай, если «патриотически» настроенные придурки вздумают поквитаться за «искажение» советского прошлого.

Герман Алексеевич первый в крае предпринял попытку вернуть людям их истинную историю. Возможно, сделал это преждевременно, ведь невидимая линия гражданского противостояния через всё российское общество пролегает и сегодня. Но по-иному не мог. Цена, заплаченная за социальный эксперимент, оказалась чудовищной – миллионы загубленных душ и покалеченных судеб, невоз-

полным провал в развитии государства, удар по единству нации. Последнее издание «Ставропольской голгофы» вышло в 2015 году. Книга разошлась мгновенно, став библиографической редкостью.

В свои 85 краевед работает упорнее, чем многие его молодые и пышущие здоровьем коллеги.

Недавно Беликов закончил рукопись под рабочим названием «Ставрополь, это мы, твои сыновья и дочери» – цикл очерков о людях разных эпох, судеб, профессий, разных взглядов на прошлое, но оставивших в истории города свой добрый след. Всех их объединяет любовь к Ставрополю, на благо которого они трудились, созидали и верили в его прекрасное будущее. Пока книга готовится к изданию Герман Алексеич работает над ее продолжением. Только что он написал главы о Герое Советского Союза Иване Бурмистрове, энтомологе Николае Лучнике, докторе Адольфе Дорште. Автор сам в ряду тех, о ком он говорит с благодарностью и любовью.

...Старые фотоальбомы. В мелькании лиц и судебных ловишь себя на мысли, что каждый из этих снимков случаен – сколько их не появилось на свет, потому что рядом не оказалось фотографа? Но в выборе жизненного пути случайностей не бывает, так же, как случайной не может быть книга, ставшая частью души ее автора. «Пишите правду и ничего, кроме правды, без нее не может быть истории, – в этих словах Германа Алексеича звучит напутствие всем, кто связал себя с изучением прошлого. – Ложь разлагает и развращает. Звания, награды, титулы – всё преходящее, истина только в правде».

В школьные годы Беликов, «уверенный троечник», мечтал о золотой медали. Хотя бы о бронзовой! Медаль не дали, а бронзовый бюст на Аллее

почетных граждан заслужил. Остановится, бывает, у бюста: «Привет, старина! Что молчишь?.. – а годы в памяти мелькают, как птицы! – Зазнался, забронзовел... Нет хуже, когда бронзовеют при жизни. Ну, раз молчишь, бывай. А я в библиотеку – над новой книгой работаю».

ОДИССЕЯ СТЕПАНА МАЗЯКИНА

Степан Мазякин брел по ночным улицам. Тусклый свет фонарей едва освещал неровный тротуар, силуэты зданий, брошенные автомобили. Тихо шелестела листва, покачивались ветви деревьев.

Плохо было Степану, тяжело на душе, организм его был истерзан длительным похмельем и уговорами старшины Дропекина. Степан вспомнил эту нехорошую беседу...

Его взяли как всегда на улице, возле пивного ларька, где он проводил почти всё время с полудня до вечера, пребывая в обычном полузабытьи, разочарованно и бессмысленно глядя по сторонам. В этот день Колька Рваный и Витька Жестянщик по-соседски угощали одеколоном. Свою бутылку пива, спрятанную с утра, Степан доставать не стал, берег на вечер. И тут – на тебе! Подлетели на «Козле» менты, не говоря ни слова, погрузили в клетку и доставили

**ОЛЕГ
СОЛДАТОВ**

Проза

в отделение. Там держали в камере, пока не пришел старшина Дропекин и не стал бить его по морде, требуя признаний. Но не такой дурак был Степан Мазякин, чтобы признаваться в чем бы то ни было. С детства уяснил он одно правило, услышанное от папаши – старого урки, двадцать лет чалившего по лагерям да тюрьмам, – одну верную истину, с которой и жил теперь, стойко перенося все невзгоды. Истина эта – проста и доступна, и была для Мазякина самым легким из всего, что мог бы он применить при сложившихся обстоятельствах. А истина эта такова: чтобы не случилось, как бы ни было страшно, больно, жутко, чем бы ни грозили, всё равно, никогда, ни в чем не сознаваться. Потому как будет от этого только хуже. Так учил сынишку старый урка, и учение его не прошло даром. Крепко, как ржавый гвоздь в полене, засела эта наука в нешибко умной голове Степана. Так всегда он и поступал, чтобы ни случилось, ни в чем не сознавался. С детства еще, когда в школе ловили его на мелком воровстве, он, угрюмо хмурясь, всегда молчал, поминая завет папаши: скажешь слово – только беду накличешь. А если уж совсем допекали и грозили, то отвечал Степан на все вопросы одно и то же: мол, нашел он, не украл. Если кто видел, – пускай скажет, а нет, так и нечего на человека понапрасну чертей вешать и разные грехи ему приписывать. Вот так и говорил... Спасибо папаше, вечная ему память, помершему от чахотки, заработанной в лагерях... Вечная память, вооружил сына, хоть чем-то сумел облегчить и без того суровую жизнь. Молчи, сынок, молчи, не признавайся, может и отстанут. Так вот он и молчал, и отставали. Что возьмешь с дурака?

Молчал он и в этот раз, когда сдирал с него старшина Дропекин новые шарф и шапку, – совсем новые, только накануне добыл их Степан в местном универмаге, именно что добыл, ведь денег у него на шарф и шапку не было, да и стал бы он тратить деньги на такую безделицу. Деньги всегда, в полном объеме уходили на то, что позволяло отдалить беспощадность мира, унести его прочь, развеять и распылить без остатка. Только туман, только полузабытье, бездумье и безмыслие. А случись что, верная истина папаши спасет, ослабит удар, вывезет, все уладит...

И когда старшина Дропекин тыкал ему под нос эти шарф и шапку, и хлестал его ими по опухшей роже, и спрашивал: где, мол, ты взял, дорогой товарищ Мазякин, такие любопытные вещички? Признавайся, мол, а не украл ли ты их в ближайшем нашем самом распрекрасном универмаге, что стоит на улице Весенней и является любимой торговой точкой всех общественнополезных граждан? В ответ лишь хмурился Мазякин и моргал часто, и твердил только, что, мол, нашел он эти чудесные шарф и шапочку, прямо на улице, прямо удивительно даже, что такие распрекрасные вещички валялись прямо посреди дороги. Он и подобрал их, а если кто бы сказал, что, мол, верни, что, мол, это его вещички, что, мол, плохо кому-то без них, так он бы, Степан Мазякин, тотчас их вернул и несколько бы не препятствовал такому справедливому исходу дела. Потому как законный владелец, он за всегда свою правоту отстоять может... А он что? Он только нашел и подумал: зачем вещам пропадать? А на дворе, вечером особенно, прохладно теперь, и

уж по утрам заморозки, и лужи замерзают, и ветры дуют, вот он и взял. Да и то не верно это, не взял, а подобрал, именно, что подобрал... А может, кто выбросил эти вещи – ему откуда знать? Может, кто лучше себе купил, или просто надоели они ему? Бывает же такое, что надоела вещь, наскучила или там еще чего... В чужую голову ведь не заглянешь, мыслей не прочтешь, мало ли у кого что на уме, сейчас вон сколько богатеев развелось, дворцы у них и хоромы, ну что для них шарф и шапка, подумаешь, пшик, да и только, а ему всё ж теплее, вот он и подобрал...

Но не верил ему суровый старшина Дропекин и тщетно требовал признания. Не мог он понять простой истины, которую твердо уяснил себе Степан, потому что не было у него мудрого папаши-урки и еще потому, что не Степан Мазякин допрашивал Старшину Дропекина, а совсем-таки наоборот. А как знать, случись что, может всё и повернется и уж не он будет молчать и хмуриться перед старшиной, а сам старшина попадет к нему в руки. Если вдруг, да и переменится власть, если станут все вокруг такими как он, Степан Мазякин, бомжами да нищими. Да кучка богатеев, да холуев ихних останется... Тогда туго придется старшине Дропекину, тогда вспомнит он и шапку, и шарфик, и побои, и истину верную уяснит: молчи, не признавайся, надоест – так сами отстанут...

– У-у, харя, – только и сумел выговорить Степан, терзаясь воспоминаниями.

И ведь отстал старшина Дропекин, плюнул таки и отстал, надоело ему; что за интерес возиться с полупьяным опухшим бомжом? чего с него взять?

на кой черт он сдался? Отобрал и шарф, и шапку, до ночи продержал, а посреди ночи вышвырнул Степана на улицу, на холод... Куда идти? Ясно, пиво уж его выпили... Не стали дожидаться. Нашли небось, в авоське; она там же на лавочке и осталась, когда поволоки его в узилище. А всё ж стоит сходить, посмотреть, вдруг, да и оставили, не заметили, с пьяных глаз внимания не обратили, али со страху разошлись или в другое место подались, от ментов подальше... Надо сходить, глянуть, своим глазом убедиться, мало ли бывает чудес на свете...

Так думал Степан и брел к пивному ларьку, и грезило ему, что так и висит его авоська на крючке у лавочки, забытая и неприметная, а в ней цела, цела его бутылка.

И так он поверил в эту свою мечту, что когда добрался-таки до ларька и не нашел там своей авоськи, то трижды обошел вокруг и заглянул даже под лавочку и всё не верил глазам своим и удивлялся вероломству мира и поступку товарищей. Что ж тут взять с Кольки Рваного кроме рванья, да и с Витьки Жестянщика кроме свалявшейся рыжей бороды; сами они свой одеколон с ним разделили, так чего ж теперь злиться, коли они его бутылку пива оприходовали, всё ж это и справедливо, и лучше было ему самому ее выставить. Ан бог рассудил так, что теперь ему и глотка не досталось. Вот ведь причина того, что пришлось ему беседовать со старшиной Дропекиным, а не пить пиво с дружками собутыльниками. У него с богом прямой расчет, зажал для друзей – получили по заслугам. Вот и получил. Чего ж теперь жаловаться да жалиться? Бог, значит, орудием своим выбрал стар-

шину Дропекина. Но и поступил с ним не слишком сурово, отпустил ведь Дропекин, побил легонько, по морде отхлестал и отпустил. А шапку с шарфом, он и так добудет, не в универмаге, так на помойке, там много чего сейчас найти можно, прибарахлиться. Вон, Колька Рваный, с ног до головы одет с помоечки, и ботиночки у него, и пальтишко, и варежки, всё не первой носки уже, но вполне еще в дело годное.

А куда ночью идти? Ведь, пожалуй, Колька с Витькой не пустят с пустыми руками, и мать домой не пустит, – в их хрущобу однокомнатную. Уж давно не в ладах он с ней, пьет она крепко после работы своей малярной, а когда пьет, так гонит его из дому, совсем гонит, уходи, говорит, совсем, чтоб духу твоего здесь не было, насиделся, мол, на моей шее, ирод, собака проклятая, живоглот, ублюдок... А что он ублюдок это верно и на шее сидит, это тоже верно, вернее будет сказать, сидел, редко уж он домой заглядывает, а когда тепло так и совсем носа не кажет. Кому приятно про себя всякое слушать. Пусть ее, ругается, а ему не слышать... И то сказать, зачем рожала? Чтоб проклинать всю жизнь? Чтоб родного сыночку на мороз выгонять? Иди, кричит, работать! Да он бы и пошел, да кто ж его возьмет? С опухшей рожею, без паспорта, – его он уже лет десять тому потерял, не то продал, не то пропил... а и сам уж не упомнит. Где уж тут упомнить? Тридцать лет уж скоро, или уж было... эх жизнь, а и пропадай всё... Пропадай всё, замерзай всё, ты не нужен никому, даже дому своему...

И тут взгляду Степана Мазякина открылась чудесная картина: озаряя ночную улицу, сверкая ро-

скошными витринами, потрясая великолепием, раскинулся среди холодного безразличного мира новый гастроном. И за толстыми широкими стеклами, ярко освещенные, виднелись яства и кушанья, салаты и маринады, копчености и соленья и главное: нескончаемые, от пола до самого потолка, ряды разноцветных и разнокалиберных бутылок. Тут были и водки, – ой, мама! – сортов ста, и вина со всего мира, и шампанские всевозможные, и виски, и коньяки, и джины, и черт его еще знает, что такое, чего Степан в своей скудной жизни ни разу не пробовал и вряд ли когда попробовал бы.

Ни разу не видел такого чуда Степан, всегда виделся ему этот магазин каким-то тусклым и невзрачным. И происходило это, наверное, оттого, что почти всегда Степан, попадая к магазину, бывал уже пьян. Да и не пускали его никогда внутрь, зная, что и денег у него нет, и что не чист на руку. Охранник грозно преграждал ему путь, показывая огромный кулачище.

А теперь вот и холод, и долгое воздержание от поглощения всякой дряни, и пережитые волнения, сделали-таки свое скверное дело. Глаза Степана вдруг открылись, и по-новому взглянул он на привычную витрину гастронома. И подумалось ему, что, пожалуй, приди он не с пустыми руками, так и Витька с Колькой пустят его, и матери он покажется уж не таким пропащим, если принесет он ей чего-нибудь вкусенького, редкого, и как это где-то в книжках писали, – он еще в детстве это слово запомнил, – изысканного...

И как в забытьи, поднял он, лежащий тут же, будто для того и приготовленный булыжник, и

врезал им по сверкающему стеклянному чуду. С лязгом и звоном обрушились осколки. И уж приготовился Степан схватить что-нибудь и бежать, ожидая, что зазвонит сейчас, затрезвонит, залетится воем вся улица, и пробужденные, оторванные от теплых своих постелей жители станут, одергивая занавески, выглядывать во двор, но вот ведь штука... Тихо было вокруг, лишь шелест листьев, лишь тусклое мерцание фонаря... Не сработала, не сработала охранка! На удачу Степанову, этим днем устанавливали новую сигнализацию в гастрономе, дорогущую, самую современную, самую надежную. Но, как уж водится, чем дороже, тем сложнее. Что-то не так, видать, подсоединили, вроде бы и работала она поначалу, а пришла пора – отказалась выть и реветь, свистеть и трезвонить. «Это, верно, бог мне в помощь», – решил Степан. И тогда-то, оглядевшись по сторонам, не видит ли кто, полез он прямо в рай, прямо в малину, в роскошь и в изобилие.

Уж и как он пировал! Начал с пива, чтобы хоть дух перевести, чтоб уж как-то возместить похищенное... Забыть несправедливое унижение. «Ведь вот, скажем, в другой там какой-нибудь Америке, ведь не станут же человека понапрасну унижать, – думал Степан, – ведь не будут бить его по щекам. Увидят, что человеку плохо, значит, помочь ему надо, обогреть, накормить, дать кров, кусок хлеба... но это у них так, у нас, хоть сдохни – никому дела нет. Как Левша сдох, так и весь русский народдохнет-дохнет, никак не передохнет. А эти, знай себе, нефть качают, и то им мало, они еще из людей последние соки выкачивают... Ведь каждый человек, говорят,

в чем-нибудь талантлив, кто рисует, кто пишет, кто шьет, аль паяет лучше всех. У каждого свой талант, свое призвание, предназначение в этой жизни. А моего таланта не нашли, не заметили. И сам я не смог его найти... Ведь и я бы мог, скажем, на скрипке пиликать, как какой-нибудь там... как его... Карузо, да, если б меня научить... Или картинки всякие выписывать, да мало ли что... Подсказал бы кто... Надо было, чтоб хоть кто-нибудь, хоть одна живая душа во мне участие приняла и к моей судьбе интерес проявила... Так ведь нет. Ни кому нет дела... Вот ведь как... Пропадай всё...»

После пива, Степан налопался разных салатов. Ох, и давно не ел он салатов! Каких тут только не было: и оливье, и московский, и крабовый, и с фасолью, и с сухариками и еще бог знает какие, заправленные майонезом и всевозможными соусами.

Открыл Степан бутылку водки, открыл бутылку коньяку. Нет, и правда, бог ему передышку дает, праздник устраивает. На, мол, Степочка, покушай, порадуйся хоть чему-то в жизни, раз другие радости тебе не доступны, раз ни для чего ты больше в этом мире не пригодился, покушай, мол, Степа, за все твои страдания. Мол, сам видишь – помогаю тебе, чем могу, а уж ежели что не так – не взыщи...

Выпил Степа и коньку, и водки, джину попробовал. Понравился ему джин, можжевельником пахнет. Закусил корейскими грибочками, спаржей... Эх, кабы сейчас друзей сюда, Кольку Рваного, да Витьку Ржавого – Жестянщика этого, – все железки по помойкам собирает. А глянул бы, что тут! Забыл бы про железки. Эх...

К чему старые обиды поминать? Раз ему такой фарт пошел, то и друзей угостить надо бы, и мамочке гостинцев принести. Да в чем нести? А вот же пакеты! В руках же не потащишь. Пакет колбас да ветчины, пакет с пивом, пакет с джином и виски, пакет с салатами, сладкого надо взять к чаю, торты, зефиры, конфеты, боже мой... сказка... А это что? Лукум... На клей загустевший похоже. Кофе взять пару банок. А что пару! Пакет набыю! Эх, раз уж фарт пошел, надо брать... Две связки по четыре пакета – дотащить бы! Бросать жалко. Всё не утащить. В себя побольше – пива, коньяка. Пора бы двигать... Надо разом всё брать... Возвращаться нельзя... Нельзя жадничать... Попадешься... Где выход-то? Еще джинчику... н-нет... н-не л-лезет уж-ж... Ух, братцы-ы... х-хорош-шо то как! Дополз-з-эти бы, а там... уж как-нибудь... Ух-х, епрст! Ноги не держат... Ну, ничего... поползу. А сумки? Эх, бр-рат... Хоть на помощь зови... Самое время...

Подвели Степу ноги, не удержали. Качнуло Степу влево, качнуло вправо, не устоял, рухнул Степа, голова кругом пошла, всё перевернулось, ухватился рукой за прилавок, да вместе с прилавком и грохнулся. Шуму, грому! Весь в конфетах и в мармеладе, печеньями присыпан... Хотел подняться, да нет уж такой возможности, земля сама из под уходит и бежит куда-то не удержишь, вертится земля, быстро-быстро, так вдруг разогналась – не остановишь и стоя по ней пройти нельзя. Ну так и ладно, тогда ползком. Ползет Степа к дыре в витрине, впереди себя связку пакетов со вкусо-стями толкает. Одну связку дотащил, а тут еще на-пасть – сон начал морить Степу, уж вроде и пару

раз даже он и забывался, и глаза слипались. Ан всё-таки дотащил, дотолкал связку и с полутора-метровой высоты, – откуда витрина начиналась, – на асфальт ее опустил. И нет бы плюнуть ему на остальное, не возвращаться, а самому перевалиться, да уползти хоть в кусты, хоть до первой канавы, хоть метров на сто от магазина. Но сгубила Степу жадность. Вернулся он за второй связкой, и кое-как, то и дело засыпая, допер и ее, опустил на асфальт, сам до середины вывалился, да так и повис над тротуаром, – руки и голова на улице, а всё остальное – в гастрономе. Сморил Степу сон, наказал его бог за жадность...

А наутро, едва расцвело, с утренним обходом шел мимо гастронома старшина Дропекин. Что за черт! Видит, полчеловека из витрины торчит, и уж очень эти полчеловека на кого-то похожи, и кого-то очень знакомого напоминают. Так и есть! Пригляделся старшина Дропекин, за волосы спящую голову приподнял, узнал Степана Мазякина. Вот и попался ты, голубчик. С поличным. Вот теперь-то ты сядешь, теперь не отвертишься, не наврешь, что, мол, нашел... Вот оно преступление, вот витрина, вот преступник, всё ясно, яснее не бывает.

Вызвал старшина по рации машину, засвидетельствовал кражу со взломом, погрузили Степу и отправили в камеру отсыпаться. Проснулся Степа в камере, так и не понял, было ли что на самом деле или только сон ему снился чудесный, на все вопросы отвечал, мол, не знаю, не помню... Он и вправду пребывал в затруднении, всё казалось ему, что судят его за то, чего он не совершал, – за сон судят.

А потом стало казаться ему, что и судят его во сне, и сейчас проснется он прямо в гастрономе, а вокруг коньяки и джины, салаты и колбасы...

Дали Степе один год колонии. Вышел он и зажил по-старому.

У Байкала

Домов я вижу грустный ряд,
Дворы пустынные в печали.
Сидит, задумавшись, бурят
На догнивающем причале.

Лицом похож на божество.
В прищуре глаз застыла вечность,
И философская беспечность
В душе справляет торжество.

Что из того, что он один.
Он прежде видывал другое:
Баркасов крепких длинный клин
Здесь гладь залива беспокоил.

Богатым был всегда улов,
И песни рыбаки слагали
О красоте байкальской дали
И о коварстве злых ветров.

А в окружающей тайге
Был соболь царственный обычным.
Изюбря часто голос зычный
Звучал призывно в далеке.

И омулевый дух стоял
Над жизнерадостным поселком.
В великой щедрости Байкал
Был бескорыстнее ребенка.

Но время вдруг взвихрило бег.
Иные песни над Байкалом.
Не знал, не ведал человек,
Когда рабой Природа стала.

Бурят вздохнул, ссутулил плечи
И сам с собой заговорил:
– Однако, старость человечья
Не только в том, что долго жил.

Я мог бы, паря, за сохатым
Ходить по сопкам целый день,
В Байкале взять улов богатый,
Да неохота... хоть не лень.

Кому нужно мое умение
Ходить бесшумно по тайге
И камус выделывать олений,
И лодкой править на реке!

Кому нужна добыча эта?
Дом пуст. Дочь в городе живет.
Сыны давно на стройках где-то...
Жаль смерть за мною не идет.

Я никому не нужен, паря.
Как тот вон выброшенный плот.
Вот это главное, что старит,
День делает длиною в год.

Эх, паря, где же все соседи?
Поселок заживо гниет.
Всегда автобус мимо едет,
Как будто мимо жизнь идет...

Как часто не хватает мне...

Как часто не хватает мне
Прохлады быстрых рек Сибири,
Ее тайги безмерной шири
И осенью рябин в огне.

И все арбузные ряды,
Всё рынка шумное цветенье
Я променял бы без сомненья
На соболиные следы,

На алость ягодных полян,
На чуткий глухариный цокот,
На вздыбленные спины сопок
И дымку снежных плеч Саян.

Жарков сполохи по весне
Теперь мне будут только сниться,
И в явь уже не превратится
Чего так не хватает мне.

Перевал

Мне ночью теплою, кавказской,
Под ветерок, текущий с гор,
Припомнились вдруг дивной сказкой
Другая ночь, другой простор...

Буран утих. Мороз был ярим.
А в небе звезд полным-полно.
Искали тщетно трассу фары –
Сплошное снега полотно.

На временной дороге тесной
Машин скопился караван,
И фразой раздраженной, резкой
Водитель проклинал Даван.

Его ветра, его дороги,
Его разбитые мосты,
И леденеющие ноги,
И так манящие хребты.

Мы метры меряли часами –
В сугробах резали тоннель.
Какими грубыми словами
Ругали прошлую метель!

Ломило спину, руки ныли,
Лопаты – словно из свинца.
Нет, мы не ехали, мы плыли,
И, все ж, доплыли до конца.

Хребет к утру перевалили,
А дальше – легче – под уклон.
И про усталость вмиг забыли –
Даван был нами побежден.

А вскоре въехали в поселок.
К столу нас звал звенящий рельс.
Умывшись, шли мы между елок –
Закончился обычный рейс.

И ночью теплою, кавказской,
Поверьте, удивляюсь сам,
Припомнились вдруг дивной сказкой
Тот труд и ночь на трассе БАМ.

Мы все от корня одного

Мы все от корня одного.
Мы все больной России дети.
За что, Господь, ты нас отметил
Печатью гнева своего?

За что тоску вложил ты в нас?
Страданья, те, что душу сушат,
Всегда мятущуюся душу,
Да покаянье про запас.

Ты в нас сомнений целый ком
Вложил. Мы ни во что не верим.
Крушим дворцы и строим терем,
Взрываем терем – строим дом.

Порой мы целый мир смешим,
И тут же этот мир пугаем.
Век святости вдруг объявляем,
И прочь от святости бежим.

За что же, Господи, за что
В нас неприкаянность посеял,
Безвольем нашим сжал нам шею...
За что же, Господи, за что?

Ночь

От суеты бегу я прочь,
От злобы, торжества порока.
Я уйду в глухую ночь
От словоблудия пророков.

Ночь! Обними меня, как мать
Когда-то сына обнимала.
Тебе готов я рассказать
Как жил, и как душа устала.

Ты, знаю, скроешь этот миг,
Когда я на колени стану
И, облачив в молитву крик,
Души своей открою рану.

Я на коленях постою
В твоём огромном звездном храме.
И той звезде я помолюсь,
Что светит мне, светила маме

И будет правнукам светить,
В них вызывая вдохновенье.
Ты, ночь, протягиваешь нить
От поколенья к поколенью...

Так осени же и меня
Лучом, к нам присланным звездой,
Дай силы жить при свете дня,
И душу полнить красотой.

В степи

Когда сквозь мглу зари полоска
Зажжет холодный свой пожар,
И небо станет цвета воска,
Земля вскипит, вздымая пар.

Степь, встрепенувшись торопливо,
Прошелестит: – Пора! Проснись!
И солнца бархатная слива
Подарит утро, день и жизнь.

Осенняя песня

Я слышал, медленный фокстрот
Оркестр ветвей в лесу осеннем
Играл, а листьев хоровод
Кружился в танце вечном, древнем.

Рожок березы там звучал,
Прощаясь на зиму с листвою.
Осин торжественный хорал
Пронзительно звенел тоскою.

Рябин-арфисток нежный звук
Сплетался с альтом юной ели,
И, вся полна печальных мук,
Играла ива на свирели.

Сердился дуба саксофон,
И скрипка ясеня играла...
Наверно, мне приснился сон,
Что осень праздник свой справляла.

Как задержалась нынче осень!
Как теплых дней красив наряд!
Ноябрь, а сад листву не сбросил,
И кисти держит виноград;

Лежат оранжевые тыквы
Среди желтеющей травы.
Я так к теплу уже привыкла,
Что мне не хочется зимы!

Но скоро... Скоро дней погожих
Прервется солнечный черед,
И, словно в улье растревожен,
На грядках трудится народ.

Дым от костров плывет клубами
По зеркалам вчерашних луж,
А мы в корзины собираем
Остатки поздних спелых груш.

С утра уже во всей квартире
Стоит медовый аромат;
Мы будто лето разбудили,
И осы к лакомству летят.

Кипит в большом тазу варенье,
И дольки сочные плодов
Снуют ладьями по теченью
Средь пенных сладких берегов.

Уже прозрачны стали груши,
Сироп густеет золотой.
И суетой моей разбужен,
Проснулся добрый домовой.

**ВАЛЕРИЯ
МАХЕНЬКО**

Поэзия

Он по-хозяйски улыбнется,
Рукой слегка коснется плеч:
– Смелей!

И таинство начнется, –
Я закрываю в банки солнце,
Чтоб от зимы его сберечь!

Есть день рожденья у любви -
Я эту дату помню ясно.
И не нужны календари,
Чтоб отмечать ее как праздник.

Есть день рожденья у любви,
А дальше – время трудной жизни:
Свиданий кратких соловьи
И ссоры ревности капризной;

Насмешек добрых озорство,
Пора открытий и волнений;
И в первых спорах торжество
Совместно принятых решений.

Пусть становлюсь уже другой,
Забыв печаль всех снов тревожных, –
Мне дорог этот путь с тобой
Из всех других путей возможных.

Как хорошо, что я и ты, –
Мы оба к этому причастны!..
Есть день рожденья у любви,
А дальше – только время счастья!

– Знаешь, я не люблю вокзалы.
А еще не люблю прощанья...
Я вчера тебе так сказала
В оправданье себя, в оправданье.

Не пришла я со всеми вместе,
За столом с тобой не сидела,
И не пела прощальных песен,
И в глаза твои не смотрела.
Не смахнула слезу платочком
На перроне в толпе гудящей.
Я тебя проводила молча,
Только хмуриться стала чаще.

Мне одной лишь сейчас известно,
Как душа от разлуки ноет.
Как в квартире пустой мне тесно,
Где когда-то нас было двое.
Но жалеть меня, – нет, не надо!
Это шутка судьбы такая.
Просто нет тебя здесь, рядом,
Но ведь где-то ты есть, - знаю!

Чтоб тебя не считать потеряй
И отчаянью чтоб не сдаться,
В нашу встречу упрямо верю
Потому не пришла прощаться.

Августовский вальс

Где-то в полях бескрайних
Звезды давно упали...
Сколько желаний тайных
Мы загадать мечтали!
Только всё чаще утром
Воздух туманом скомкан;
А в тишине как будто
Кто-то поет негромко.

Волны в лучах усталых
Греют речные плесы;
Нити из бус янтарных
В косы плетут березы.
Песню уже не слышно –
Медленно гаснет вечер.
Жаль, что короткой вышла
Наша с тобою встреча.

Скоро укроет осень
Алым ковром брусничник,
В травы небрежно бросит
Горсть золотых лисичек.
Что же от песни светлой
Только печаль осталась?!
Это, прощаясь с летом,
Тихо уходит август...

Ненастье

Ну вот и первое ненастье:
То снег, то дождь идет с утра,
И серым шлейфом небо застит,
Нас прогоняя со двора.

...В кофейне маленькой безлюдно,
Уютно, тихо и тепло.
Лишь за столом холодным утром
Скучает женщина как будто
И смотрит изредка в окно.

Цветной наряд не по погоде.
Над чашкой кружится дымок.
Она забыла о работе:
То с телефона глаз не сводит,
То нервно комкает платок.

И ароматный крепкий кофе
Хоть и согрел ее сейчас,
Но не развеет вздох глубокий
И бесконечно одинокий
Усталый взгляд потухших глаз...

Она на плечи плащ набросит
И, прежде чем за дверь скользнуть,
Кого-то в небесах попросит
Пускай не бабье лето, – осень
Продлить хотя бы на чуть-чуть.

Попутчик

Когда весне сдается в плен февраль,
Когда октябрь дождями занеможет,
Меня в дорогу снова манит даль,
И сны ночами странные тревожат.

Мне снятся в сизой дымке города.
И перестук колес на перегонах,
И за окном плывущая звезда,
И тишина полночного вагона.

И горьковатый запах сигарет
Случайного купейного соседа,
С которым вместе встретили рассвет
Под крепкий чай и долгую беседу.

Мне стал роднее всех на эту ночь
Тот человек, чужой и молчаливый.
Он выслушать, казалось, был не прочь.
И я всё говорила, говорила...

А после в незнакомом мне краю
Он растворился в суете перрона,
Забрав с собою исповедь мою
И не оставив номер телефона.

Как он теперь живет с моей бедой?
Забыл ли просто? Носит ли с собою?
Мне стало легче после встречи той.
Вот только совесть мучает порою.
Меняет время на вокзалах ход.

И где-то в шумном зале ожидания
Моя неуспокоенность живет
И помнит все разлуки и прощанья.

И помнит полустанки на пути,
Что мы, не замечая, пролетали.
А может, мне там стоило сойти?
А может, там меня когда-то ждали?

И вот опять один и тот же сон:
Уходит путник в темноту устало,
Меня уносит прочь пустой вагон,
А я... «спасибо» даже не сказала.

Утро начинается с дороги.
Сборы в предрассветной суете:
В небе – сонный месяц круторогий,
Распевает чайник на плите.

Деловито-бодр, сосредоточен,
Ты поправишь галстук на бегу,
Как всегда мне скажешь, между прочим:
– Всё. До встречи. Я тебя люблю.

По привычке губ моих коснешься
И уйдешь, спокойный и чужой...
Оглянись! Но ты не обернешься –
Ты уже в дороге, не со мной.

И от слов прощальных долгожданных
Так и не повеяло теплом:
Рядом, но как будто в разных странах
Мы с тобой уж сколько лет живем!..

В мыслях о проблемах, о работе
Забываем, что любовь была.
Нас дороги разные уводят,
Увлекают разные дела.

Всё уже на грани – хрупко, зыбко...
Но рецепт спасенья есть простой:
Если утро начинать с улыбки,
То желанней будет путь домой!

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ ГОРОДА S

*фрагменты асинхронной
летописи «Колодец до... звезд»*

...затейливые пазлы бытия –
дневниковые записи, письма,
стихи, черновики... А еще –
байки... А еще – были... Часто,
достаточно часто пазлы иде-
ально совпадают друг с другом.
Порой, конечно, заморачивают
голову, аж в глазах рябит. И бой-
кие байки, и были, временами
воистину былинные, вобрала
в себя асинхронная летопись,
точку в которой я, казалось бы,
поставил десять лет назад. Но
файлы-упрямцы живут по сво-
им законам, то и дело напоми-
ная о себе и требуя «продолже-
ния банкета».

1. Байка о вопросительном и восклицательном знаках

Два года без малого ушло у
меня на опросы, посвященные
поиску самого удачного места
для установки скульптурной
композиции, связанной с Миха-

**СЕРГЕЙ
СУТУЛОВ-
КАТЕРИНИЧ**

Поэзия

илом Лермонтовым. Тезка великого поэта Михаил Новиков, возглавлявший Ставропольский краевой фонд культуры, затеял конкурс на лучший проект памятника **МЮ**. Было это на излете восьмидесятых – двадцатого, само собой, столетия.

Вместе с Михаилом Новиковым мы написали и опубликовали в «Ставрополке» *лермонтовский призыв*: мол, дорогие сограждане, присылайте в газету свои предложения на тему, где, по вашему мнению, в Граде Креста должна стоять скульптура великого **МЮ**?! Письма, телефонные звонки, визиты в редакцию. Каждую из идей мне довелось обсуждать с неугомонными, эмоциональными, а подчас полубезумными авторами. Они находили меня и в редакции «Ставропольской правды», и в редакции ежемесячника «45-я параллель», продолжившего опрос о выборе места для памятника поэту. Вариантов набралось «вагон» и пребольшая тележка. Однако большинство земляков склонилось к мнению, что памятник Михаилу Юрьевичу должен располагаться в сквере, прилегающем к театру, тому самому театру имени Лермонтова.

Кстати, позже и сам сквер стал Лермонтовским, хотя по красноперым раскладам числился Ленинским, а в двух шагах площадь, до сих пор Ильичом попираемая. Писатель и краевед Герман Беликов собрал подписи под воззванием, которое – о, чудо! – заставило чиновников прислушаться к аргументам в пользу официального переименования сквера. Среди автографов писателей, историков, художников, надеюсь, не затерялся и мой, тогда еще чисто сутуловский (двойную фамилию я обрел в 1998 году).

Первый тур конкурса победителя не выявил, но определил круг реальных претендентов на ито-

говую победу. И тут один из скульпторов пошел ва-банк, а точнее, пустился во все тяжкие. Он рассекретил свой шифр и с открытым забралом начал обивать пороги кабинетов, обитатели которых не имели ни малейшего отношения к искусству, не входили в состав жюри, но, увы, могли принимать серьезные градостроительные решения. И, к великому сожалению, красивая идея красивого Человека (а седовласый Михаил Новиков буквально излучал свет) обернулась фарсом. И не самый лучший вариант для установки памятника, и не самый лучший скульптурный проект получили путевки в жизнь. Мимо Лермонтовского театра – мимо, мимо! – шагает бронзовый ряженный, прикинувшийся поэтом...

Бежал я как-то через этот самый сквер утречком субботним. Спешил на встречу с приятелем, уезжавшим в столицу, собираясь передать с надежным курьером пакет с фотографиями и стихами, собранными в подарок моему московскому ангелу-хранителю Славiku Лобачеву. Гляжу, метрах в пятидесяти от *поручика, косящего под Лермонтова*, в позе а'ля роденовский мыслитель сидит автор скульптуры. Ну понятно, не той, что изваяна во Франции, а ставропольской, самопальной и самозванной. Пришлось поздороваться. Честное поэтическое, не с Михаилом Юрьевичем, а с Николаем Федоровичем по фамилии Санжаров.

– Привет, дядя Коля! – заявляю по-свойски, можно даже сказать по-соседски, поскольку мастерская **НФС** в доме, где выросла моя жена Наташа, базируется. – И что это вас, господин ваятель, в такую рань подняло?

– А я тут каждое утро минут по тридцать-сорок сижу, – отвечает Жар-сан. – Удачная точка, лучше

не придумаешь. Силуэт моего Лермонтова с левого боку отлично виден. Вот и размышляю, удался ли мне знак вопроса?

– Да уж, сутулость налицо! – восклицаю я с полным, как вы понимаете, моральным правом на иронию с преамбулой «само».

– Тебе бы всё шуточки шутковать, а я сверхзадачу решал. Ведь Михаил – вопросительный знак русской поэзии.

– Стало быть, Пушкин – восклицательный?

– И как ты догадался?

– По вашей логике выходит, что Александра Сергеевича нельзя ни сидячим, ни, упаси Боже, лежащим изображать?

– Ни в коем случае! Он должен торчать строго вверх.

– А в Москве, извините, великий поэт чуть сутулится. Его ведь сам Опекушин изваял. Помните композицию на Тверском бульваре?

– Ах, не сбивай меня, Сутулов, с вопросительной темы применительно к Лермонтову. И вообще, что ты в нашем высоком искусстве понимаешь? Именно потому мы тебя и не пригласили на открытие моего памятника.

– Я, дядя Коля, всё равно не пришел бы на это лукавое действо. Ведь вы конкурс не выиграли, а вымучили!

– Иди, куда шел, пиит недоделанный!

– Спасибо, за комплимент! Попрошайте дальше.

На встречу с московским курьером я, конечно, опоздал. Славка Лобачев получил и стихи, и снимки с иной оказией. Зато я теперь знаю, что Пушкину нельзя сутулиться, а Лермонтову восклицать.

2. Быль о посланце небес

О, Боже! Как давно, как недавно случилась та развеселая встреча! И до смерти мамы, и до других смертей, сделавших меня старшим в семье. Да, дорогой мой старший внук Тим-Тимыч, постоянно забываю пояснить тебе термин, то там, то сям всплывающий на страницах моего доверительного послания в недалекое и бесконечное завтра. О Ставрополе, городе в котором ты родился, дед твой частенько говорит так: Град Креста. Любопытную цитату на эту тему обнаружила Наташа Сутулова-Катеринич в моем первопечатном ежемесячнике.

В семнадцатом номере «45-й параллели» за 1991 год опубликована статья Германа Беликова «Крестовый град». Уже названный мною ранее краевед и писатель ссылается на исследование Григория Прозрителева, прожившего долгую и достойную жизнь с 1849 по 1933 год. Именно этот, известный в наших краях ученый, утверждал следующее:

«...Но вот настают времена христианства, и оно широкой волной идет с запада на восток, прорезывает горы до самого Каспийского моря и оставляет следы на Северном Кавказе в виде древних церквей, крестов, надгробных плит с надписями гробниц, и, как свидетельство этого периода на нашей ставропольской горе, бывшей Крепостной, ныне названной Соборной, находят Каменный Крест, доказательство жизни здесь первых христиан...»

Видимо, глубоко в подсознании сидел этот мотив, с крестом связанный. Через десять лет, конечно же, не помня о прямой цитате из научного труда Григория Прозрителева, я придумал название памятнику, идея сооружения которого принадлежит Георгию Катрунову. А воплотил его в бронзу мой

тезка Сережа Каравинский. (Ну не придумывал я этот рефрен специально и не ломал над ним голову, просто судьба свела журналиста **SK** со скульптором **SK**).

Впервые о необычной композиции, посвященной *Небесному страннику*, народ зашумел-заговорил в начале миллениума. В ставропольскую мэрию, в пресс-службе которой я в ту пору работал, пришел пожилой человек и показал мне неказистую, на первый взгляд, фигурку из пластилина. Гость представился:

– Георгий Катрунов, художник и скульптор. Не по диплому, извините, так что не судите слишком строго. Думаю, профессионалы помогут мне. Тут важен импульс для осуществления проекта, который бы стал оберегом для города и его жителей. Вот, посмотрите повнимательней: крылатый страж, защитник нашего города со щитом и мечом. Мне видится крупная бронзовая скульптура, вместе с постаментом достигающая десяти-двенадцатиметровой высоты. На фронтоне надпись: «В 1777 году основана крепость Ставрополь». Буквы также нужно отлить из бронзы.

На вопрос, где же, по его мнению, должен приземлиться воин, спустившийся из-за облаков, Георгий Федорович рассудительно отвечал:

– В нашем городе, увы, не столь много мест, рядом с которыми люди задумывались бы о вечном и бренном. Я мечтаю с помощью этой работы воскрешать в земляках память. Абсурдно, когда казаки, отмечая юбилей возрождения движения, несут цветы к подножию памятника буденновцу. Гражданская война рассекла и страну, и судьбы людские так, что раны до сих пор не заживают. Поклоне-

ние комиссарам приводит, по моему убеждению, к очередным перекосам в историческом мышлении. Другое дело – посланец небес. Он вне политики. Ведь за ним тысячелетия христианской культуры. Поэтический образ вечного странника – символ добра и примирения.

Мы встречались с Федоровичем, годящимся мне в отцы, еще много раз. В одном из разговоров с Катруновым я предложил несколько иную трактовку его изначальной задумки:

– А что ежели мы назовем проект так: «Ангел-хранитель Града Креста»?! И тогда ни щит, ни меч крылатому защитнику старых и малых не потребуется. Пусть он несет над головой символ христианской веры.

Мой старый-новый знакомец обрадовался:

– А пожалуй, ты прав. Точнее трудно придумать, Сережа! Повторюсь: я в одиночку композицию не осилю. Может быть, ты этой идеей своего тезку вдохновишь, классного скульптора Сергея Каравинского?

Не скрою, сам Георгий Катрунов хотел установить композицию на Крепостной горе вместо огромной фигуры буденновца, решительно шагающего по направлению к чудом уцелевшим камням, заложенным еще суворовскими гренадерами. Но после встречи с мэром Ставрополя Михаилом Кузьминым Федорович согласился, что проект требует масштабного публичного обсуждения.

В одной из первых корреспонденций, связанных с обнародованием этой идеи, журналист **С** обратился к жителям города **С** вот с какой просьбой: *«Талисман, крест, памятник всегда материален. Поэтому каждый шаг, каждый поступок, протяженный во*

времени и пространстве, должен быть по-настоящему осмысленным, выверенным, единственным. Давайте, земляки, вместе подумаем, где будет стоять новая монументальная скульптура».

Да, вновь, как и в случае с лермонтовским проектом, Сергей Сутулов, усиленный Катериничем, вязался в эмоциональный марафон – звонки, письма, телеграммы. Практически все средства массовой информации региона включились в процесс: официальные и неофициальные, дружеские и откровенно враждебные визиты в редакции газет, журналов, теле- и радиокompаний, мэрию.

Аргументы у каждого из тех, кто близко к сердцу воспринял саму *ангельскую идею*, находились разные. Привожу записи из своего журналистского гроссбуха, заполненного с августа две тысячи первого по февраль две тысячи второго.

Звонок сторонника:

– Мне 79 лет. Кандидат исторических наук, долгие годы работавший в сельскохозяйственной академии, Алексей Бутов. Крепостная гора – историческое место. Место, откуда пошел и есть наш город. Истоки Ставрополя – там, и наша духовность с Крепостной горой связана. Конечно, и другие предложения вызывают у меня интерес. Но давайте получим полную картину.

Объективности ради, скажу, что мне довелось общаться с людьми, вообще отвергавшими идею сооружения памятника или же искавшими в ней, святой по сути, личную корысть организаторов опроса. Первый пример из ряда корректных возражений.

Звонок оппонента:

– Здравствуйте! Вас беспокоит директор центра «Октябрь» Борис Чистяков. Я не по поводу той

или иной точки – улицы, площади, сквера – хочу сказать. Дело в том, что время для Ангела еще не пришло! Сколько средств придется в него «вбухать», представляете?

– Мэрия рассчитывает на втором этапе, когда появится окончательный проект, обратиться к жителям города и края с призывом помочь при сооружении памятника. Так бывало не раз. Вспомните строительство «Триумфальной арки».

– И всё равно, в культурной сфере столько «дыр», что не до «воздушных замков», ей- ей!

Что ж, в рассуждениях Бориса Викторовича была своя логика. Но его до боли знакомый аргумент – всё-таки исключение из правил. Даже 80-летняя бабушка Анюта или пенсионерка Александра Мартынова, чьи скромные доходы явно оставляли желать лучшего, еще на стадии обсуждения заявили, что готовы пожертвовать свои кровные рубли на воплощение удивительной мечты.

И вот что характерно. Как только в памяти читателей, слушателей и зрителей вновь освежалась идея Георгия Катрунова, так тут же оживали два «горячих» контактных телефона. И они не умолкали ни на минуту в течение нескольких дней. Пожилые люди в основном отдавали предпочтение исторической точке, а 30-40-летние и молодежь ратовали за перспективный план, предусматривающий продолжение главного проспекта города до «Экрана». Ту же картину, кстати, получили и социологи информационно-аналитического отдела администрации города. Специалисты и работавшие под их руководством студенты опросили свыше 500 ставропольцев.

Из письма сторонника:

«Я согласна с посланием землячки Анны Брезгуновой, опубликованным в нашей «Вечерке». Памятник должен стоять на Крепостной горе, но только чуть выше, не на том месте, где когда-то «царил» бронзовый Сталин. А там, где кончаются последние ступеньки. Это место будет связывать почти всю историю города – его основателей и первых поселенцев. Со стороны улицы Черкасской, в гостинице Найтаки, в свое время поселился Михаил Лермонтов. Он наблюдал за кулачным боем, что проходил у подножия Крепостной горы. В 1826-м году через Ставрополь проезжал прославленный герой Отечественной войны 1812-го года Денис Давыдов, который останавливался в стенах шефского дома на Крепостной горе. А еще немаловажно: в одном из домов, построенных в этом же районе, родился первый ребенок Ставрополя – мальчик Петров. С уважением, Зоя Дорохова. Извините за ошибки, стала плохо видеть и дрожат руки».

Взгляды, обращенные к Крепостной горе, отстаивали также Константин Латаш, Борис Небелов, Ульяна Борзенко, Мария Данилова, уже перешагнувшие на ту пору пенсионный рубеж. К ним иногда присоединялись и молодые люди: Роман Степанов, Инна Абрамова, Анна Аксененко, Елена Колядина, Валерия Федоренко.

История не терпит суеты. И для того, чтобы быть предельно точным, хочу озвучить мнение Почетного гражданина города, писателя и краеведа Германа Беликова. Да-да, того самого **ГБ**, который аж дрожал от аббревиатуры **КГБ**, радел за идею восстановления Кафедрального собора, переписывался с Александром Солженицыным. Герман Алек-

сеевич за несколько месяцев до окончания дебатов относительно выбора места для «ангельской площадки» признался при встрече:

– Действительно, место у «Экрана» символично. Это своеобразный географический пик Града Креста. При всей моей нелюбви к символам большевизма считаю безнравственным бороться с памятниками той эпохи. Нужно созидать новую культуру, свободную от коммунистических догм, но в тех точках городского пространства, где не нужно ничего рушить, так сказать, до основанья. А необходимо созидать! Мечтаю, Сережа, дожить до того дня, когда в родное небо «взлетит» наш хранитель.

Из письма сторонника:

«Мне 42 года. Сотрудник Ставропольского государственного университета, кандидат филологических наук Геннадий Манаенко. По здравому размышлению выбираю район «Экрана». Здесь, насколько знаю, высшая точка города. Центр Ставрополя. И фигура Ангела должна нести не только и не столько религиозную, сколько духовную в общечеловеческом смысле нагрузку. Светское место. Здесь не нужны часовни, свечи, иконы.»

Ау, Николаевич! Набираю мобильник Геннадия Манаенко. Мой бывший шеф по кафедре журналистики Ставропольского государственного университета на вопрос, удался ли проект памятника Ангелу-хранителю, воскликнул:

– Здорово! Вот так – одним словом... Знаешь ли, Катеринич, я часто смотрю на композицию, которая, мечтаю, будет реализована с особой точки, со стороны монумента непотопляемому Ильичу. А ведь Ангел всё равно его выше. Выше и прекраснее!

Да, возраст «центристов» оказался разнообразен. В активную группу поддержки в пользу версии «Экран» я смело записал студентов Екатерину Шендрик, Евгения Ростовцева, Игоря Жабина, Марину Волкову, Ирину Ступницкую, Ольгу Туманову и великое множество их ровесников. Значительным оказался и состав людей, имеющих серьезное образование и большой жизненный опыт. Им на период моего журналистского исследования было от сорока четырех до семидесяти семи. В их числе – помните, потомки! – Лидия Поплавская, Владимир Гурьев, Владимир Смолянкин, Николай Гиль, Серафима Кулиш.

Звонок сторонника:

– Художник Сергей Пронякин. Мне уже за сорок. Бывал в разных городах. Много повидал. Блестящим считаю решение реконструировать проспект Карла Маркса. И Ангел у «Экрана» должен быть величественным, я имею в виду постамент, а сама фигура – грациозной, парящей. Думаю, автору скульптуры с удовольствием вызовется помочь профессиональный мастер, представляющий наше поколение.

Ау, Александрович! Спасибо тебе, Серега, и за тот звонок, и за полтора десятка песен, написанных на мои стихи. Жаль, не удалось высвистеть тебя на мой авторский поэтический вечер. Но какие наши годы! Воспарим, покружим еще и над городом S, и над всей сорок пятой параллелью. Вслед за неутолимимым Тимкой Шаовым, летящем на дельтаплане. Ага, как на «боинге», Король!

К началу две тысячи второго стало ясно, что соотношение мнений тех, кто выбирает Крепостную гору, и тех, кто видит новую композицию у «Экра-

на», было и еще долго будет неизменным: пятьдесят на пятьдесят.

И здесь, как и во всех по-настоящему значимых для архитектурного облика любого города проектах, потребовалось вмешательство экспертов. Свои аргументы в пользу «Экрана» высказали архитектор Петр Маркатун, скульпторы Александр Сухоруков и Александр Александров (царство тебе небесное, Саня), художники Александр Леонович и Владимир Грибачев. Всех, конечно, не перечислишь. Доводы профессионалов оказались весомыми, и почти решающими. Ибо продолжали идти послания, авторы которых «голосовали» за *антибуденновский вариант*. Мне же предстояло публично сказать народу: мол, так и так, с небольшим перевесом победили сторонники сооружения *ангельской композиции* у «Экрана» или всё же на Крепостной горе...

Да, не грех повторить: предложение Георгия Катрунова вызвало бурю эмоций, они били, что называется, через край. И тут выяснилось – куда деться от законов трагикомического жанра – что еще не рожденный Ангел вызвал на ставропольские подмошки Демона.

3. Байка о штыках и параллелях

Жили-были на 45-й параллели два скульптора, два сына двух Федоров. Георгий Катрунов и Николай Санжаров. Обоих, братцы вы мои, я уже представил в вышеназванных абзацах. Продолжу рассказ о них в нынешних пассажах. Итак, тот, который Георгий Федорович, ваятель-самоучка. А тот, который Николай Федорович, профессиональный (можно и без кавычек) скульптор. Но не диплом определяет

духовность. Маэстро, ну да тот самый «лермонтовский вопросительный», до жути падок на чужие находки. В чем его уже не единожды уличали.

Вместе с выпускником отделения журналистики Ставропольского государственного университета (именно так именовшегося в ангельскую пору СКФУ) Стасом Бабицким мне удалось открыть удивительные аномалии в сфере зодчества. Правда, Стас, готовивший материал для «Комсомолки», решил назвать их параллелями, видимо, пожалев плагиатора. Однако неопровержимые доказательства «художественного свиста» **НФ** привел. Мол, господин-товарищ Санжаров увел (читайте: «украл») у сподвижников по ремеслу и то, и то, и это, и... К примеру, памятник «Героям-доваторцам», известный в Ставрополе под псевдонимом «Три штыка», весьма смахивал на монумент «Освободителям Витебска». Только белорусский вариант был открыт на год раньше кавказского! Позже, с подачи *батюшки Черногора*, долго-долго восседавшего в губернаторском кресле, санжаровские штыки не в землю были воткнуты, а вырыты из оной): водителей, круживших у транспортного кольца, где они красовались, так колбасило, что многие из них начинали бормотать о Бермудах. (Не к ночи будь помянут, Треугольник океанский).

Штыки штыками, а параллели параллелями. Аналогии можно продолжать. И опять же не в пользу человека, хватавшего с чужих небес чужие звезды. Композиция «Юным защитникам Отечества», сооруженная по проекту Николая Санжарова, поразительно похожа на латвийскую «Яблоню» в Резекне (в данном случае разрыв между «примой» и «второй» аж двадцать три года).

А главная фигура мемориального комплекса «Холодный родник» стала чуть ли не зеркальным отражением связанного по рукам и ногам Мусы Джалиля, в честь которого и стоит памятник в Казани. Как вы понимаете, герой татарского и советского народов на пьедестал вознесеня намного раньше, чем его двойник без имени-отчества, замурованный в бетон в районе, зовущемся Ботаникой. Так что отцовство «ставропольского Церетели», как не без оснований прозвали Николая Санжарова его язвительные коллеги, во всех обозначенных автором выше и ряде оставшихся за кадром случаях, ну под очень большим вопросом. Анализа ДНК не проведешь, как не высветишь под микроскопом и ген совести.

Каюсь: не разглядел я когда-то в ушлом маэстро Демона-завистника, да и искусствоведческая экспертиза не моя специализация. Однако в истории с Ангелом скульптор столь явно продемонстрировал алчные порывы своей души, что и дилетанту ясно: творчество для него – красивая ширма, за которой скрывается необузданная страсть к золотому тельцу.

Ты и сам сможешь в этом убедиться, любознательный читатель. Но чуть позже. А пока штрихи к портрету другого Федоровича – Георгия.

4. Быль о письме из Хиросимы

Об авторе крылатой идеи у меня сохранились самые светлые воспоминания. Ему тогда уже семьдесят «сутукнуло»: вижу – лишнюю букву ляпнул, но пусть останется эта смешная опечатка, поскольку Катрунов любил пошутить и слыл человеком неугомонным. Он даже стих, Сутулову посвященный, соорудил: беспомощный по рифмам, но добрый по

сути: «Ах, Катеринич, ты фамилию спрямил!» Бывший инженер искренне верил: красота спасает мир, а правда защищает память.

Волгоград. Ставрополь. Хиросима. В первом городе он жил, во втором бился за главный проект своей жизни, в третьем хранится барельеф его работы.

Георгий Федорович родился и вырос в городе на Волге, а на 45-ю параллель перебрался в конце восьмидесятых – после выхода на пенсию. В Ставрополе, похоже, у него открылось второе дыхание. Хотя о поприще живописца и ваятеля он мечтал еще в ту пору, когда пацаном в школу бегал. Было дело, пробовал поступать в художественные училища столицы и Костромы. Но не судьба... И хотя вступительные экзамены сдал успешно, всесильная в те поры повестка в военкомат перечеркнула мечты о стезе живописца. Армия. А за ней – политехнический институт.

Всю жизнь Георгий Федорович проработал инженером-технологом. Но кисти и мольберт, однако, оставались его вечными спутниками. Удача пришла на склоне лет. К числу самых значительных работ и сам автор, и зрители (причем, не только российские, но и заморские) относили цикл полотен «Черные дни XX века». Вот что рассказывал о своем замысле Георгий Федорович: «Пепел Хиросимы», открывший цикл, символизировал атомный взрыв-вихрь, сплошь состоящий из человеческих черепов. Жутко? А разве сама бомбардировка японских городов в сентябре сорок пятого идилична?»

В архиве Георгия Катрунова хранилось письмо, пришедшее из Японии. Мэр Хиросимы тех лет Сецуо Ямада написал: «От имени жителей города хочу поблагодарить Вас за замечательное и полное глу-

бокого смысла произведение искусства, которое Вы подарили музею Мира».

Позже у Георгия Федоровича появилось произведение «Праздник дьявола». В нем художник хотел выразить протест против воинствующего атеизма, захлестнувшего в годы оные Россию-матушку. По кровавому небу летит всадник, рушащий церкви, храмы, мечети. Дальше в этот цикл органично вписались картины «41-й» и «Чернобыль». А пятым по счету стало полотно «Разбитое корыто». Оно об иллюзиях перестройки: обвал, карточки, талоны...

А свою первую большую работу в монументальном жанре Георгию Федоровичу довелось воплотить уже в Граде Креста. Наверняка многим жителям Ставрополя известен памятник «Жертвам политических репрессий». Он был открыт рядом с мемориалом «Холодный родник». (Привет тебе, Коля, сосед-трудоголик! Привет тебе, Жар-сан! И твоему, точнее, всё ж казанскому, материализовавшемуся в нашей губернии Мусе, – пламенный!)

Внимание, изучатели рукописи, сочитатели летописи, не запутайтесь: автор антисталинского проекта – Георгий Катрунов. Ему активно помогал архитектор Владимир Божуков. Этот монумент выполнен в виде огромного креста, в нем еще раз «аукается» название города. У основания – карта Советского Союза, к которой тянутся худые руки узников. По иронии судьбы, монументальные работы двух, до той поры незнакомых друг с другом людей, оказались рядом. Ну да, «Холодный родник» как композицию давным-давно застолбил Николай Санжаров. А проектировщики посчитали разумным неподалеку разместить символ памяти и скорби, предложенный Георгием Катруновым.

5. Байка о Карлсоне, Крестоносце и... коммерческой тайне

Пару-тройку лет маэстро **НФ** высокомерно обходился стороной самоучку **ГФ**: мол, не царское это дело якшаться со всякими выскочками. И только когда Георгий Федорович публично «застолбил» идею с Ангелом, Николай Федорович, что называется, выхватил шашку и стал размахивать ею направо и налево, снизу вверх и сверху вниз.

– Вы что, не понимаете, с кем имеете дело?! – гневно восклицал Санжаров, в очередной раз ворвавшись в мэрию. – Да я единственный на весь город профессионал! Требую провести конкурс. Этот «самодельщик» мне в подметки не годится.

– Позвольте, но ведь идея де-юре и де-факто не ваша, – резонно возражал скульптору заведующий приемной граждан мэрии Ставрополя Владимир Ружников, – следовательно, не вам, а ее автору решать, с кем дальше работать над совершенствованием проекта. Тем более, что изначально заказчиками, то есть, мэрией и Думой, никакого конкурса не планировалось. Сейчас идет обсуждение на тему, где стоять памятнику.

– Всё равно, я – самый талантливый! Ни старики, ни мальчишки-сопляки со мной не могут тягаться! – гнул свое визитер. – Я такие варианты предложу, что все враз языки проглотят.

Спустя месяц после этой эскапады Николай-угодник действительно отличился. На расширенный градостроительный совет он принес сразу два изваяния (падите ниц, презренные! Маэстро снизошел до вас).

В первом проекте Санжаров продемонстрировал изумленной публике дугу. Как пить дать, из конской упряжи. Но по замыслу претендента-участника мифического конкурса – гигантскую. Эх, Русь-тройка, лети-звени-ликуй! А на вершине дуги он примостил фигурку, удивительно напоминающую Карлсона, то ли за моторчик, то ли, простите, за мягкое место прикрепив оно к «параболе». Впору было телеграммку в Швецию Астрид Линдгрэн отбить: «Ваш толстопузый до 45-й параллели долетел. Есть мировой рекорд! Может, к Гиннесу обратимся? Сногшибательный факт, однако...»

Второй вариант оказался и того хлеще. Санжаров, обуреваемый гордыней, помноженной на элементарное невежество, в одной фигуре объединил Георгия-победоносца, ангела и ...крестоносца. Сей фельетонный персонаж восседал на лошади-тяжеловозе и крестом, «перетекающим» в копье, норovil пригвоздить треклятого змия.

Свои буйные лошадиные фантазии автор гипотетических монументов поминутно сопровождал грозными репликами:

– Знаете, сколько средств придется «вбухать» в Ангела без моего участия?!

– Да на моей стороне такие силы стоят, что вы в штаны наложите!

– Или мой проект, или никакому не бывать!

Мэр Ставрополя, Михаил Кузьмин, понимая, что никто из приглашенных экспертов не собирается всерьез рассматривать курьезные творения Санжарова, решил разрядить обстановку:

– Николай Федорович, а во что обошелся городу бюст Ермолова вашей работы?

– Это коммерческая тайна.

Гомерический хохот потряс зал.

6. Байка о скульпторе, сыне скульптора

Но, конечно, не только явлением Николая-угодника памятен тот градостроительный совет. На встрече Георгий Катрунов впервые обнаружил имена соавторов – скульптора Сергея Каравинского и архитектора Виктора Маркелова – людей, с которыми он решил воплотить крылатую мечту в бронзу...

Золотыми по большому счету оказались выпускники Ставропольского художественного училища 1976-1977-го годов. Из стен этого, по-настоящему, творческого заведения вышли парни и девушки, чьи имена сегодня у всех на слуху. И не только в Граде Креста. Петр Охрименко, Алла Чемсо, Сергей Беликов, Александр Малыгин, Валентин Тарасов. (Здорово уж в который раз, Рваное Ухо. Я обещал тебя разбудить, Валек, просыпайся!) А список звездной компании здесь и в ангельском завтра непременно нужно дополнить еще одной фамилией.

На авансцену приглашается скульптор Каравинский. Пожалуй, самый застенчивый и молчаливый из круга той поры. Сергей и поныне говорун невеликий, но мастер первоклассный.

Его добрые и умные руки вылепили лица Николая Голодникова и Виктора Никитина. Бронзовые рельефы наших земляков в числе других установлены на Аллее почетных граждан. Герб Града Креста, выполненный Сергеем, украшает Ермоловский бульвар.

Зная еще об одной удавшейся затее скульптора, я донимал и знакомых и совершенно неизвестных мне сограждан необычным вопросом: «Знаете ли вы, где в нашем городе «проживают» царь Гвидон,

Ассоль, капитан Немо и Дон-Кихот?» Многие лишь разводили руками и отрицательно покачивали головами, иные шарахались от интервьюера. Первым безошибочно ответил на мой каверзный вопрос Женя Бронский, возглавлявший пресс-службу Ставропольской епархии. Он почти мгновенно угадал, что речь шла о магазине «Юность», где до поры до времени обитали столь разные, но прекрасные литературные герои. Их фигуры в полный рост, как вы уже, наверное, догадались, созданы Сергеем Каравинским.

Пропорции Эллады аукаются и в канонических, и в модернистских творениях. Будь ты хоть Огюстом Роденом, хоть Эрнстом Неизвестным, всё равно пленительные линии античных колонн и статуй никогда тебя не отпустят. Скульптор – раб и бог, отсекающий от мрамора лишнее. По законам древних и по своим собственным, ведомым только ему.

Уж кто-кто, а Сергей, выросший, по сути, в мастерской отца, скульптора Федора Перетятыко, это великое, потом политое правило хорошенько усвоил умом-разумом, а еще памятью натруженных до мозолей на кончиках пальцев. И в знаменитом Суриковском институте, который он блестяще окончил, учителя не уставали повторять вместе с учениками *золотые уроки золотого сечения*.

– Мои педагоги, – вспоминает Сережа, – были прекрасными людьми и великими мастерами. Я веду речь о Павле Ивановиче Бондаренко и Льве Ефимовиче Кербеле. Уже много пожил, много повидал, но равных им больше не встречал.

На излете прошлого века у Каравинского родилась дерзкая идея. Он задумал срифмовать хорей с гекзаметром. И проект удался! Расшифрую поэтическую

реминисценцию. Недалеко от главного входа в академический театр драмы имени Михаила Лермонтова, словно прорастая из-под земли, возникли античные колонны. И такое ощущение, что седой Гомер через времена и моды окликает всё новых и новых авторов, штурмующих академические подмостки.

Изящная композиция, состоящая из пяти стилизованных под ионический архитектурный стиль колонн, находка, согласитесь, неожиданная и, пожалуй, не имеющая аналогов в регионе.

– Дело было в Одессе, – берет слово неугомонный байкомат (или всё же – байкомет), баловень сцены Борис Щербаков, – море, солнце и театр. Красивое такое здание-сооружение. Имя ему «Итака». И соответствующий названию антураж. Древняя Греция, да и только! Помню, по-хорошему позавидовал одесситам. Пожалел, что мой любимый ставропольский храм Мельпомены не столь грациозен. Вернулся домой, – Борис умеет держать паузу по Станиславскому, а потом эффектно заканчивает, – день хожу на репетиции, другой, неделю. Со служебного хода, разумеется. А в лицо театру некогда взглянуть. И вот однажды иду-таки со стороны фасада и буквально обалдеваю от радостной неожиданности и неожиданной радости. Вот и мы поклонились великой Элладе!

Актер, узнав, что лукавый парафраз на тему Парфенона принадлежит Сергею Каравинскому, велел передать привет от своих товарищей по цеху, мол, силен затейник, мы, лицедеи, такое искусство понимаем и принимаем!

Скульптор признавался:

– От первых моих набросков, эскизов (а их было несколько сотен) до окончательного решения мно-

го воды-времени утекло. Долго искал средства. Обошел десятки кабинетов. Нам помогли в Ленинском районе. Спасибо этим людям. Употребив местоимение «нам», Сергей подчеркнул, что публичные памятники чаще всего создаются в соавторстве – скульптор плюс архитектор. Элладу он столь эффективным артефактом помянул вместе со своим другом, напарником и тезкой дизайнером Сергеем Вьюненко. А в роли консультанта выступил известный в Ставрополе архитектор Валерий Зыков.

Композиция, украшавшая газон перед современным храмом Мельпомены, по мысли Каравинского, должна вызывать ассоциации с древнегреческими подмостками, масками и котурнами. Ведь они – отправные точки для всех театров на протяжении тысячелетий.

Сергей мечтал развить идею и украсить колонны мифологическими персонажами или... Ладно, промолчу. Ибо, как говаривал поэт, мысль изреченная есть ложь. А потому бокал во здравие ваятеля! И как жаль, говорю я годы спустя, что изящные вертикали, созданные мастером, наши ставропольские умники заменили на вечнозеленые кусты, стриженные под колонны.

Ну а вам, читатели, думаю, понятно, почему Георгий Катрунов из многих достойных скульпторов выбрал себе в напарники Сергея. Ангел – всегда загадка. И на поиски образа они отправились вместе – мастера, не хлебом единым живущие. Автор идеи согласился с трактовкой скульптуры, предложенной Каравинским, от изначальной тяжеловесной фигуры и следа не осталось. Сережа придумал иной ход: его Ангел едва касается одной ногой полусферы, устремляясь в небо, а над головой обеими руками несет крест.

Да, к вопросу о хлебе: мой тезка полгода жил в Москве, питаясь тем, что Бог пошлет. В Белокаменной **СК** весь свой аванс, полученный за утвержденный проект, столичным подмастерьям раздал, уж дюже они до «налички» охочи. А бронзовый Ангел, простите за прозу, требовал немереных средств и на металл, и на формовку, и на «магарычи» для рабочих. А уж о стоимости креста, ныне сияющего золотыми бликами в рассветных лучах, и говорить неловко. Его мастер изготовил по особой технологии. Как пояснял мне Каравинский, это литые пласти латуни, покрытые особым составом блестящей металлической фольги.

Сережа, человек деликатный, однажды было заикнулся о гонораре, обещанном буквально на следующий день после градостроительного совета, и замолчал, поняв, что потеряет драгоценное время, обивая пороги чиновничьих кабинетов.

– Вот привезу Ангела в Ставрополь, – говорил он в моменты наших нечастых на ту пору встреч, случавшихся в паузы между работой в московских мастерских и короткими «рывками» домой к жене, дочке, матери, – тогда и зайду в мэрию потолковать об оплате по договору. Сейчас меня волнуют совсем другие штуковины. Взять, к примеру, балансировку от креста над головой до ступни, на которую опирается Хранитель. Ты ведь понимаешь, что ошибиться нельзя, это единственная точка опоры. Я же Ангела творю, а не Илью Муромца. Он парить будет, понимаешь?

– Да уж, Серега, понимаю, – отвечал я Каравинскому. – Только ты, брат, совсем исхудал, одни глаза остались.

– Ничего-ничего, не помру, друзья в столице есть, подкармливают иногда. А еще знаю-помню об Ангеле, обитающем на вершине Александровской колонны Санкт-Петербурга. Наш будет, конечно, иным, но стыдно вылепить хуже.

– Адский труд у тебя, скульптор, однако.

– Ангельский! – отшучивался **SK**. – Это у поэтов он адский.

7. Быль о мечте, ставшей былью

Третьим соавтором необычной композиции можно без всяких натяжек назвать архитектора Виктора Маркелова, монолог которого органично, на мой взгляд, вписывается в «небесную историю». (Этот текст, надиктованный Виктором, им же попозже заверенный я передал в ряд региональных газет, так что звонить Алексеевичу ни тогда, ни нынче не стал. Зато улыбнусь *Маркелу* из августа две тысячи семнадцатого. Но немного погодя).

– Мы давно и сосредоточенно занимаемся проблемами реконструкции 53-го квартала, – рассказывал Виктор Алексеевич, возглавляющий проект преобразования центральной части Ставрополя. – В большую группу вошли такие именитые в нашей среде люди, как Валерий Зыков, Владимир Божуков, Юрий Расходов, Сергей Жердев, Павел Олексюк и другие интересные, оригинально мыслящие мастера. Мы совершенно по-новому видим будущее квадрата, обрамленного улицами Жукова, Держинского, Советская и проспектом Октябрьской революции. План, рожденный совместными усилиями, учитывает специфику центра. Он уже одобрен на всех уровнях. По нему проспект Карла Маркса,

бывший Николаевский, продлится до «Экрана». Точнее, бульварная часть этой главной исторической магистрали города.

– Когда мы узнали о том, что наши земляки ищут место для «посадки» Ангела, – продолжил мой собеседник, – то рассмотрели и на ватмане, и в виртуальной реальности десятка два вариантов. Признаюсь, главный архитектор города Петр Маркатун просил своих коллег поискать различные точки и у Железнодорожного вокзала, и на Ермоловском бульваре сверху донизу. Но когда мы вплотную занялись площадкой близ «Экрана», все сомнения отпали. Это прекрасное во всех смыслах пространство. Его нужно облагородить, убрав, в том числе, и бывшую Доску почета, загораживающую сквер. А система фонтанов и бассейнов, перекликающаяся со знаменитыми «Дельфинами», создаст эффект того, что мы образно назвали южным Арбатом.

– А главное, – завершил свой монолог президент Альянса свободных ставропольских архитекторов, председатель Ставропольского представительства Южного регионального отделения Российской академии архитектуры и строительных наук Виктор Маркелов, – фигура Ангела-хранителя вознесется ввысь на тридцать метров и станет основной доминантой в историческом контексте города.

Из письма сторонника:

«По состоянию здоровья я не имел возможности присутствовать на градостроительном совете в Ставрополе, на котором был утвержден рабочий макет «Ангела-Хранителя», – сожалею в своем послании один из самых ярких мастеров монументальной скульптуры нашего региона, заслуженный

художник России Гурген Курегян из Кисловодска. – Ознакомившись с фотографиями проекта и модели, исполненными Георгием Катруновым, Сергеем Каравинским и Виктором Маркеловым, я полностью соглашаюсь с решением градостроительного совета. Композиция выполнена на хорошем профессиональном уровне, имеет красивый силуэт. Фигура Ангела смоделирована изящно и выразительно. Это достигается пластичной лепкой складок одежды и самой фигуры. Несомненно, композиция украсит Ставрополь».

В канун моего пятидесятилетия, то бишь в мае две тысячи второго, Виктор Маркелов (как и я, – Телец!) предложил провести совместный творческий вечер в Доме архитекторов. Меня почтенной публике представил Женя Панаско (вижу, помню, Панас, твою улыбку), Виктора – Александр Ковалев, тоже майский уроженец. И по такому особому случаю Саня сотворил развеселый транспарант: «Тельцы земные – музы небесные!» И *Сутул* читал свои стихи, и *Маркел*. А когда мы уставали, наши поэзы исполняли актеры Боря Щербаков (куда ж мне без него) и Оля Зоря...

– Признайся, Сережа, – допытывался у меня поздней ночью изрядно подвыпивший Виктор, – чьих голосов в «ангельском рейтинге» было больше? Тех, что отданы за место у «Экрана» или всё же за площадку на Крепостной горе?

Изрядно подвыпивший Сутулов, пошептавшись с Катериничем, попытался увильнуть от ответа:

– Алексеич! Ты меня не провоцируй... В газетах черным по белому написано: архитекторы думу думали, а голоса разделились поровну. Твое же интервью тысячными тиражами разошлось.

– Так, давай не для прессы, а между нами, тельцами, выясним сей щекотливый момент. Почему единственный в крае журналист с двойной фамилией взял на себя смелость обнародовать окончательный вариант, параллельный Ильичу? Ты же понимал, на что идешь?

– То-то и оно, что понимал. Фигура Ленина, будь он неладен, отлита по проекту Павла Бондареко, который был... одним из учителей Сереги Каравинского. Продолжать или сам скумекаешь, какой подтекст, даже тебе неведомый, мы с моим тезкой в сей исторический диссонанс заложили?

Маркелов только присвистнул и предложил опрокинуть еще по рюмашечке за великую ангельскую тайну.

Ну а мечты архитектора Виктора Маркелова, связанные с особой зоной, осененной Ангелом, сбылись годы и годы спустя. Агрессивная городская среда, метр за метром пожирившая пространство, наворачивала вокруг фигуры непобедимые, казалось бы, автокольца. А там, где беспорядочно паркуются машины, сами понимаете, какой кавардак воцаряется.

Осенью две тысячи семнадцатого, вернувшись из долгих-долгих странствий, вызванных трагическими событиями в моей истерзанной судьбе, я не узнал исхоженные вдоль и поперек места. Окрестности, над которыми парил наш Ангел-хранитель, трудно было узнать. Бульвар, сбегавший вниз от подножия памятника, украшали затейливые фонтаны и удивительные деревца. Не удержавшись от нахлынувших чувств, я вполголоса запел:

*Когда мы были молодые,
Когда мы были молодые
И чужь прекрасную несли,
Фонтаны били голубые,
И розы красные росли.
Когда мы были молодые
И чужь прекрасную несли...*

8. Быль о символе веры и байка о мальчике с пальчик

...весной две тысячи второго Митрополит Ставропольский и Владикавказский владыка Геден принял скульптора Георгия Катрунова.

– Удивительное дело, мы с вами ровесники! – произнес Владыка. – Да, нам обоим по семьдесят два годочка исполнилось, – с лукавой радостью подчеркнул он. – Много пережили-передумали. Вы давно, судя по тем работам, о которых я знаю, протестовали против засилья коммунистических догм. Так что мы не только «годки», но и единомышленники.

Два пожилых седовласых человека троекратно согласно древнему христианскому обычаю обнялись, а на прощание визитер (это тоже входит в этикет приема) поцеловал радушному хозяину руку. Да, как оказалось, Владыка внимательно следил за дискуссией, развернувшейся в средствах массовой информации, за спорами, касающимися и «точки приземления» посланца небес, и его облика. Митрополит, как рассказывал мне Георгий Федорович, с одобрением отозвался о серьезности подхода к проблеме, по достоинству оценив усилия всех участников проекта. Кстати, тогда же Геден про-

яснил спорный вопрос о различиях в изображении символа веры у православных и католиков:

– Не переживайте, крест ваш соратник точно по канонам изобразил, никаких поперечных переключков не требуется. Вот взгляните на Крест Митрополита. Верно-верно, вертикаль и горизонталь! Примите мое благословение на святое и красивое дело. Скажу боле: вы, Федоровичи, Георгий и Сергей, правильно решили: Ангел должен смотреть на восток, встречая светило.

(И Владыка Гедеон, и Георгий Катрунов уже давно ушли в мир иной. Митрополит – вскоре после открытия памятника, скульптор пережил своего сверстника на несколько лет. А *Небесный странник*, в которого они вдохнули свет своих мыслей, чувств и надежд, парит над Градом Креста, утверждая вечное бытие Духа).

Закрыв элегическую скобку, положив под язык пару *валидолин*, отстучу на верной *клаве* пролог к воспоминанию о сентябре-2002: **страсти вокруг композиции «Ангел-хранитель» Града Креста улягутся эдак через четверть века, не раньше!** А следом воспроизведу три тезиса, вот уже который год всплывающие то в одной желтой газетенке, то в другой: «Крест над городом не православный, а католический!» «Почему это существо на восток смотрит?» «Столько народа за чертой бедности, а вы уйму денег на памятник угрохали!»

Помнится, Александр свет Сергеевич призывал свою Музу воспринимать и хвалу, и клевету равнодушно. Так и в ангельском случае. Подлинное произведение искусства всегда порождает споры. Тут вопросы в другой плоскости лежат: кому выгодно провоцировать, раздуть вражду между право-

славными, католиками, мусульманами, кто стоит за ширмой с вывеской «Свободная пресса»? Да, конечно же, служители церкви в тысячный раз объяснят невеждам, что крест решен в канонических традициях; архитекторы и историки подчеркнут, что именно с востока Ставрополь встречал гостей через Тифлиские ворота, восстановленные в конце XX века. Но изощренно-извращенную психологию изменить чрезвычайно сложно. Остается вам, горячие головы, и вам, штатные нытики, а также вам, заказные провокаторы, прислушаться к бесплатному совету *SK*.

Перед тем, как пускаться в рассуждения о средствах, якобы пущенных на ветер, решите простенькую дилемму. Кто вашему сердцу милее: бабушка, оторвавшая от своей пенсии 100 рублей на памятник, или «браток», оставивший в казино за одну ночь тысячу «баксов»? Продолжать не стану, ежели не поняли. Бог с вами, амобы обыкновенные, генофондом обделенные. Отдыхайте. Мне скушно и скучно тут дебаты разводить, ибо вы читать не умеете, уже, еще и к тому ж.

Остается устало, но искренне произнести: *...и всё-таки я верю*, повторив название фильма великого режиссера по фамилии Ромм и по имени Михаил. Верю в то, что Зло конечно, а Добро уберезит человеческое в Человеке и через десять веков. Верю и в то, что недруги скульптора *SK* угомонятся, как и предсказано, через два с половиной десятилетия, и тогда по городу S будет бродить совершенно другой вопрос: «А как же мы без Ангела-хранителя жили?!».

...праздник в честь 225-летия Града Креста удался на славу. И музыки, и цветов, и елейных речей

оказалось в избытке. Многотысячная толпа ликовала: посланник небес город осенил! Только всеми забытый и предельно одинокий в людском потоке стоял автор идеи Георгий Катрунов.

Вот вам сюжет для небольшого рассказа (по Чехову) или сюжет для трагикомедии (по Вампилову). Глава городской администрации Иван Тимошенко не удосужился пригласить на банкет в честь открытия монумента ни отца-основателя проекта, ни его единомышленников – Сергея Каравинского и Виктора Маркелова. Вот вам пища для размышлений: члены творческой группы, получив мизерный задаток, смогли увидеть обещанные и предусмотренные договорами гонорары только через год после пышного действия.

(Ремарка для старшего внука. Кстати, Тимоха, твоего деда тоже, согласишься, напрямую причастного к ангельской истории, другой Тимоха, который мэрствовал на тот день, и не подумал позвать на публичное торжество, а уж тем паче – на закрытое от сторонних глаз застолье).

С бодуна ли али в силу неискоренимого чиновничьего невежества Иван Тимошенко придал официальную силу умопомрачительному постановлению, опубликованному в том же сентябре-2002. Сей документ гласил, что Памятным знаком «За большой вклад в социально-культурную сферу города» награждается скульптор Николай Санжаров, участник творческого коллектива по созданию монументальной композиции «Ангел-хранитель». Ну да (да ну?!) – ага: вороватый ваятель, и во сне и наяву чаявший стать героем совсем иного блокбастера.

Вопреки закону об авторском праве (не говоря о невероятно тонком понятии «интеллектуальная

собственность»), бывший градоначальник заказал эксклюзивную серию позолоченных нагрудных значков с изображением стража ставропольских небес. И что же? Сей сувенир, то бишь, ангелочек на булавке украсил лацканы пиджаков очень узкого круга лиц. А Георгий Катрунов и Сергей Каравинский, согласия на путевку в жизнь «мальчика с пальчик» не дававшие, вновь оказались вне поля зрения незадачливого шефа городской администрации. Уже давным-давно экс-шефа, не удосужившегося пригласить на торжество и своего предшественника Михаила Кузьмина, без которого, уверен, сам проект так бы и остался нереализованным.

9. Байка о Сентябрьских каламбурах

Художник и власть. Власть и художник. Эта тема тысячу раз обыграна и в прозе, и в поэзии. И дабы отвлечься от нее, рискну пополнить ангельские энд антиангельские воспоминания совершенно неожиданной байкой, которую назову так: **Сентябрьские каламбуры**.

В центре града *St* теперь две площади – Ленинская и Александровская. На одной, догадаться нетрудно, бронзовый Ильич высится, над другой парит Ангел. И собралось тогда на открытии памятника Хранителю Града Креста народу превеликое множество. Не десять и даже не двадцать тысяч человек заполнили обе площади. На праздник по официальным оценкам пожаловали пятьдесят тысяч ставропольцев. Ого-го – толпа! И эге-гей – толпища!!! И вот представьте, что в этом радостном бедламе я нос к

носу сталкиваюсь с тезкой Серегой Каравинским. Не верите? У меня в свидетелях вечных пребудет жена Наташа, а у него – жена Галина. Обнялись. Поздоровали друг друга, понятно с чем. Ну и... Ход наших дальнейших мыслей и без ясновидящей Ванги ясен. Выпили по рюмке-другой в одном кафе, по третьей-пятой – в соседнем, по парку побродили, к вечеру оказавшись недалеко от центра – в нашеньской Наташенской квартире. Женщины и неопознанные летающие объекты, проходившие также по разряду родственников и друзей Каравинского, гомонили в зале, а мы с Федоровичем умудрились уединиться на кухне.

– Ты бы мне стихи почитал, – молвил Сережа.

– Да ни фига я не помню, тезка, – отвечал я совершенно искренне. – Есть у меня такая особенность: после ста граммов ни единой сутуловской строчки в башке не держится, впрочем, и фрагменты баллад, написанных Катериничем, воспроизвести тоже не могу.

– Ну а я тебе кое-что, пожалуй, доверю, – ошарашил беспамятного пиита скульптор. – Стихи ли это, не мне судить, но послушай...

Один **SK** застенчиво бормотал свои сокровенные четверостишия, другой **SK** внимательно слушал, забыв и о водке, и о сигаретах.

– Эх, если бы редактором был я, – вздохнул я, когда он завершил чтение, – то обязательно кое-что из стихов Каравинского опубликовал.

Сереге смутился и, дабы замасть возникшую неловкость, брякнул:

– Может, ты снова станешь редактором, чем ангел не шутит.

– Твоими бы устами да мед пить, а водка, ей богу,

надоела. Давай лучше наши имена и фамилии по-особому закаламбурируем.

– Это как? – растерялся Федорович.

– А вот так, – рассмеялся Владимирович. – Ты – **СК**, и я – **СК**, по два слова, на эти буквы начинающиеся по очереди. Поехали!

– Ставропольский **к**рай, – начал плясать от печки Сергей Каравинский.

– Северный **К**азахстан, – тут же продолжил, вспомнив о своей малой (и большой) родине Сергей Катеринич.

– Северный **К**авказ, – лихо парировал **СК**-скульптор.

– **С**утулый **к**амикадзе, – сменил тему **СК**-поэт.

– **С**лоновая **к**ость!

– **С**лавянская **к**исть!

– **С**иний **к**орень...

– **С**тарый **К**рым...

– **С**еребряный **к**инжал...

– **С**иреневый **к**россворд...

– **С**умасшедший **К**арлсон...

– **С**ерафим **К**иевский...

– Мальчики, уже ночь на дворе, – на двадцать пятой (сорок пятой? сотой?) ассоциации прервала нашу светскую **к**аламбурияду Галина Каравинская.

– Да уж, Сереги, спать пора, – намекнула усталая хозяйка Наташа Катеринич.

– Спокойно, **К**аравинский, – улыбнулся **СК**-поэт.

– Спокойно, **К**атеринич, – отвечивал **СК**-скульптор.

И мы распрощались.

Но Ангел остался. Неподалеку от наташинашенского дома. **С**олнечный **к**рылатый. **С**тавропольский **к**реститель.

10. Байка о шоколадном Пушкине и солнечном затмении

До конца две тысячи шестого, такого памятного, такого болезненного, оставался месяц с небольшим. Уже и первый ноябрьский снежок почти стоял. Я позвонил Сереже Каравинскому:

– Привет, Федорович! Не забыл о сокровенных каламбурах?! Надо бы встретиться, хочу, чтобы ты прочитал историю о нашем Ангеле. Всё ли так, как я навспоминал, было.

СК-скульптор зазвал меня и Наталью в гости, сначала на чай (без кавычек и ехидного подтекста), а на следующий день пригласил в мастерскую, где трудился над очередным проектом. Новая красивая идея Сереги заключалась вот в чем. Его попросили оформить кафе, названное весьма оригинально – «Шоколадный Пушкин». Мой старинный друг придумал дерзкое дизайнерское решение: в центре зала висит маска Поэта в бронзовой раме, а к ней со всех сторон тянутся женские, мужские, детские, стариковские руки.

– То-то память будет! – обрадовался Сергей, увидев нас в своем живописном полуподвале. – Мы сейчас как раз занимаемся слепками ладоней и кистей. Ваши пятерни тоже попадут в пушкинскую коллекцию.

Помощник **СК** споро взялся за дело, и минут через двадцать-тридцать гипсовая книжка-раскладушка, сохранившая отпечатки всех десяти моих пальцев, обручального колечка, ну и, конечно, неслучайное количество сокровенных и сакральных линий, оказалась испеченной.

– Попозже мы зальем полости, – прокомментировал свои действия мастер, – и в итоге получим точные копии ваших рук. Хоть шоколадному Пуш-

кину относил, хоть в Пушкинский музей выставлял, – пошутил он. – Теперь возьмемся за длани дамы.

Пока скульптор заковывал и расковывал Наташкины запястья, я бродил по мастерской, натываясь то на лик Льва Толстого, то на посмертную маску Владимира Маяковского, то на есенинскую печаль. И в этом огромном царстве-государстве среди сотен персонажей, известных и безымянных героев, загадочных женских и девичьих фигур, бюстов, торсов встретил несколько эскизов композиции «Ангел-Хранитель».

К одной из этих миниатюрных скульптур мне удалось добраться почти вплотную. Зрение не могло меня обмануть! Полдневное солнышко освещало лицо... моей мамы. Мамы Лены, Леси, Люси – той, которую я помню по петропавловскому детству. Той, которая смотрит на меня с цветной фотографии, стоящей на книжной полке...

Стародавний снимок и двенадцать-тринадцать лет спустя на том же месте обитает. А рядом, в книжном стеллаже, – поэтические сборники моих друзей и подруг с их авторскими автографами и посвящениями в адрес Сергея С-К и его Музы, то шутейными, то серьезными. Точно могу сказать, есть там сборники Тимура Шаова, Юрия Беликова, Александра Кабанова, Ирины Аргутиной, Георгия Яропольского.

И надо же, вспомнив о тех, кто сердечно причастен к проекту «45-я параллель», в одной из подаренных (присланных мне или нам с Наташей) книг я обнаружил свое стихотворение 2006-го, надо понимать, года. Это год рождения нашего интернет-проекта-45 и год практически полного солнечного затмения, приключившегося в небесах Ставрополя.

**Ангел-Хранитель города S на фоне солнечного
затмения**

Ирине Аргутиной

Отправляю тебе литографию «Обморок Солнца»,
Или «Ужас Луны», если пристальный глаз повелит...
Полпланеты грустит, половина – поет и смеется,
Неучтенная часть созерцает сады Атлантид.

Прилагаю стихи под названием «Обморок сердца» –
Комментируя их, выпил лишку татарин-сосед.
«В Антарктиде, – твердит, – подо льдами секретная
дверца,
А за нею сокрыт на века замурованный свет...».

Направляя тебе фотографию «Оторопь Солнца»,
Я не знал, что Луна покидает сибирский зенит.
«В Петербурге – туман...» – телеграмма пришла
от чухонца,
«В Тель-Авиве дождит...» – отстучал на дисплей
одессит.

«О текиле забудь! – намекаешь на оторопь сердца. –
Алгоритмы причин – в частоколе скандальных
баллад...».

Тиражирует март обертоны уральского скерцо,
А Лавров (Королев?!) уверяет: «Я – Понтий Пилат!».

Параллельно строчу киноверсию «Обморок Солнца» –
Переводчик Арнэ норовит про Чернобыль вернуть
И про ужас Луны, но при виде горилки трясется...
(«Ты жалела меня: «Не глотай закордонную муть!»).

Рефлексует рефрен, у татарина – обморок сердца...
Совершенно забыл, что на снимке, где Ангел парит, –
Тонкий серпик Земли...

А француз, окрестив иноверца,
Напросился в полет с космодрома моих Атлантид...

11. Быль о сокровенной Женщине

О, сколько раз мне казалось, что я встретил ангела в человеческом облике и сколько раз обманывался – не сосчитать! И моя дочка Маша, с радостью подхватывавшая вслед за любимым папой слова популярной песенки Макса Леонидова, даже не догадывалась, почему я вдруг слезу пускаю:

Был обычный серый питерский вечер,
Я пошел бродить в дурном настроенье,
Только вижу – вдруг идет мне навстречу
То ли девочка, а то ли виденье.

И как будто мы знакомы с ней даже,
Помню, чей-то был тогда день рожденья,
И, по-моему, зовут ее Дашей,
То ли девочку, а то ли виденье.

Она прошла, как каравелла по зеленым волнам,
Прохладным ливнем после жаркого дня.
Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она,
Чтоб посмотреть, не оглянулся ли я...

Растворились, растаяли девичьи фигурки-призраки, женские силуэты-миражи у переговорного пункта в Туапсе, в поезде «Ленинград – Кисловодск», в Пушкинском музее, согретом красками импрессио-

нистов. И вдруг вспомнилось, как мой отец, прозванный в кругу близких папой Вовиком, сокрушенно вздыхал, вернувшись в квартиру на Белой ромашке:

– Ты у нас нынче разведенный – ужас, какой молодой... И двадцати пяти не стукнуло. Я сейчас в электричке ехал и такую красавицу видел, всю дорогу на нее глядел, думая: «Вот невеста для моего оболтуса». Но заговорить с ней не решился. Любую другую твою вряд ли смогу воспринять.

Сожалею ли я о потерянных ангелах?! Думаю ли о неслучившихся женах? Да? Нет? И да, и нет, и нет, и да, и... Точнее, меня остро интересуют проекции судьбы: кем бы, каким бы я стал, окажись со мной рядом тогда, тридцать-сорок лет назад, мелькнувший, но не названный по имени ангел? Тот или иной... та или иная... Наверное, вернее, совершенно точно знаю, что каждый из нас задается подобными вопросами. Только далеко не каждый решает их вслух произнести. Опасаясь семейных свар, склок, разборов полетов.

Моей Наташке хватало ума понять и принять сии неуклюжие размышлизмы. И вовсе не потому, что я ее в глаза и за глаза называл Ангелом. Иной уровень доверия сложился меж нами. Женщина, носившая неповторимую (именно так: никому, кроме меня не принадлежащую!) фамилию, сумела возродить во мне веру в чистоту и бескорыстность человеческих отношений, подтвердив вечный постулат: любовь доказывают не словами, а поступками. И что? Мы никогда не скандалили? Не расставались «навсегда»? Еще как разбегались, терялись в странствах и временах.

Но... Хоть режьте меня, хоть ешьте с потрохами: никак не мог себя без Наташки представить, же-

нушки моей удивительной. И вот уже третий год пытаюсь выжить без Женщины сокровенной, отправившейся в ангельские выси.

Осенний постскрипtum

Имя крылатому символу Града Креста придумал Сергей Катеринич, а вылепил Ангела другой **СК** – Сережа Каравинский. В ноябре две тысячи шестого, в год восьмидесятилетия моей мамы, оказавшись в мастерской моего доброго приятеля, я впервые близко разглядел черты Небесного странника. На стене висела маска, которую он вылепил для бронзового варианта заглавного Ангела. Помню, как внезапно поразила я пронзительному сходству существа, рожденного талантом и воображением моего тезки, с Женщиной, подарившей мне жизнь.

Сережа однажды обронил фразу о том, что прообразом для создания скульптурного портрета послужила его жена. Так оно и было, не сомневаюсь. Но ведь случаются раз в десять, пятьдесят или сто лет такие удивительные совпадения! И отныне меня согревает мысль: в Ставрополь вернулась мама Люся.

Вечный постскрипtum

10 мая две тысячи седьмого, в день *двупятерочного* юбилея **СК**-поэта (поэта всё ж), скульптор Сергей Каравинский позвонил мне с извинениями: мол, никак не смогу быть лично, но подарок тебе я приготовил.

И тут **СК**-младший буквально сразил **СК**-старшего:
– Знаешь, Сережа, – молвил тезка, – не могу забыть, какими глазами ты смотрел на Ангела. А потом признался, что разглядел в его чертах черты своей мамы. На профессиональным языке эта работа называется

фор-эскизом. Обычно авторы с такими скульптурами не расстаются. Но у меня сердце дрогнуло, и я решил: скульптура отныне твоя! Что? Не веришь? Повторяю: дарю тебе фигурку *Небесного Странника*, ставшую прообразом Хранителя Града Креста...

С тех недавних-давних (уже приснопамятных для потомков) времен в моем доме обитает *заглавный Ангел*. Эту уникальную скульптуру я и завещаю своему первому внуку! (Да простят меня остальные внуки и внучки: пацаны, коих четверо, и девчонки, коих двое).

Как видишь, Тим-Тим, дед о тебе не забыл. Постарайся и ты, *мой сегодняшний, завтрашний, вечный друг*, не забыть о том, что *Любовь – это не слова, а поступки*. К числу бесспорных доказательств этой прописной, но великой истины относится и моя *асинхронная летопись*, ставшая *аритмичным романом*.

Ангел, уже дарованный тебе, старший внук, хрупок. Во всяком случае, мне, человеку переживательному, так кажется. **СК**-скульптор, зная об этой черте моего характера, заверил, что гипс, из которого вылеплен *Хранитель*, укреплен особым составом. И всё же **СК**-летописец водрузил *крылатую фигурку* на книжный шкаф, под самый трехметровый потолок. Высоко-высоко! От безымянного греха и от вполне конкретного хулиганистого кота по кличке Киня. Ну а ты, Тимоха, не забудь снять слепок с авторской работы скульптора. Чтобы к своим грядущим пятидесяти пяти отлить *бронзового Ангела для железной убедительности* моего **вечного постскриптума!** Можно и другой металл *материализовать*. Кто сказал, что ты не сумеешь найти **золотой галеон?!**

Слава России!

От сказочных времен
Бородина,
От легендарной Новгородской
сечи,
Страна моя – великая страна,
Идет к народам мира,
как предтеча.

Среди пришедших воровать
и убивать,
Мне жалко тех, кто вновь
не понимает:
Одна моя страна,
как Божья Мать,
За всех, кто бос и голоден,
страдает.

Законы экономики поправ,
Не для того, чтоб в лидеры
пробиться,
Одна, среди воюющих держав,
Готова ты последним
поделиться.

Одна в законы братства
влюблена,
Поднявшись на высоты
мировые,
Меж прочих стран всего
одна страна
Зовется вечным именем –
Россия!

**ВЛАДИМИР
ЯКОВЛЕВ**

Поэзия

Спасибо, армия

Я помню, как ноги немели,
Как ветер скулил по ночам.
Как мокрая тяжесть шинели
Мешала работать плечам.

Прицепы сползали с откосов,
Стонали во мгле провода.
Колеса...
Колеса...
Колеса...
В багровых разводах вода.

И тело коржило стужей,
И танки пройти не могли.
Я пил из болотистой лужи,
Погоном касаясь земли.

Ночами трясло от озноба.
Стучал котелок по спине.
У башен, цепляясь за скобы,
Мы спали на тряской броне.

Змеились, круты и горбаты,
Пылили дороги страны.
Но мир доверялся ребятам,
Родившимся после войны.

Уходящие герои

Светлой памяти
артиллериста-наводчика САУ-1
преподавателя ССХИ
Павла Георгиевича Пестрякова

Выцветают на заборах звезды,
И под визг прозападной шпаны
Зачастили «скорые» к подъездам:
Вымирает гвардия страны.

Запиликали заморские смартфоны,
Что судьба у каждого своя.
Стареньких бойцов не слыша стоны,
Спит спокойно Родина моя.

Есть в героях Битвы первородство –
В тех, кто умирает не за так:
Где твое «Всемирное Господство»,
Долбаный фугасами Рейхстаг?

В Октябре всемирнейшее барство
Вы смогли разделить под орех:
«Равный труд на пользу государства –
Равнообязателен для всех!»

Что с того, что сняли вы медали,
Что с того, что ветер дул в пазы?
В институтах вы преподавали
Высшей Справедливости азы.

Только Время Бизнеса сжигает
Бедных мам и стареньких отцов.
Что б ни говорили, – вымирает
Поколение пламенных борцов.

Горько под землей лежать солдатам.
Стыдно за взрослеющих детей:
Самые лобастые внучата
Дезертируют из Родины своей.

- Где ж ты, государственное Дело? –
Слышится уже из-под земли
Всем, кто от Томмазо Кампанеллы
Родословную свою вели.

Художнику Александру Гайденко

Господи, ну что мне еще надо!
Небо в вечеряющей золе.
Яблоки из Сашиного сада
Пахнут летом на моем столе.

Кто-то мне грозит из засады,
Камни зла за пазухой таит.
Яблоко из Сашиного сада
Жажду дружбы соком утолит.

И покуда тьма по коридорам
Свечку изведет до жарких слез,
Нежно бьется пламя разговора
Над дымком старинных папирос.

А когда – уж это скоро, братцы –
Выйдет время всем нам расставаться,
Дайте, что не подличал, в награду –
Яблочко из Сашиного сада.

Присяга

Великого дела наследник,
Готовься в далекий поход –
Оркестр, сверкающий медью,
К великим свершеньям зовет.

Затихли приказа раскаты,
И бой барабанный умолк.
Сжимается сердце солдата –
На знамя равняется полк.

И сразу ни звука, ни вздоха,
И каждому строгость к лицу.
Равняются две эпохи
На старом военном плацу.

Стоим мы под флагом отчизны,
И сталь автомата права.
И только единожды в жизни
Такие даются слова.

Продолжение

Как этот лес и строен и высок!
Уходят сосны
Выше, выше, выше...
Я слышу по стволу идущий сок.
Своих шагов и голоса не слышу!

Последний ветер леденит висок.
Друзья отца со мною рядом встали.
Кладут отца в кладбищенский песок,
А мне дают отцовские медали.

И ничего важнее не открою,
Не полюблю.
И мне отрадно знать,
Что буду поливать ее водою.
(А будет нужно – кровью поливать).

Обелиски

О, сколько золота на сером...
Пока глаза не заболят,
Читай,
от страшных тех посевов
Прогнулись русские поля.

Тебе ли горя занимать,
Моя печальная сторона?
Оградки, холмики, воронки –
У нас их трудно сосчитать.

Тут что ни поле – поле брани.
А сколько здесь полей и сел!
Здесь каждый третий партизанил,
А каждый пятый
не пришел...

Здесь о войне болтать не любят,
Здесь песни мирные поют.
Живут трудящиеся люди,
Пусть небогато,
но живут.

И вдруг подумаешь: ей-богу,
А что, да если б не война?
Какие были бы дороги,
Какие встали бы дома...

Смерть в дороге

– Родимый, миленький дедуля,
Ну, продержись еще немножко!
Как завывающая пуля,
Летит на красный неотложка.

Но кто же на одре лежащем
Ему приказывать посмеет?
Ладошку правнучки кричащей
Солдат своим дыханьем греет.

Вот уж, рукой подать! – больница,
Где кислород, наркоз, спасенье...
Но как же «скорой» к ней пробиться? –
Пробиться, как из окруженья!

А лимузины слева, справа –
Ну, хоть бы кто посторонился!
И, будто красный лед под Нарвой,
Крест Красный по стеклу расплылся.

Кого чужая смерть тревожит,
Хоть и пришла она до срока?
О, эти вопли неотложек
На переполненных дорогах!

Дорожное письмо

Прости, не разрешается писать
О том, куда, зачем и как мы едем.
Степное солнце из чеканной меди
Устало над вагонами плясать.

Мы люди строгой воинской судьбы.
Всё дальше от заветного порога,
Считая телеграфные столбы,
Уносит нас железная дорога.

Товарищи вполголоса поют.
Дощатых стен привычное качанье.
Располагает к долготу молчанью
Освоенный теплушечный уют.

Степной однообразный колорит.
Подрагивают струганные нары.
И только лейтенантская гитара
Всё о тебе подолгу говорит.

На марше

Осенний холод.
Слякоть в колеях.
В такую стужу нам не до парада.
Скользят ступни в разбухших сапогах.
Скользит рука по мокрому прикладу.

Нас грязью залепило до колен.
Мы тянем шеи, силы напрягая.
Ломает ветер прутики антенн,
Брезент промерзший тяжко гроыхает.

Мне кажется:
я больше всех продрог.
Плечо
совсем светло
под карабином.
А впереди полно еще дорог –
Осенних и тягучих, как резина.

Холодный ветер плащ-палатки рвет.
За целый день мы столько прошагали!
Привал.
Припал усталый взвод
К земле, дающей силу на привале.

Команда...
Мы встаем, не чуя ног,
Из козел разбираем карабины.
А сколько впереди еще дорог –
Осенних и тягучих, как резина...

Боевое дежурство

Бетонный бункер
Ушел под землю.
Все мысли – к небу.
Да, к небу!
Но –
Вам приходилось следить за целью,
Не отвечающей на позывной?

Эфир шарахнет по перепонкам.
В диапазоне – настроек хруст.
Враг?? –
Истребителя,

Ну как ребенка,
Мы осторожно кладем на курс.

Пульт управления – в работе!
Мозг прошивает – морзянки трель.
«Уходит, сволочь, на развороте...»
А по экрану метет метель.

И нервы пляшут!
И стрелки бродят!
И за плечами – лежит страна!

...А цель уходит на развороте
Прозрачной льдинкой, едва видна,
И тает...

– Товарищ капитан,
Цель отчетливо видна.
Засаекаю координаты:
Квадрат...
Скорость...
Высота...
Высота...

Над спящим миром –
огни
форсажа.
Уходит в небо
ракетный след!

Под шлемом
первая
морщинка
ляжет.

Сержанту –
Девятнадцать лет.

Небесный порог

Нам первыми
встречать
гостей незваных,
Вот отчего душе покоя нет.
Всю ночь фосфоресцируют экраны,
Скользит по стенам их неровный свет.

Земля больна.
Мы это знаем точно.
Но кто-то должен быть ее врачом?

Я – пульс планеты выверил построчно
Скользящим индикаторным лучом!

Подземный пост.
Локаторная смена.
Притихла ночь, в наушники дыша.
Меридианы вспухли, словно вены,
Под грифельным штыком карандаша.

Направленных антенн стальные нити
Вращаются,
гудят, гудят, гудят..
И дремлет зачехленный истребитель,
И вишни зреют в летний звездопад.

РУССКИЙ ЯЗЫК: ВРЕМЯ УГРОЗ

Зуд реформаторства

Казалось бы, реформы русской орфографии, замышляемые разными учеными мужами в России, преследовали благие цели: что-то «упорядочить», что-то «привести в соответствие», что-то «упростить» и т.п., ведь язык у нас очень разнообразен, изощрен, велик и требует определенных правил.

Однако минувшие реформы орфографии (1917–1918 гг. и 1956 г.), помимо, казалось бы, очевидных плюсов, нанесли русской словесности и немалый урон. В целом, произошло оскотление языка: ушли в прошлое целые пласты лексики, было утрачено разнообразие оттенков письменной речи (как-никак язык лишился падежа, нескольких букв), пострадала семантика и многое другое.

О негативных последствиях реформ не раз говорили и писали авторитетные руси-

**ЕВГЕНИЙ
ШИШКИН**

Литературоведение

сты и литераторы. «Реформой язык не повышается, а понижается, не толпу намерен поднять за собой реформатор, а сам спуститься до уровня толпы. В этом и есть плебейский оттенок реформы», – так оценивал в начале прошлого века действия орфографических перестройщиков выдающийся русский писатель Борис Зайцев.

Последняя затея реформирования русского языка приходится на конец минувшего века, начало нынешнего: Орфографическая комиссия Российской Академии наук предложила опять же «упростить» и «упорядочить». И то ли по наивности, то ли по недомыслию, академики вознамерились русскому правописанию дать урок. Причем урок, который затронул бы каждого, кто имеет хоть малое касательство к русскому языку, в том числе всю экономику страны.

Да каким образом могут затронуть российскую экономику и сограждан безобидные «черточки», «новые» запятые, звонкие «з» вместо глухих «с» в приставках? Еще как могли затронуть! Чтобы воплотить предложенную реформу, надо было бы переиздать сотни тысяч учебников, словарей, методических пособий. Для школ, техникумов, вузов! Всякий уважающий себя грамотный человек в России обязан был бы обновить свою книжную полку со справочниками. Да и все книги с «прежней» орфографией автоматически стали бы устаревшими и ждали бы своего обновления. Колоссальный куш сорвал бы издательский бизнес!

А всего-то – умные дяди и тети в тишине академических кабинетов решили, что «полдвенадцатого» надо писать так же, как «пол-одиннадцатого», что «красавица дочка» будет краше при написа-

нии «красавица-дочка», что «матушка Русь» станет крепче в новом исполнении «матушка-Русь». А может быть, «многомиллионную» реформу, острой необходимости в которой нет, «заказывали» ученым киты книжного бизнеса, специализирующиеся на выпуске учебной и справочной литературы? Сюжет отнюдь не фантастический. И если бы заинтересованным кругам удалось реформу «продавить», вот тогда барыши некоторых издательств могли бы стать действительно фантастическими.

Но даже не экономический фактор был страшен в навязываемой реформе, а другое... Реформа могла оказаться губительной для правописания. Безграмотного письма могло стать еще больше. Орфографических и стилистических огрехов и сейчас полно, – даже в уважаемых газетах, журналах, книгах солидных издательств, а не только в «неуправляемом» интернете. «Да пошли они к черту! Как писал, так и писать буду!» – сказали бы не только некоторые писатели-«консерваторы», но и журналисты, редакторы газет, издатели, корректоры, большинство которых предлагаемую реформу встретили в штыки. И управы на них бы не нашлось. Сейчас в России всё слишком демократично. Следить за соответствиями печатного слова новым правилам некому. В итоге мог возникнуть хаос в правописании, а попросту – бардак.

Вот вам и черточки с дефисами! Языковая реформа обострила бы многие российские проблемы. В том числе – политические. Беднейшие слои общества: сельские учителя, родители сельских учащихся тоже были бы вынуждены раскошелиться на новые словари и учебники. Да помилуйте! Откуда ж у них лишние деньги! Вот проблема из экономи-

ческой и превратилась в политическую – курс на дальнейшее обнищание...

А в каком положении оказались бы русские школы за рубежом, в странах СНГ? Кто позаботился бы об учебниках для них? В бывших братских республиках и так очень многое делается для выхолащивания русского языка. А тут еще реформа. Лишний формальный повод к закрытию русских школ. «А чтоб не возиться с ихими проблемами...» Про Украину с ее нынешними революционными русофобскими завихрениями страшно и подумать; там еще бы активней стали топтать сапогами националистов великий и некогда родственный русский язык.

Впрочем, в страны СНГ можно и не ходить. Языковой сепаратизм мы недавно наблюдали в России. В Татарии уже был принят закон, по которому заменяли кириллицу на латинский алфавит. А значит, пытались поменять вектор духовной и культурной ориентации. Это могло стать прологом расколов, распрей, гражданской напряженности. Только жесткими мерами и законодательным путем удалось пресечь «алфавитное» реформаторство в Татарстане, которое вбивало клин в культуру народов России.

Удалось также и отбиться от назойливых академик-реформаторов, выправителей русской орфографии, которые даже не подумали – ох! академики, головы ученые! – о том, что «упрощение правил», уничтожение «исключений» в языке отнимет некую изюминку русской письменной речи и повлияет на мыслительную деятельность человека, особенно – молодого, постигающего правописание. Язык – инструмент мышления. И нет ничего страшного в том, что русская орфография подкидывает

учащимся сложности в виде отступлений и исключений. Это только способствует мыслительной деятельности человека, повышает его образовательный уровень. А еще дает возможность проникнуть в глубины русского языка, в этимологические, словообразовательные, фольклорные пласты.

Тут уместен пример Англии. Британцы уже несколько веков не трогают орфографию. Ну и пусть пишется «Манчестер», а читается «Ливерпуль». Так было, так должно быть. Данный консерватизм крепит традиции и моральные устои Англии. И конечно, имеет свой прагматический расчет. А мы за одно столетие готовы провести целых три революцию в языке?!

Отстаивать завоевания русского языка в России, в странах СНГ, в мире, а не вносить сумятицу в мозги русских и русскоязычных граждан путем неуместного реформаторства – это святая обязанность русистов, и безусловно – академических!

Языковой натиск: заразные вживления, сор, притеснения

Было время, когда российская знать изъяснялась по-французски, иногда по-немецки (обезьянничанье и низкопоклонство перед Западом – у нашей знати в крови). Теперь той знати нету... Появилась элита... Для новоявленной элиты три сотни английских слов вполне достаточно, чтобы козырять своим безупречным английским и разговаривать с официантами, портье, таксистами где-нибудь на Западе.

Английский язык стал проникать не только как средство коммуникации, но и как язык лейблов, терминов, инструкций, компьютерных программ и т.п. С одной стороны, это вроде бы неизбежно: английский язык – международный, для разговорных надобностей он весьма прост, да и электронных переводчиков уже появилось немало. С другой – насаждение англицизмов не только притесняет, выдавливает обиходный русский язык, но и урезает сферу его применения, а стало быть, уменьшает его влияние: всё меньше русских употреблений в речи... Зайдите в любой торговый центр Москвы (и не только Москвы): все таблички, названия кафе, магазинов, ремонтных мастерских, химчисток – непременно на английский манер. «Маркет», «супермаркет», «гипермаркет», «сити-маркет», «бутик», «шоп», «фастфуд» и просто «фуд», а еще извращенческие «Смирнофф», «деффчонки»... Даже стыдно это писать. Всё это небезобидно. Это сор, иноязычный сор, даже языковая отравка!

Наплывы заимствований и прежде были. Но, как правило, были они по недомыслию и ущербности внедряющих эти заимствования. Русский язык с ними боролся и, чаще всего, побеждал. Некоторые варваризмы отомрут сами по себе. Горбачевский «консенсус», «плюрализм» почти исчезли. Правда, жизнь подкидывает другие словечки.

Есть такой телеведущий С. Брилев, уважаемый, самоуверенный, общается с первыми лицами государства. Так вот, однажды, комментируя коротенький репортаж о чемпионате мира по футболу в России, он около десятка раз произнес слово «мундиаль». Слово, абсолютно чуждое русскому

языку, русскому уху, но телеведущему уж так оно нравилось, что он упивался им... Эх, этого бы мундиалю по его мундиалю отмундиалить, чтобы он больше никогда не мундиалил...

Ну, а как нынче обожают слово «шок»! «Я была в шоке!» Медицинский термин «шок» обозначает «угрожающую жизни реакцию организма на травму, ожог, операцию...» Никакой образности и метафоричности в слове шок нет, зато явно обозначается у произносящего слабость в знаниях русского языка, неумение выразить свое изумление образно.

В отношении огромного количества англоязычных техницизмов, связанных с компьютеризацией, особо бояться не стоит. Сайт, файл, драйвер, интерфейс – всего лишь профильные термины. К ним нужно так и относиться: профильные термины! Аналогично, предположим, терминам медицинским: анальгин, грипп, антибиотик, клизма...

Профильные термины не так страшны, как язык публичных выступлений каких-нибудь телевизионных див, звезд, актеров, а иногда – попросту разных телемартышек (это опять от «обезьянничанья»), которые рассуждают о «креативе» (творчестве), «контенте» (содержании), «биеннале» (выставке) и т.п.

Самое печальное, что засорением русского языка занимаются именно те, которые должны бы его бережно охранять от иноязычного вливания. Тут есть еще одна сторона данного вопроса. «Биеннале, креативы, контенты, мундиали», скорее всего, и не проживутся в языке, но люди (в первую очередь, дети), воспитанные на этой иноязычной тарабарщине, уже не смогут вернуться и к истинному русскому языку, эмоционально богатому и многословному.

Вспомнился старый анекдот. Из времен, когда в обиход входили словечки «кайф» и механическое, жесткое, холодное – «секс» (у нас секса не было: была любовь в разных проявлениях, в том числе любовь грешная и продажная...) Так вот: на работу секретаршей приходит наниматься красивая длинноногая девица. Директор принимает ее на службу, а руководитель отдела кадров показывает ей место работы. «Здесь ваш письменный стол...» – «О! Кайф!» – откликается девица. «Здесь ваши письменные принадлежности...» – «О! Кайф!» – «Здесь телефоны и пульт управления...» – «О! Кайф!» – «Скажите, а другие слова вы знаете?» – не выдерживает кадровик. – «Секс», – отвечает девица. – «А что такое секс?» – «О! Кайф!»

Язык нашего общества, к сожалению, становится примитивен, ограничен несколькими сотнями слов. Косноязычные депутаты и чиновники всех мастей, не очень грамотные редакторы и ведущие телеканалов, со своими ужимками и приколами, одни и те же персонажи, приглашенные на однотипные крикливые телешоу, скудная речь героев бесконечных бандитских и дамских сериалов, – вот и получается, что язык, который мы слышим, очень жалок, черств, неинтересен, а подчас и глуп, потому что забит не только «мундиальями» и «мейнстримами», но и вульгарными словечками, феней: «облом, поперло, лохануться, фарт, откат, распилил, беспредел» и другой словомутью. Присовокупите сюда приבלатненную песню, которой определили стиль «шансон» и заполонили радиоэфир, а еще – модные молодежные песенки, где стихов нет, они там даже противопоказаны, в основном там три-четыре пары зарифмованных глаголов и бессистемный

набор слов, а еще чмоки, динь-дини, буди-буди, гуди-гуди...

А еще засилье голливудских фильмов «блокбастеров, бестселлеров». Как там разговаривают тупорылые голливудские костоломы?! Прimitивно-ругательный, пошлый язык у них прекрасен, а юмор поражает своей оригинальностью и чувством такта.

А еще на всех каналах бесконечная КВНэнщина, «пельменщина», «нашарашнина», «комедиклабщина» и другая телечушь, не имеющая никакого отношения ни к искусству, ни к просвещению, даже к развлечениям отношение имеющее отдаленное (стриптиз и пошленькие анекдоты ведь тоже развлечение, но вряд ли их надо делать общественными).

Злостное подспудное реформаторство русского языка идет каждодневно на бытовом уровне, благодаря средствам массовой информации, примитивному вещанию и кинопоказу, и так далее и тому подобное... А семья, школа, художественная литература, редкие просветительские программы в СМИ не могут, не способны и не рассчитаны справиться с засильем пустозвонства «фрайерских, понтыарских» песенок, феней, примитивом сленгов: бизнесменских, молодежных, интернетовских. А главное – эта социальная болезнь даже толком не диагностирована. Современная художественная литература истребляется, школьные и вузовские гуманитарные программы сокращаются. Рынок ведь не востребовал богатства русского языка, а у нас правит рынок! Каков поп – таков и приход...

Художественную литературу подменили сивухой детективщиц донцовского разлива и псевдоисторическим чтивом – ақунинщиной, и вроде бы все

довольны. Особенно издатели. Кстати, владельцы крупнейших издательств и книготорговых сетей в России, по информации СМИ, давно живут за границей: им плевать и на русский язык, и на русскую литературу. Им не плевать только на толстощекого президента США со стодолларовой купюры. Впрочем, разговор о современной литературе – тема отдельная и многоликая.

Есть еще один важный фактор, затрагивающий русский язык, вернее – урезающий его влияние. К несчастью, еще одна напасть. Беженцы и переселенцы с Ближнего Востока, трудовые мигранты Европы нам демонстрируют эту напасть... И у нас, почти повсюду города центральной России, а в Москве это особенно наглядно, выпукло проявляется, наводняют выходцы из южных краев. Одни из них – граждане России, другие не граждане. Но и те, и другие носители своего языка.

В столице уже есть целые кварталы, где живут, обитают, работают, а некоторые ведут незаконную деятельность выходцы из далеких регионов. Они, эти выходцы, безусловно, имеют полное право общаться на своем языке. Но в последнее время это общение становится уж слишком активным. Словно бы они, эти выходцы, нарочито подчеркивают, что русский язык им чужой, знать они его не хотят. В метро, в общественном транспорте, в жилых массивах, в торговых центрах, особенно вечером, когда большинство мигрантов после работы выходят на столичные улицы, – они говорят громко, даже вызывающе, – с одной стороны, это их закомплексованность, но с другой – плохо скрываемая агрессия, подчеркнутое неуважение к русским и русскоязыч-

ным окружающим их гражданам. При этом их южные женщины плодovито рожают, дети становятся российскими гражданами, и в некоторых местах диаспоры уже требуют создание национальных школ. Ассимилироваться-то не хотят...

В Россию произошел наплыв кавказцев и азиатов уже другого поколения. Это поколение в советских школах не училось, о Пушкине и Некрасове не знает, про Великую Отечественную почти не слышало... А про русских знают твердо: они у них, с национальных окраин, забирали все богатства, – нет-нет, не строили города, предприятия, школы, вузы, больницы, научные институты, театры, а все-все (имеется в виду ценное) забирали и оставляли только «пыль», как выразился лидер Казахстана, бывшей советской республики, забыв при этом, что республику ему создали тоже «русские варвары».

Все эти выходцы, другого, не советского края, русский язык знают плохо, скверно, из русского языка для бытового общения берут чаще всего матерщину, грубую лексику, торгашеский жаргон.

Некая ползучая антирусская языковая эпидемия-реформа, имеющая вполне легальные и даже законные рамки, распространяется всё шире и шире, а наш язык, его область применения, а главное – богатство языка, ценности словоупотреблений и неиссякаемой лексики, становятся невостребованными и насильно омертвляются – как устаревшие, архаичные, годные для употребления только квасными патриотами.

А что ж власть? Русская общественность требует от власти принять действенные меры по сохранению, а не по разрушению языка. Власть принимает кое-что, проводит заседания «Совета по языку» при

Президенте, поддерживает некоторые общественные инициативы, участвует в создании «Общества русской словесности». Выходит, кое-что делает. Но больше всё же для показухи.

Некоторые из инициатив вызывают сомнения. Вот проводят в стране «Тотальный диктант». Почему тотальный? Нельзя, что ли, просто – всеобщий? Или французское словечко «тоталь» ласкает новым русистам слух? Проверка знаний – это не плохо. Всеобщий диктант! А лучше бы назвать «Общественный русский диктант». Но опять же инициатива с каким-то вывихом и подоплекой. Чьи тексты для диктантов? И какие тексты? Ну, непременно что-нибудь из быковско-рубинских книг, которые отнюдь не блещут ни грамотностью, ни красотой русского языка. А уж рубинский текст и вовсе вызвал возмущение: оказалось, израильская авторша сама заявила, что правил русского языка не знает. Но ведь тотальный диктант навязчиво внедряют в регионах, в столицах. Тут есть где блеснуть писакам-русофобам, а еще и похвастаться: мы их всех за парту усадили!

Есть и другие инициативы. Создано «Общество русской словесности», которое возглавил Патриарх. Туда вошли крупные деятели науки, культуры, религии. Но опять же те, которые делать по сути! практически! для сбережения русского языка (кроме участия в общих разговорнях) ничего не будут. Им некогда. У них своих обязанностей полно. Совещания, форумы, симпозиумы – это только трата средств, в том числе наших с вами, средств налогоплательщиков. Действенных планов у этого «Общества» нет и, похоже, не предвидится... А почесать языки, пофилософствовать с трибуны, – так это мы

завсегда, ведь все эти деятели входят в десятки подобных обществ, фондов, комиссий... Показушества и профанации в таких инициативах в переизбытке, они вроде бы направлены на благое дело и цели у них благие, а по факту – пшик!

Вот и прошедший досточтимый Год литературы. Мне довелось быть на писательской встрече с Президентом, где он объявил об этом Годе литературы. Аплодисменты! А после довелось услышать слова премьера, что на Год литературы выделено аж три млрд. рублей! Где они? Кто отчитался? Ау, Счетная палата, расскажите: куда, сколько и зачем было потрачено? Что реального получила наша русская литература, русский язык? Деньги-то из кармана налогоплательщика. То бишь – наши. Вернее, были наши, стали...

Еще раз о русской брани

Так уж исторически сложилось, что редактором III-го издания Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля в начале прошлого века был лингвист польского происхождения И.А. Бодуэн де Куртенэ. Он самовольно включил в словарь огромное количество ругательных нецензурных слов. Расширил русскую лексику? Нет! Жестоко поступил по отношению к памяти В.И. Даля, потому что «словарь авторский», а еще вроде бы и «узаконил» нецензурщину как языковой пласт русского народа. Нет спору, крепкие выражения испокон веку употребляемы в России, но рассматривать их как богатство, а словарь В.И. Даля открывает нам именно богатство языка, неправоммерно.

И нынешние языковеды ведут себя очень непоследовательно в отношении ненормативной лексики. Веяния нового времени – словари жаргонов, русского мата, блатной «фени» и т.д. Сколько их выпущено по России! Под прикрытием объективности (явления, мол, существует, его надо исследовать) появились книги с жуткими словниками. Здоровая ткань богатейшего русского языка разъедается зафиксированным сквернословием, подобострастными примерами.

Труды эти в большинстве своем псевдонаучные, их значение для лексикографии мизерное, но интерес к ним спекулятивно подогревается: мол, такие изыскания прежде были невозможны. На самом деле всё диктует прибыль издателей и растущее бескультурье общества. Цензуры нет. Вернее, цензура – рубль и доллар – тут не помощница, а совети, разума и вкуса некоторым творцам изящной словесности и науки попросту не хватает. И языковая вольница дает волю разного рода прохиндеям, эпатажным персонажам и просто отъявленным прохвостам от литературы и искусства.

Порой слышатся ссылки на классиков. Великий Пушкин, якобы, не чурался крутых высказываний. Но разве использование нашим гением нескольких нецензурных слов в своих произведениях (а в основном – в частной переписке, а не в произведениях) повод для подражательства? Пушкин иной раз и неприглядные поступки совершал. Что ж из того? У Есенина найдется во всем творчестве тоже несколько бранных нецензурных слов... И что теперь?!

Появление ненормативной лексики в произведении великих художников – это, скорее всего,

результат духовного срыва, факт болезненного состояния или озорства, творческого отчаяния или некоторого вызова ханжескому обществу, проявление симптома какой-то социальной зараженности и т.п. К этому стоит относиться очень настороженно, и уж никак не восторженно!

Замечательный лингвист, профессор Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского В.А. Гречко (ныне покойный) считал мат – «антиязыком» русского народа. Он был в этом убежден, писал на эту тему статьи, был категоричен. Заметьте: не языком, а антиязыком! То есть по существу – врагом. А уж когда какой-нибудь деятель или даже писатель ерофеевско-сорокинско-пошиба с пошлыми улыбочками всезнайки говорит, что мат просто язык русского народа, то и во все хочется на них, на этих говорунов, плюнуть!

Мат – язык русского народа??? Нет, голубчики! Антиязыком – еще можно признать, но языком... Мат – назвать языком, это будет слишком жирно! И подло! Это всего лишь малая междометная часть бытового нелитературного языка. Кстати, матерных слов в языке совсем немного – с десяток... (трехэтажные обороты – это всего лишь обороты с участием одних и тех же непечатных слов). И говорить о том, что это язык русского народа? Да упаси бог! Что вы плетете, олухи?!

Или вот разрекламированная книжица некоего, обласканного на телеканале «Культура» доктора филологических наук М. Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва». В этой книжице говорится в основном о соре русского языка, о тех убогих лингвистических новшествах в области интернета, молодежного сленга, и, разумеется, немалое

место уделяется матерщине. Цитировать кронгаузов о почтении к мату – занятие жуткое. Но кое-что придется, чтоб почувствовать уровень, соотнести с выводами нижегородского ученого. Цитируем М. Кронгауза: «...как просвещенный лингвист я мат не то, чтобы поддерживаю, но отношусь к нему с интересом, пусть исследовательским, и с определенным почтением как к яркому языковому и культурному явлению...» (Вот оно как! «яркое языковое и культурное явление».) «...в советской деревне мат использовался много, часто и всеми...» (Интересно, бывали ли эти кронгаузы в советской деревне? От моих бабушек, русских крестьянок, я никогда матерных слов не слышал! Да разве обзовет крестьянка свою коровушку-кормилицу матерным словом?! Никогда не слышал я матерщины и от других своих родственников, выходцев из деревни.) «А не ругаться матом это для русского человека, ну, как водки не пить, то есть подозрительно». (А что, все русские пьют водку? Все спились? Кто бы вам, кронгаузам, построил дома, университеты, заводы, накормил вас, напоил, защитил?!) И еще одну цитату из доктора филологии: «Увы, и в мате не стоит искать национальную идею. Сегодня он скорее разъединяет людей». (О чем это?! О том, что полдюжины бранных слов могут быть национальной идеей России?! Это ж надо так не любить, не знать, не понимать, не уважать свою, или правильнее для кронгаузов «эту» страну!)

И вот такая профессура нынче в самых популярных вузах. Учат... И на экранах, разумеется, мельтешат, копошатся. Нынче для них – вольница. Плети Емеля – твоя неделя!

ТЬфу на них! На эту нерусь!

Слово «нерусь» я использую в значении широком: нерусь – это не обязательно человек другой, чужой нации или веры, приезжий; нерусь – это те, кто, возможно, родился и вырос в русской среде, но ее не признает, не принимает, глумится над всем русским и радуется каждому провалу русских в той или иной сфере, в том числе языковой.

...Междометная, животная сущность мата очевидна: слова эти коротки, скоропалительны, их даже договаривать до конца не надо. Да ими и пользуются люди чаще всего заводные, взвинченные, с избытком темперамента, злобы, ущемленности или неудовлетворенности. А животная сущность этих слов также очевидна: что бы ни приписывали человеку, – божественное начало, духовность, – человек несет в себе и животную основу, поэтому и весь мат связан с плотскими потребностями человека, опирается на полдюжины слов плотской лексики.

Мат, безусловно, заразителен. Как вредоносная бактерия он больше всего заражает молодые неокрепшие души. Разговоры многих молодых людей и так-то поражают своей простотой и малословием. Но это поправимо, с годами что-то приобретется; молодые люди слишком молоды: в них бурлят эмоции, в них кипит кровь, и изъясняться длинными красивыми предложениями несподручно. То ли дело коротко: «классно! прикольно! дебил!...» А соцсети интернета вообще – отдельная тема. Там писать надо, а не хочется. Короткие слова и те не дописывают, грамотностью никто не «заморачивается». Там же в основном «лайкают»! Даже есть «словарь интернет-сленга», где приготовлено немало глупостей для малограмотных пользователей. Но самым

печальным в речи молодых людей становится обыденная матерщина.

А ведь повседневный, бытовой, междометный лексикон очень губителен! Особенно для девушек. Тут имеются два важных момента. Молодой мужчина, юноша острее чувствует свою половую зрелость, в нем бушует плоть, жаждет улады и удовлетворения... Поэтому животные междометные выплески естественны. Другое дело – молодые девушки. Они еще не падки до плотских утех. Они еще находятся в стадии лирики – в мечтаниях о любви, а всё плотские любовные игры – это где-то впереди, и чаще всего плотский расцвет для женщины наступает уже после рождения ребенка.

Но в компании юная девушка порой вынуждена подыгрывать окружающим сверстникам, выглядеть взрослой, подчас ругаться матом. Тут и показушное представление своей взрослости: сигарета, пиво, ругань и прочие шалости. Но с каждым ругательным плотским словом милая девушка, юница, лишает себя многого: в ней становится всё меньше фермента любви; она растрчивает свою энергетику любви, которой потенциально наделила ее природа, в брани, в показной вульгарщине. Ей потом всё сложнее будет полюбить, ведь любовь – это уважение к мужчине и таинство, а какое уж таинство и уважение к мужчине, если она матерится рядом с парнем как сапожник... (извинимся перед сапожником: подлинные ремесленники ругаются редко).

Да спросите любого парня из той же компании, где стоит мат-перемат: хотел ли бы он взять в жены девушку, которая палит «уй» да «лять»? Так, пошалить с ней – куда ни шло, с такой распутной даже

и в кайф... Ну а всерьез полюбить, пойти с ней под венец вряд ли захочется. Ведь она еще и будет матерью его детей, ведь она еще и с его мамой будет говорить на таком языке... О! милашка матерщинница, лучше уж я без тебя как-нибудь по жизни обойдусь, другую поищу. Он так не думает, его так невольно подсознание воспитывает.

Как алкоголь, который быстрее губит женщину, чем мужчину, так и матерщина. Женщины, которым привили брань и которые даже нелепо гордятся своей чудовищной речью, впоследствии становятся несносными циничными хамками, мужчина для них самец, добытчик денег, «козел»; впереди у таких дам – развод, дележ имущества, судебные дела, бесконечная нервотрепка и неудовлетворенность во всех проявлениях. И, как правило, у таких уже не будет любви. Разве что к деньгам мужчины. А это любовь слишком зыбкая. Ведь мужчина-то интуитивно понимает, за что его любят...

О! милые девушки, юные создания, не пачкайте свою душу бранью, матерщиной, не допускайте в свое сердце черную злобу, которую несет междоветный плотский слог, который оставляет меньше шансов на искреннюю, светлую, духоподъемную любовь.

Есть такой певец, зовут его не по фамилии, а по кличке: что-то связанное со шнурками. Пошляк, сквернослов и хам – часто мелькает на экране; вот он закон эпатажа! Но мат на сцене запретили. Есть «закон об ответственности за нецензурную брань». Так этот деятель решил выступить без мата, но при этом снял на концерте штаны... Другие «шоумены» в одном из бесконечных «телешоу» на центральном канале, правда, заметили, что «пиписечка» у

голоштанного певчишки невелика. Поэтому, молодые люди, не стоит обращать внимание и тем более брать пример с этих пиписечных певцов! Они валяют дурака и потешаются над вами за ваши же деньги.

Как важно, чтобы родители и педагоги, проповедники и гуманитарии, а еще и вездесущие средства массовой информации (такие свободные!) провели просветительскую работу на эту тему, дали бы молодым людям представления о ценностях русского языка, русского творчества, дабы безвкусица, хамство и эпатаж не выдавались за искусство. Поймут ли и примут ли молодые люди эти наставления сразу? Скорее всего, нет, но они будут хотя бы посвящены в то, что существует и Русский Мир, и Русское Искусство, и непревзойденный Русский Язык. А чиновники из Минкультуры, Госкомпечати, телена начальники с госканалов публично должны отчитываться за казенные средства, то бишь народные, потраченные на современных создателей культурных ценностей. И вообще, всех чертей надо выводить на чистую воду! Знать, кому и за что мы платим! Депутаты, проснитесь!

Противно слушать матерные реплики со сцены театра. Стыдно становится за актеров, совестно перед соседями зрителями, будто и тебя, и их унизили. Некоторые демонстративно уходят из зала. И правильно делают! Всё же «храм»... И диву даешься, когда люди в театральных бархатных ложах – солидные мужчины и женщины в нарядных платьях (особенно где-нибудь в провинции) – смотрят на голозадых мужиков или слушают матерщину со сцены, а ведь эта публика считает себя нынешней

элитой, посещает модные театры, где куртуазные режиссеры, брезгующие законами русского театра и русских традиций, преподносят шедевры, от которых нормальному человеку хочется сморщиться и подумать: «Как хорошо, что мои родители и мои дети этого не видят!»

Пробелы вкуса у режиссеров-сквернословов сейчас заполняет законодательное ограничение по употреблению бранной лексики да и «Кодекс об административных правонарушениях», в котором нецензурная брань в общественных местах расценивается как мелкое хулиганство. Любое появление разумных законов, которые выполнят роль языкового ассенизатора, наверняка будет приветствоваться обществом. Законов разумных, продуманных: язык, мышление, устои, темперамент – рубку сплеча не принимает.

При этом только отъявленный русофоб или неуч может сказать, что мат – это язык русского народа.

Русские никогда не почитали матерщинников. И если о ком-то говорили: «он матерщинник», – произносили это с досадой или отчуждением, их так же не любили, как не любили лентяев, нерях, пьяниц. Жаль, что русские подчас излишне скромны в общении с хамами, излишне доверчивы, слушающая чепуху псевдоинтеллигенции, которая изнутри до дыр протирает экраны телевизоров; жаль, что потворствуем и наглецам из разных мигрантских наплывов.

А между тем даже в уголовной среде есть табу на матерщину. Блатной мир такую лексику отвергает. Не забудем, что в лагерях, к сожалению, находится немало наших сограждан. Не найти матерных слов в блатной поэзии, песнях.

Нет никаких матерных слов в фольклорных сказаниях, легендах, балладах... Кое-что наберется в срамных частушках да в некоторых сатирических сказочках из устного народного творчества (чаще всего это авторское творчество, которые пытаются сделать народным).

Иронически-похабная поэзия, сочинительское хулиганство, – на это заносило иной раз и талантливых литераторов, но при этом они ни на какие поэтические высоты и не замахивались, знали место таким срамным поделкам.

Армия... Вот уж где не скромничают и грешат многие – но не все! – матерным окриком. Это объяснимо. Там суровость службы, часто – климата, быта, там мужиковское общество. А междометный окрик, возглас, резко напрягает человека, взвинчивает, или играет роль сублимации, ибо внутреннее напряжение от службы и эмоции требуют своего исхода. И в некоторых случаях мат в армии теряет всякий смысл, превращается в возглас, бессмысленный клич. Но при этом опытные мудрые военачальники никогда не будут разговаривать с подчиненными бранными словами.

Не помню, чтобы командиры полка, замполиты полка (а я служил в трех частях) ругались при солдатах матом. Но помню полковника, начальника из дивизии, который без разбора крыл всех подряд... Он вызывал и усмешку, и даже какое-то сожаление, хотелось поежиться от его речи и становилось неловко за него.

А однажды на учения на полуостров Рыбачий к нам прилетел на вертолете проверяющий, генерал-лейтенант. Услышать от него не матерное, а просто грубое слово было стыдно... Да-да, именно

стыдно! За него! Он стоит в лампасах, золотые дубовые листья в петлицах, гербы на золоченых пуговицах – и вдруг брань, обращенная к солдатам и офицерам, на огневой позиции... Ну что ж вы так?! Не прапорщик ведь!

Так вот и писатель. На писателя воспитанный читатель смотрит не как на подвыпившего прапорщика, а как на генерала, – не имеет он права опускаться до матерной брани в своих книгах (извинюсь и перед прапорщиками: немало в армии и таких, от которых не услышать худых слов)!

В конце концов речь-то идет не о том, чтобы исключить несколько бранных, междометных слов из лексики языка, а о том, что изощренные русофобы и непросвещенные бездари пытаются почти весь язык русского народа свести к матерщине. И на законных основаниях использовать его в искусстве... узаконить этот слой как главный пласт языка русского народа.

Если кто-то вам говорит, что мат – это язык русского народа, тут же, глядя прямо в глаза этому человеку, задайте вопрос: кто он по национальности? Кто он по национальности?! Если этот аспид, балбес, вахлак, глупыш, дурень, (эх, до чего ж богат, сочен наш язык! ведь я тут только на первые буквы алфавита взял несколько «ласковых» словечек) – так вот, если этот человек будет колотить себя кулаком в грудь и доказывать, что он великоросс, спросите его: на каком языке говорила с ним мама, папа, бабушка, сестра? Может быть, у него хоть тогда просветлятся мозги...

Возможно ли избавиться или хотя бы несколько отстраниться от мата? Возможно! Почаще ходить в музеи, картинные галереи. Только избегайте вы-

ставок «современного искусства»: в словах «современное искусство» уже заложен какой-то подвох и намек на некие безобразия. Почаще стоит в одиночестве бывать на природе. Посидите в читальном зале, полистайте книги с картинами старых мастеров. Почаще бывайте на кладбище, вспоминайте родных. Невозможен, дик мат на могилах родных и близких... При воспоминаниях само сознание ограничивает, а вернее сказать – оберегает человека от матерщины. Невозможно вспоминать о своем детстве матерными словами... Храм тоже излечивает от бранных слов. Верно замечено, что человек, находясь в храме, даже про себя не может ругаться матом. Кто-то будет возражать, искать исторические казусы... Но дурной пример – нам не пример!

Не экспансия – здоровая защита

Язык – могучее средство воздействия на умы. Внедрение своего языка в другие нации – внедрение политической и экономической зависимости. Лучшего долгосрочного представительства своих интересов и придумать нельзя! А мы отступаем. И не только в «непримиримых» странах Балтии, но и в Средней Азии, а теперь и на Украине. Миллионы русских и русскоязычных граждан в странах СНГ остались без прав на свой язык. Забывчивые лидеры стран ближнего зарубежья не вспоминают, что русский язык прокладывал для национальных элит – научных, творческих – путь к мировому признанию.

Гуманитарное, просветительское значение русского языка в мире грандиозно! Стоило в бывших республиках СССР притеснить русский язык, сразу исчезли с мировой карты культуры все современные национальные литературы. Так как только благодаря русскому языку они были доступны широкой российской читательской аудитории и далее – мировой.

Да что говорить: десятки народностей «через русский язык» стали грамотными и обрели возможность общения с другими народами. А теперь целые государства уходят из сферы влияния русского языка. Мало того – вместе с этнически русским населением, «доставшимся» от СССР, попадают под влияние языка, культуры и религии, которые очень далеки от нашей культуры. И тут встает вопрос: а на какой язык, на какую культуру они повелись, что и кто теперь будет для них таким же проводником к мировому искусству, науке, культуре, каким был русский язык?

Защита национального языка не только в руках власти. Власть у нас нынче больше русскоговорящая... Защита родного языка во власти всех русских! Нам нужно почаще напоминать, что мы русские: в семье, в школе, на работе, в компании.

И пусть ошалелая русофобия, которая появилась сейчас в мировых СМИ, обратится в пустой собачий лай, изведет сама себя и охрипнет; а те, кто ее организуют, поймут, что мы любви к себе не просим, а вот за ненависть к русским, за русофобию придется платить.

РУССКИЕ АБЗАЦЫ

В человеке с рождения генетически заложено понятие красоты и гармонии. Для несмышленного малыша человек с длинным и большим носом, с мелкими глазами и другими некрасивостями неприятен, пугающ, хотя понятия, что красиво в облике, что нет, у малыша еще не выработалось. И вероятно, есть какие-то генетические основы совести, добра, кто-то утверждает – даже генетические основы веры. Поэтому литература, живопись, театр как элементы не природные, а производные зрелого человеческого ума будут всегда проигрывать генетическим началам в человеке.

Воспитание генетикой сильнее воспитания искусством.

Ломают копья вокруг «шедевра» Малевича «Черный квадрат»: искусство это или не искусство? Для начала приведем слова из одного письма П. Пикассо, где он говорит: я, дескать, понимаю, что то, что я делаю, не является искусством, но богачи покупают...

Другой эпизод. Двое евреев-эмигрантов из России создали в Европе фирму по продаже икры под маркой «русской икры», хотя икру закупали в Азии. Иногда в партиях товара попадалась икра абсолютно белого цвета – некий альбинос, она безвредная, но считалась бракованной, и ее отправляли обратно поставщику. Однако однажды наши ушлые евреи подумали: а что если сделать особенную баночку для этой икры, с особым холодильным элементом, назвать икру «Бриллиант», цену на нее поднять раз в пять... Чем закончилось дело? Богатейшие люди

Европы записывались в очередь на икру «Бриллиант», а когда она появлялась, устраивали пышные презентации и приглашали самых дорогих гостей.

...Феномен «Черного квадрата» легко объясним: аферизм, эпатаж во многих сферах нашего бытия прекрасно себя чувствует, в том числе и в сфере искусства. «Черный квадрат» – удавшаяся художническая афера, по сути, по содержанию не имеющая никакого отношения к подлинному искусству. Символика квадрата, чернота вместо иконы, раскаленный ажиотаж публики... – всё сработало в то время на «пятерку». И теперь еще держится на волне скандальной популярности этот подлог.

Ребенок, у которого чувство прекрасного и любопытство пока не испорчено миром и является некоторым эталоном чистого восприятия, вряд ли задержится в музее у «Черного квадрата», а если и задержится, то, скорее всего, почувствует какой-то подвох; но он непременно задержится у картин Васнецова, Шишкина, Саврасова, Сурикова, Перова, Поленова, Айвазовского и не будет пугаться в душе от подвоха...

Пора, пора писать «Белый параллелепипед»! Или «Желто-фиолетовый треугольник», или «Красные штаны»...

Писатель от других отличается тем, что открывает свою душу и помогает другим открыть в себе душу: чувства, сомнения и т.п. Он открывает то, что сокрыто в человеке, что, может быть, никогда бы не смогло в нем пробудиться и оформиться в чувство, эмоцию, желание. В этом великое предназначение писателя, великое предназначение книги.

Но сегодня проявилась небезобидная тенденция: книга утрачивает былое почитание, культовость, былую высоту и таинственность, которые она традиционно имела в России. С книгой в России всегда связывалась ученость, эрудиция, культура, духовность. Нынче такого нет. Жаль! Книга дает для человека удивительное пространство для мысли, чувства, впечатлений, эмоций, духовности. Русских людей нужно здорово оглупить, обобрать, чтобы они забросили хорошую книгу. Неужели этот процесс уже вовсю идет?

Слышишь, бывало: «Вот новый роман такого-то автора... Я, (он, она) новый роман написали... Мы напечатали новый роман такого-то...» и т.д. и т.п. и внутренне содрогаешься. Как нивелировано понятие романа! Этакий расхожий легкий жанр. А между тем роман, русский роман – это философия, это система образов, это сложная архитектоника, это пласты языка.

...Однажды, еще в молодые годы, я где-то прочитал, что на Западе (по-моему, в Германии) в литературоведении существует некий формальный подход к оценке произведения. Этот подход как аршин, как весы, как тест, благодаря которому можно признать произведение талантливым – или напротив: несостоявшимся.

Этот подход я прежде отрицал, а теперь не отрицаю. Признание определенных критериев в литературе пошло бы только на пользу подлинному искусству, хотя число романов явно бы поубавилось.

Итак, по каким же признакам можно оценить произведение и выставить автору оценку?

Критерий первый. Духовное и эмоциональное воздействие.

На первом плане – именно духовное, ибо эмоциональное воздействие всё же не самое главное для художественного произведения. Эмоции первичны, их легче вызвать, легче распалить на них читателя, а полноценная духовная составляющая – много важнее и сложнее.

Эмоции, к примеру, быстро и безотказно дает эротическая литература; легко «заводится» читатель на детективном повествовании – оно его захватывает, возбуждает в нем недолговечные страсти; фантастические сюжеты тоже держатся на эмоциях, иногда с интеллектуальной, иногда с детективной начинкой. И многие сочинители умело пользуются приемами, которые вызывают эмоции, эти эмоции и заставляют читателя добраться до конца книги.

Некой иллюстрацией к эмоциональности в искусстве может служить эстрада: безголосой певице делают особый макияж, прическу, юбку покороче... чтобы другими эмоциями скрасить ущербность ее голоса. «Деточка, – говорил в свое время Л. Утесов, – можно петь лучше, можно петь хуже, но главное – чтобы мужик, который сидит в зале, тебя хотел...»

В театре, к примеру, где зритель получает эмоции от действия, современные режиссеры очень любят истерику, обнаженку... Истерика возбуждает зрителя, не дает ему расслабиться, щекочет эмоции.

Словом, эмоциональная сторона произведения очень важна, однако не главенствующая. Мощь, силу произведению, незабываемость дают духовные начала. И если эти духовные начала подкреплены не спекулятивными, а честными эмоциями,

то произведение становится памятным, проникновенным, глубоким.

«Война и мир», «Анна Каренина» Льва Толстого – удивительный сплав высоких духовных начал и не менее глубоких эмоций. Любовь – всегда эмоциональна. Но помимо любви, герои романа находятся в постоянном выборе между правдой и ложью, между добром и злом, – тут-то и происходит духовное насыщение произведения.

Еще один классический пример (малая прозаическая форма) «Пиковая дама» А.С. Пушкина: интрига безусловная, но за интригой скрывается глубокая жизненная правда – духовная ломка человека, вечная борьба человека с властью и соблазном денег. При этом духовная составляющая подана Пушкиным не очевидно, на уровне подтекста, на уровне подсознательного восприятия.

Произведения, ущербные в духовном плане, не производят на человека длительного влияния, они не воспитывают в нем чувств, не обогащают его. И даже сделанные эмоционально-красочно – становятся просто завлекательными безделушками.

Распознать духовные и эмоциональные стороны произведения – значит «попереживать» его. Ежели переживания не выходит, стоит задаться вопросом: «Почему?».

Здесь, пожалуй, стоит добавить еще одну составляющую в значение художественного произведения. Гармония.

...В природе существует гармония. День – светло, человек бодрствует; ночь – темно, человек отдыхает. Природа циклична, обновляема, самосохраняема и держит себя в равновесии, если ей не мешает человек. В искусстве, в литературе человеку чита-

ющему тоже необходима гармония. Эту гармонию требует сама природа человека. Вычурная какофония в музыке, нарочитая несоразмерность в живописи, эстетическая разнузданность в литературе никогда не станут шедеврами искусства, хотя способны вызвать скандальный интерес, основанный на эмоциях. К месту сказать, литературный постмодернизм – это искусство простейших эмоций. Да и весь модернизм страдает этим. Вызвать эмоции – вот цель данного направления. Цель высокого искусства – вызвать глубокое чувство. Правда, у сильных произведений и эмоции способны перерасти в серьезное чувство. Но чаще всего завихрения в искусстве идут от авторских поверхностных ощущений и предназначены для возбуждения острых эмоций. Поэтому, как ни странно, постмодернизм – это примитивная, плоскостная ступень искусства, хотя всё подается очень напыщенно и с заумью. Большое незабываемое чувство – привилегия подлинного искусства. Псевдоискусство жидется на эмоциях. На эмоциях держатся и рекламные клипы.

Критерий второй. Интрига, фабула, сюжетные ходы.

Это, по-моему, и растолковывать не стоит. Без интриги, без сюжета, оригинального, неожиданного, имеющего даже в привычном тесте свои изюмины и свой неповторимый вкус. Существует, правда, понятие «бессюжетная проза». И впрямь некую бессюжетность можно встретить в рассказах некоторых классиков. Сразу вспоминается А.П. Чехов. Но бессюжетность эта условная. В рассказе всё равно что-то да происходит, пусть даже внутри самого рассказчика или его героя. «Бессюжетный», возьмем это слово в кавычки – совсем не означает,

что это безынтрижный... Интрига, литературный извив, внезапный поворот, удар, вспышка – в этом и заключается сила сюжета.

Классический пример. Того же А.П. Чехова. Рассказ «Ванька». В рассказе нет особенного сюжета. Ванька пишет письмо дедушке. Жизнь у мальчишки невеселая – это уже сюжет. Но главное – развязка. Ванька подписывает на конверте, который купил накануне за копейку: «На деревню дедушке. Потом почесался, подумал и прибавил: «Константину Макарычу». Вот в чем вся соль! Слово бы в финале рассказа происходит вспышка, взрыв – и весь рассказ, всё прочитанное о Ваньке, освещается новым драматическим светом. В этом и есть оригинальность сюжета. И, конечно, талант мастера.

Третий критерий. Мастерство композиции. Построение произведения. Архитектоника. Соразмерность.

В общем-то этот критерий выплывает или дополняет два предыдущих критерия. Тем не менее, от построения произведения очень многое значит. Не стоит забывать автору, что чтение – дело добровольное. И даже заплатив деньги за книгу, читатель не обязательно будет читать текст, если он его не увлекает, если он не построен. В свое время замечательный русский писатель Леонид Максимович Леонов говорил: когда читатель открывает книгу, у него внимания на целый рубль. Поэтому автор должен не транжирить деньги (внимание) читателя. А, если автор заставляет читателя на первой же странице потратить полтинник, то вряд ли читатель дочитает книгу до конца.

Четвертый критерий. Важнейший критерий. Образы.

Почитаешь наших современных писателей и ужаснешься. В некоторых книгах даже у главных героев нет характера, нет живых черт или есть заведомые штампы. В настоящей литературе даже собака и кошка со своим характером. Муму у И.С. Тургенева, Белый пудель у А.И. Куприна, Бим у Г.Н. Троепольского, Каштанка у А.П. Чехова.

Когда за перо берешься, героя-то своего представь! Чаю с ним попей или водки... А после, может, о нем и писать не захочется.

Образ, характер – это еще и мораль произведения. Известный, почти школьный вопрос: а в чем мораль? Образ, герой произведения – уже и есть сама мораль! Обломов, Павел Корчагин, Евгений Онегин, Григорий Мелехов...

Либеральные графоманы знай поливают грязью «сталинский роман» М.А. Шолохова «Поднятую целину». Но помимо политической составляющей, в этом замечательном романе – прекрасные живые образы! Дед Щукарь, Нагульнов... Да одна Лушка чего стоит! Рельефна, глубока, истинная красотка и баба-стерва! Лушка одной ляжкой прижмет десятка два блеклых, плоских героинь у тех же писателей, которые клеймили и клеймят шолоховский роман.

Образы в произведении могут быть и не очевидными. Настроение автора, метафора, соглядатайство – это тоже может быть образом и создавать силу настоящего художественного произведения. Фальшь, неадекватность, натяжка, вычурность, перегиб – вот что очень страшно! Гоголь говорил: «И на яблоньке могут расти золотые яблочки. Но не груши!»

Гоголевский Чичиков естественен, колоритен, как почти все герои Гоголя, хотя автор рисует свой,

абсолютно свой художественный мир, подчас очень далекий от реальной жизни, от живой России. Это черта гениального автора. Создать свой мир, свои характеры и нигде ни в чем не сфальшивить! О характерах русской прозы можно говорить, к великому счастью, бесконечно.

Пятый критерий. Стиль, язык, художественные средства.

Щедроты русского языка настолько велики, что вышли боком некоторым нашим гениям. Ни А.С. Пушкина, ни Н.В. Гоголя, ни Н.С. Лескова за границей почти не знают. Их мало переводили и переводят. А если и подают их, то с жуткой адаптацией.

Особенности русской мысли, мысли глубокой, которая облечена в столь же глубокое русское слово, оказалась малопонятной западному читателю. Что ни говори, а язык наш до расточительности щедр, как полная чаша, из которой льется через край.

Вспомнилось. Разговор с одной финской переводчицей, которая переводила мой роман «Правда и блаженство» на финский язык. В романе у меня встречаются некоторые диалектные слова, северные речевые обороты, шутки, пословицы и т.п. Для русского читателя они вполне понятны без всяких сносок и уточнений, всё ясно из контекста. Финская переводчица, причем опытная, которая много лет работала в знаменитом издательстве «Радуга» и переводила немало русских авторов, призналась мне: если я что-то не понимаю из русского языка, что-то специфическое, так я перевожу «настрое» автора...

Язык – иногда уникальная палочка-выручалочка для автора. Но для автора талантливого! Язык иногда спасает писателя там, где он сочинительствует

на грани... И.А. Бунин – великий знаток русского слова, – к примеру, вытягивал некоторые свои явно надуманные рассказы именно за счет богатства русского языка. «Господин из Сан-Франциско» – насквозь фантазированный рассказ, но как великолепно сделан!

Писатель в слове должен быть очень точен. У слова может быть несколько смыслов: первый, второй, третий... Смыслы очевидные, явные или завуалированные, оттеночные. Однако силу русскому слову придает именно точность. Шестьдесят четвертая доля ноты «си» первой октавы у Чайковского и Шнитке звучат абсолютно одинаково, но музыка у Чайковского совсем иного качества. Обоняние, осязание, слух, – простейшее восприятие у людей одного качества (прикладывая горячее, мы испытываем жжение). Так же и с осознанием слова. А.П. Платонов создал свой стиль, но не нарушил при этом точности в значении слов. Однажды Платонов спорил с редактором. У Платонова было написано: «В углу стоял тощий скелет». Редактор ему: зачем «тощий»? Скелет не может быть толстым. Нет! – возразил Платонов. Там именно стоял тощий скелет...

А теперь А.С. Грин: «Она взяла огромную черную руку и привела ее в состояние относительного трясения. Лицо рабочего разверзло трещину неподвижной улыбки» («Алые паруса».) Вот как распоряжается словом писатель. Когда писатель освоит безусловную точность слова, норму, тогда и отступление от нормы может быть абсолютно естественным, органичным, придающим неповторимость стиля. Кажется, в партитуре у Тихона Хренникова в фортепьянном концерте написано: «Играть кула-

ком...» Вот что позволительно мастеру! Нечто подобное и в работе над словом.

Русский язык подчас заставляет автора подчиниться русской эстетике. Если автор не подчиняется, слова у него – холодные, оловянные; утрачивается обаяние. Погрешности в языке при этом часто идут от погрешности замысла, от погрешности образа. Что-то лживое не дает писать верными словами: автор скачет, скачет... а всё как стреноженная лошадь. И литература, и язык имеют свои законы и не жалуют тех, кто им не подчиняется.

Шестой критерий. Значение для Литературы (с большой буквы). Продолжение традиций или новый шаг.

Что сделал автор в своей книге? Каков прок от нее в искусстве? К примеру, русский классический роман – это в первую очередь философия. Философия поиска смысла жизни, войны, любви, религии, быта и т.п. А не сочинительство для развлечения.

Появление в конце XX века огромного числа женщин, авторш в литературе свидетельствует о ее упадке, о ее прикладном, чисто развлекательном, легковесном характере. Женская литература последнего времени нанесла огромный вред русскому просветительству и эстетике. Человек, который плохо разбирается в литературе, возьмет, к примеру, почитать разрекламированных писательниц; почитает одну, другую, а потом плюнет и вовсе не будет больше читать никакие книги и портить на чтение время.

Причем столичная литература тянется к легкости, игрословию, в ней много апломба, лицемерия, позерства. И мало жизни, чувства и боли. Может быть, потому что в Москве всегда жилось лучше,

сытнее, чем в провинции, которая давала русской литературе порой мрачные правдивые картины бытия, написанные пронзительным русским слогом.

Седьмой критерий... Да нет. Пожалуй, хватит. Если даже применить эти, в чем-то небезупречные, в чем-то формальные критерии к оценке произведения, то получится вполне здравая картина. Было бы неплохо, если бы авторы и критики пользовались этой незамысловатой калькой. Было бы меньше непризнанных гениев. Впрочем, непризнанных гениев не бывает! По крайней мере, в Русской литературе такие неизвестны.

Гениальность М.А. Шолохова – природная, органическая, не воспитанная искусством. Нет абсолютно ничего удивительного, что он в молодом возрасте написал великий роман. Он шел «от земли», от естества. Пишу, что вижу. Что вижу и знаю, о том и пишу... Он видел лошадь и описывал пот на ней. Видел красивые глаза женщины и писал о том, как они блестят. Он видел жизнь казачьей станицы и описывал ее. Недаром В.В. Набоков – изысканный эстет – считал произведение М.А. Шолохова «Тихий Дон» набором банальностей. М.А. Шолохов шел безыскусным ходом, как идет путник по дороге (он ведь не прыгает, не кувыркается), как идет пахарь за плугом, как идет солдат на войну... Именно это и дало такой ошеломляющий результат.

В. П. Астафьев своей принародной матерной бранью позорил всех русских писателей и опошлял

народную речь. Безусловно, злопыхатели русского народа подумывали: что с этого народа взять, вон у них большой, по их меркам, художник, и тот как раздухарившийся пьяница где-нибудь в пивной...

Писателей уровня С. Довлатова в России множество. Они, как правило, скромны, понимая свое место в великой русской литературе. Думается, и сам Довлатов понимал свой очень скромный литературный талант, хотя и фанфаронился, бездарно надувая щеки... Но вот удивительно: либералам с русофобским душком очень нужно было раскрутить талант рассказчика Довлатова. Собрания сочинений, книги всех форматов и тиражей, опубликована и переписка... Вероятно, хотелось показать, что и среди писателей-эмигрантов есть хоть кто-то, есть хоть что-то. В поэзии раздули ироничного и злобного И. Бродского, абсолютно чуждого для русского настроения и души автора, в прозе – С. Довлатова, с его кислой иронией и нелюбовью к России.

Владимир Набоков писал очень красивыми слогом, изысканно, филигранно – великолепный огранщик бриллиантов, коими являются русские слова. Но в его бриллиантах преобладал ум, дар, а вот души мало... И.А. Бунин писал и красиво, и душевно. В.В. Набоков великий ценитель красоты, но эта красота неодушевленная, холодная. Совсем неслучайно, что он собирал, любовался и исследовал бабочек; в бабочках красота неживая, не разглядеть их глаз, не понять темперамента... Возможно, если

бы он был поклонником породистых лошадей или собак, то и писал бы более живо, душевно, с болью. И Владимиром Набоковым, и Иваном Буниным каждому молодому писателю надо переболеть, иначе красота их стиля будет мешать, даже вредить со-
блазнами.

Чтобы понять «русскость» стоит сопоставить двух поэтов легендарного Серебряного века: Б. Пастернака и С. Есенина. Есенин широк, силен, велик от природы. К сожалению, он не получил хорошего образования – из крестьян. Пастернак же получил прекрасное, включая заграничное, образование. Он очень талантлив, но отсутствие русской национальности, пропитанности русской жизнью, оставили Пастернака в камерном мире, со своими поэтическими, подчас очень далекими от русского мировосприятия прихотями.

Есенин рвался к полю, к роще, к облакам, во Вселенную. Он рвался из кабинетной жизни. Пастернак, напротив, поэт, далекий от русского простора, стремился «в кабинет». Поэзия у него отнюдь не заоблачная, а камерная, бессолнечная. А проза Пастернака и вовсе скучна, опять же чрезвычайно камерна. Есенин так и остался не доступен для западного читателя. Пастернака, напротив, политически подняли на олимп, раскрутили, дали Нобелевскую премию, адаптировали под западного читателя. Есенина так адаптировать невозможно. Есенин поэт истинно для России, поэт романтический и заоблачный... Пастернак, по большому счету, не интересен русскому читателю, его просто нарочито навязывает либеральная интеллигенция.

«Красота мир спасет!» – сказал Ф.М. Достоевский. Этой фразой повсюду спекулируют. Лепят лозунг на заборе: выставка современного искусства под девизом «Красота спасет мир!» Как это всё вздорно. В первую очередь, Достоевский имел в виду красоту духовную, а не внешнюю (от той красоты, которой потчуют нынешние модернистские художники, только сплунешь). Но даже и эта красота (по Достоевскому) не спасет мир, потому что на земле есть власть... Мир спасет еще более усовершенствованное оружие, еще более грозное, чем атомное, которое способно отрезвлять всякого правителя, всякую власть.

Если заставить крестьянина «делать балет» в сапогах – он не сможет или сделает скверно, всех насмешит. Так же и в революции: простых людей, далеких от «политических балетов», заставляли делать балет. А когда у них, естественно, выходило дурно, тогда реформаторы кричали им: вы темны, вы невежественны, вы рабы и прочую чушь. Провокаторы, русофобы! Последняя капиталистическая революция – всю Россию решили проучить «бизнесом». Это тоже балет... Бизнес в Россию пришел воровской, алчный, антирусский.

Эпоха перестройки и ельцинизма для России – словно один непрекращающийся жуткий запой. Вроде бы уже всё, – всё разбазарено, всё пропито, пора кончать, остановиться, одуматься. Ан нет, кто-то опять нащербенькает по углам на бутылку и сгоняет в

магазин, и запой продолжается. А в кураже опять что-то, даже самое заветное, святое продали, потеряли, пропили в следующем заходе в магазин. Утром – бардак, грязь, и надо бы браться за ум, но какой-нибудь жучок опять сговорит на опохмелку... Опять – стакан, а под шумок дом обчищают и обещивают.

Говорят про утечку мозгов. Но в 80-е и в начале 90-х это была не только утечка мозгов, когда даровитые молодые ученые уезжают на Запад в поисках реализации творческих стремлений и достойного заработка, – в те 80-е и в начале 90-х происходила не только утечка мозгов, но и утечка пошлости и русофобии. И этот процесс для России был безущербным и очистительным. Вот твердолобые коммунисты: не могли шире открыть ворота для выезда из страны диссидентов!

Иная деталь скажет больше, чем целое полотно. В перестройку, в ельцинский период в некоторых областях людей хоронили без гробов, в мешках. А еще давали гробы напрокат.

Литература обличительного характера, как правило, слаба художественно и живет недолго. Мало кто читает, а впредь и вовсе не будут читать солженицынский «Архипелаг ГУЛАГ» (это сейчас навязанное чтиво) и уж почти забыт «Красный террор в России» С.П. Мельгунова.

Истории дорог позитивизм.

Есть десятки писателей-патриотов, которые воюют с ветряными мельницами. Они что-то такое «державное», русское пишут, говорят, выступают с трибун, выкрикивают... А на самом деле их не только не слышит супротивная сторона, ее по сути и нет в том виде, в каком она представляется писателям-патриотам.

Эх, братцы! Так и вспомнишь мать моего школьного приятеля Александра Манина; она на высокой бабьей ноте отчитывала его за школьные «двойки»: «Саша, не будь дураком-то! Не будь!»

Настоящий художник не может быть злым, жестоким, язвительным (разве что в эпиграммах, не надо путать с темпераментом и волей художника). Нет зла и жестокости в картинах великих мастеров, благозвучна, нежна музыка гениев композиторов. Злость авторская, ехидство, глумливость – скорее всего, скрытое, а подчас и явное свидетельство малодушия и творческой низкорослости, или отсутствия истинного художнического таланта.

Любой прославившийся человек, добившийся в творчестве признания и почета, несомненно, останется невежествен и слеп, если будет считать, что только его талант, его труд подняли его над толпой... Нет, он приподнялся именно за счет того, что другие, не менее талантливые, уступили ему дорогу в силу разных причин и обстоятельств; за счет того, что родители, общество отдали ему, жертв-

вовали свой ум, свой опыт, чтобы он, избранный, возвысился над ними, над толпой. К тому же есть понятие еще коллективного разума, коллективного таланта. Потому всякий гений должен помнить о том, что он щедро авансирован другими. Баловень судьбы.

Когда читал «Другие берега» В.В. Набокова, вспомнился «Как бодался теленок с дубом» А.И. Солженицына. В каждой строчке самолюбование, объяснение в любви самому себе и совершенная брезгливость по отношению к тем, кого не понимали, не оценили. Какая скука и ущербность! И хотя они оба – отверженные (а быть отверженным всегда тяжело и обидно), всё-таки некоторым писателям не надо писать мемуары, воспоминания. Уж слишком неприглядна их изнанка, которую они невольно обнажают.

Вот гримаса последнего времени – премии. Любой богач – пусть даже вор – может организовать литературную премию со знаменитой маркой, именем и т.п. Но людей малокультурных, жулье можно простить. Чего с них возьмешь? Позор писателям, которые при жизни имеют премии своего имени. Стыд-то какой и дискредитация всего русского писательства! Премия Солженицына – это и есть свидетельство ущербности писателя. Разжился за счет сытого антикоммунистического и антирусского Запада, придумал свой фонд и прихотливо стал раздавать премию своего имени. Всё это бескультурье

и не по-писательски как-то. Если хочешь и можешь помочь собрату – помоги. Чего афишировать-то! А то выходит какое-то самохвальство зажирелого купчишки.

Критикам часто кажется, что они пишут о произведении – нет, в последнее время они чаще всего показывают свой уровень образованности, а еще чаще необразованности, уровень ангажированности. А еще есть «липучие» критики, которые постоянно стараются лезть на глаза со своими дурацкими критическими статьями. С ними никто не спорит, потому что спорить с ними – это унижать себя. Да и всё равно толку не будет: оспаривать недоумка и невежду – выйдет себе дороже. А еще это можно сравнить с тем, как пьяный мужик влез в трамвай и стал приставать к пассажирам. В трамвае было нормально, спокойно, люди ехали по своим делам, а тут этот пьяный неадекватный мужик лезет то целоваться к кому-то, то задирается... Взять бы набить ему морду да выгнать из трамвая, но пассажирам руки пачкать не хочется. Вот так и едут, мучаются от его дурацких приставаний, терпят и ждут: может быть, этот идиот выйдет на ближайшей остановке.

В.М. Шукшин, В.И. Белов, В.Г. Распутин, В.П. Астафьев, Е.И. Носов талантливо копнули во второй половине XX-го века тему народную, крестьянскую, но отнюдь ее не перепахали. Отсутствие в этой деревенской литературе глубокого философского нача-

ла оставляет ее неким сужающимся островком, оазисом, из которого постепенно уходит вода. Жаль! Цельного философского направления эти писатели не сформировали, хотя образы создали великолепные! «Деревенщики» – так оскорбительно их называла либеральная критика – были на голову, на две выше либеральных писателей их поколения. Однако гениальности Достоевского им не хватило. «Деревенская литература» не объяснила природу власти, не подняла русского человека вверх, окрылив его божественной мечтой, но при этом истинно отразила его страдания и неприютность в политических системах прошлого века.

Снимают сериалы по книгам раскрученных детективщиц... А всё плохо. Нет достойной литературы, нет характеров, и всё – на раскоряку. Хоть каких актеров набирай, хоть какие деньги вкладывай, всё одно будет плохо, ибо нет материи для искусства.

Помню, когда-то смотрел по телевизору, как зал советских писателей рукоплескал Л. Брежневу, которому Г. Марков позорно совал в руки писательский билет, за книги, которые генсек написал не сам. Брежнев даже ни разу не видел тех журналюг, которые сварганили ему эти книги (о том, что он их ни разу не видел, я узнал позже). «Что они там, с ума все походили?!» – думал я, видя как Г. Марков под овации писательского зала лезет целоваться с новоиспеченным членом Союза писателей СССР.

Впрочем, всё это советские шалости, которые с усмешкой хочется простить, видя нынешнюю подлость, воровство, лицемерие и тех, кто хлопает в ладоши, и тех, кому хлопают.

Конец минувшего века подарил нам столько литературных признаний в любви к Отечеству, что диву даешься. «Россия! Русь! Люблю тебя!..» – как заветный пароль к доступу в патриоты, как необходимое клише во всех стихах гражданской тематики, как дежурная заставка к циклу или подборке публикуемых стихов; даже привычное эпигонство С. Есенину и Н. Рубцову превышает все разумные нормы. «Россия! Русь!» – в подобных стихах столько однообразия и звона, а подчас очевидного пу-стозвонства, что приходится очень сожалеть: как же так, почему мода, поветрие, конъюнктура способны легко замутить мозги сотням русских стихотворцев?

Стихи о Родине требуют колоссального таланта, трепета, бережности к слову, покоя, раздумчивости, а ведь читатель чаще всего теперь встречает четверостишные здравицы, которые ничего не дают ни уму ни сердцу. Речь не о том: любит или не любит автор Родину, речь – о Поэзии.

Не реже, а может быть, даже чаще, чем слово «Россия» встречается в нынешних строфах слово «Бог». Все поэты как будто враз стали верующими, а особенно стали веровать в Господа те, кто вышел из партийной номенклатуры, и демонстрируют они это как-то наиболее суетливо и показушно. Особенно это относится к деятелям комсомольско-партийного разлива. Многие из них торопятся

высказать дактилем и ямбом свое истинное – ох! истинное ли? – прозрение и преданность православию. А ведь призывать любви к Богу и поучать этой любви бывшим партийцам является верхом лицемерия и эгоизма. Тем, кто поменял партбилет на крест, следовало бы сперва укрепиться в вере, а не выпячивать ее, зарифмовывая святые имена и понятия.

Воцерковленный человек и вовсе не будет писать стихи, ибо литературное творчество – это отчасти проявление себялюбия и тщеславия. Есть, конечно, примеры православных писателей: Тютчев, Достоевский, Лесков, Шмелев... Но, во-первых, это величайшие художники, а во-вторых, чаще всего они писали не о своей любви к Богу, а о людях, глубоко преданных вере. И уж ежели современный автор решил писать о святом, то это не должно превращаться в истерику, в кликушество, в лозунговый печатный ор...

Любовь к Господу, наверное, уместнее проявить в деяниях своих, в образе жизни, в молитвах, также и любовь к Отечеству – в бескорыстной помощи сотоварищам, в терпении, в трезвомыслии и, разумеется, в созидательном труде, в том числе труде писательском, что требует таланта и вдохновения.

Излишняя показная набожность тех, кто еще вчера от церкви воротил нос, – самый подлый вид высокомерия.

«О мертвых либо хорошо, либо ничего, кроме правды», – изречение древнегреческого политика и поэта Хилона из Спарты (VI в. до н. э.), приведенное историком Диогеном Лаэртским (III в. н. э.)

в его сочинении «Жизнь, учение и мнения прославленных философов».

Другой вариант: «О покойных либо хорошо, либо ничего, кроме фактов». Это, пожалуй, точнее. Факт и правда – не одно и то же. Правда у каждого своя. А вот факт, событие, действие переиначить нельзя. Другое дело, что есть особый подбор фактов... А еще эту фразу переводили так: «О мертвых либо хорошо, либо ничего, кроме были». То есть того, что было, реально произошло.

Вспомнилось, как один из самых крикливых либералов, курчавый плейбой Б. Немцов (Хлестаков «нового времени»), будучи губернатором Нижегородской области, расшаркивался перед английской старухой М. Тетчер на Нижегородской ярмарке. Это демонстрировал один из местных телеканалов. А другой местный телеканал почти в то же самое время показывал автозаводскую свалку в Нижнем Новгороде, где жили – постоянно жили! – до полусотни беспризорников.

К 200-летию Николая Васильевича Гоголя.

Гоголь создал свой мир, смешной и страшный. Не реальный – и вместе с тем очень живой и живучий. Его яркие вымыслы поражали более, чем иные людские характеры. Именно реальным людям стали примерять: кому – хлестаковское партикулярное платье, кому – чичиковский сюртук, кому – башмачкинскую шинель, кому – подколесинский фрак...

Люди смеялись, читая его книги. А он страдал, полагая, что согрешил перед соотечественниками. Он мучительно искал Истину и, вероятно, не нашел ее. Он оставил загадку своего творчества и своей личности.

Без Тараса Бульбы и Старосветских помещиков русскую литературу не представить! Он не стал популярен на Западе – точно так же, как его старший брат и учитель Александр Пушкин. Но они по-писательски счастливы у себя дома. Всяк русский человек снимет пред нашими гениями шляпу.

Нынче мы празднуем славную дату – 200 лет Николаю Васильевичу Гоголю!

Будем по-прежнему читать его, переживать за его героев и, конечно, смеяться – до слез.

Подписано в печать 12.09.2020.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Georgia». Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 8,26.
Заказ № 211. Тираж 979 экз.
Дизайн и верстка: С.А. Крапоткина.
Корректор: Ю.В. Ляшенко.
Отпечатано в типографии ООО «АЛЕКС ПРИНТ»:
394007, г. Воронеж, Ленинский проспект, д. 94, корпус 5, к. 52.
Тел. 8 (4732) 90-45-17.